

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

Филологическія Записки издаются

въ **ВОРОНЕЖѢ**. Выходятъ безсрочными выпусками—
по шести выпусковъ въ годъ.

Цѣна на годовому изданію **6** руб. **50** коп.

Подписка преимущественно принимается:

въ **ВОРОНЕЖѢ** въ Редакціи Филологическихъ
Записокъ; также въ извѣстныхъ столичныхъ книжныхъ
магазинахъ и другихъ городахъ.

Въ Редакціи также можно получить:

Годовое изданіе «**Филологическихъ Записокъ**» и
за прежніе годы, а равно и нѣкоторыя отдѣльныя изданія,
а именно:

О происхожденіи языка. Э. Ренава. Пер. съ фр.
А. Н. Чудинова. 1865. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ
Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и Н. Артемьева. 1866.
Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса-Мюллера.—Шесть лекцій. Выпускъ I. Перев. съ Англ. Д. Лавренка и Г. Кайзера. 1868 г. Цѣна 1 р. 40 к. съ перес.

Наука о языкѣ. Выпускъ II, заключающій въ себѣ
послѣднія шесть лекцій Макса-Мюллера—VII—XII. Пер.
съ Англ. Г. Кайзера. Цѣна 1 р. 10 к. съ перес.

Искусство въ Италіи и Нидерландахъ. Лекціи Тана.
Выпускъ II. 1871 г. Перев. съ франц. А. Н. Чудинова.
Цѣна 1 р. за экз. съ пер.

Искусство въ Греціи. III вып. Цѣна 60 к.

Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній,
въ переводахъ русскихъ писателей, I томъ котораго состав-
ляютъ **Образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи,**
изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова 1875 г. Ц. 2 р. за экз.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій.**

УДР
Ф54

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ.

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНИЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ
ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВ-
НИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ.

Изд. А. Хованскимъ.

— ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ. —

ВЫПУСКЪ Ш.

1885.

Воронежъ.

Въ Типографіи В. П. Исаева.

СОДЕРЖАНІЕ III ВЫПУСКА.

Очерки изъ области фонетики. V. Накопленіе гласныхъ. — VI. Накопленіе согласныхъ. — VI. Слогообразовательные звуки. (Окончаніе).

Проф. В. И. Шерцля.

Литературная эволюція на Западѣ. (Продолженіе).

Проф. Н. И. Карѣева.

Къ ученію о славянскомъ глаголъ. Выписка формъ отъ глаголовъ группы А изъ древнѣйшихъ памятниковъ. (Продолженіе)

В. М. Добровскаго.

Критическая замѣтка по поводу двухъ изданій Проф. Гейтлера: Euchologium — U Zagrebu 1882. Psalterium — U Zagrebu 1883.

Е. Ѳ. Будде.

Краткій очеркъ говора села Сергѣевки Бобров. уѣзда Воронежской губерніи. I. Важность изученія говоровъ; II. Фонетическія особенности говора въ гласныхъ звукахъ. (Окончаніе до слѣд. книжки).

С. Н. Придкина.

БИБЛІОГРАФІЯ:

Русскій Синтаксисъ на основаніи изслѣдованій г.г. Потбни, Мильошича и Гейзе. Сост. Н. Баталинъ. 1883.

Влад. Костылева.

X 4A
9054

ОЦЕРКИ ИЗЪ ОБЛАСТИ ФОНЕТИКИ.

(Продолженіе).

V. Накопленіе гласныхъ.

Внятность языка основывается преимущественно на его гласныхъ. Длительные звуковые комплексы, состоящіе изъ однихъ только гласныхъ, могутъ насъ неприятно поражать своимъ рѣзкимъ вокальнымъ тономъ и по множеству быстрыхъ смѣняющихся слоговъ, требующихъ учащенныхъ экспирацій, могутъ показаться не совсѣмъ удобопроизносимыми, но, не смотря на эти неудобства, внятность, отчетливость такихъ звуковыхъ группъ отъ этого нисколько не уменьшается. Было бы нетрудно составить языкъ, состоящій изъ однихъ только согласныхъ, но такой языкъ былъ бы слышенъ лишь на очень близкое разстояніе. Согласные физиологически не что иное, какъ результатъ тренія, сдавливанія или пріостановки, перерыва дыханія въ какой нибудь части рта или горла и звуковые продукты такого рода, по существу дѣла, не могутъ быть передаваемы на большія разстоянія. Сверхъ того согласные въ обыкновенной артикуляціи оказываются только переходными, соединительными звуками, на которыхъ голосъ не останавливается; проходя на своемъ пути черезъ всѣ звуки даннаго звуковаго комплекса голосъ не одинаково и не равномѣрно поддерживается отъ начала до конца вокализованной артикуляціи. Если два или болѣе согласныхъ соединены въ одномъ слогѣ, то въ произношеніи его каждый изъ нихъ теряетъ часть своего нормальнаго звука. Только гласные (или точнѣе говоря: сонанты) являются обремененными слоговымъ удареніемъ; согласные, съ акустической точки зрѣнія, только вліяютъ болѣе или менѣе существенно на артикуляцію гласныхъ и видоизмѣняютъ ее. Оттого приравливаніе согласныхъ къ тѣлу, а гласныхъ къ душѣ языка, которое встрѣчаемъ у евреевъ и грековъ, довольно мѣтко и удачно (ср. Grünbaum, Zeitschr. d. d. morg. Ges. XXXI, 289; Steinthal, Gesch. der Sprachwiss. bei den Griechen und Römern 566); Heyse (System der Sprachw. 74) называетъ согласные „проявленіемъ свободнаго, мыслящаго духа“, а гласные „проявленіемъ душевныхъ ощущеній“.

13914
5092703

ВОРОЖЕВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА ИМ. Н. С. ГИЛЯКОВА

Журнальный фонд
каж. Областной
БИБЛИОТЕКИ
им. Н. А. Добролюбова

КХ

Гласные представляют несравненно болѣе подвижный элементъ въ языкѣ, нежели согласные и уцѣлѣвшіе слѣды сим-волики въ языкахъ проявляются въ гласныхъ гораздо чаще и опредѣленнѣе, нежели въ согласныхъ. Гармонія и благозвучіе языка, которыя, помимо своей субъективной растяжимости, имѣютъ несомнѣнно также свою объективную подкладку, зависятъ болѣе всего отъ симметрической послѣдовательности въ распредѣленіи гласныхъ и согласныхъ въ слогахъ. Идеаломъ благозвучія и гармонической отчетливости былъ бы такимъ образомъ тотъ языкъ, въ которомъ за каждымъ согласнымъ слѣдовалъ бы гласный, за каждымъ гласнымъ согласный. Есть разные языки, которые, по принципу, въ теоріи весьма близко подходятъ къ этому идеалу: сюда особенно принадлежатъ разные африканскіе языки отдѣла Банту (напр. зулускій языкъ), малайскій языкъ, полинезійскіе, японскій и пр., но почти всегда оказывается, что историческое развитіе языка идетъ въ разрѣзъ съ предназначеннымъ теоріей основаніемъ и что практика не всегда руководится теоретическими соображеніями и вырабатываетъ свой особый строй. Такъ, зулускій языкъ принадлежитъ къ благозвучнѣйшимъ нигритскимъ языкамъ, но его благозвучіе въ значительной степени парализуется употребленіемъ трехъ, перенятыхъ отъ готентотовъ, щелкающихъ звуковъ. Въ полинезійскихъ языкахъ строжайше соблюдается правило, въ силу котораго два согласныхъ не могутъ стоять рядомъ и ни одно слово не можетъ оканчиваться на согласный, но чрезмѣрная односторонность этого направленія въ звуковомъ развитіи повела къ значительному ограниченію согласныхъ и къ непомѣрному преобладанію гласныхъ, въ ущербъ благозвучію языка. Звуковой составъ японскаго языка въ теоріи состоитъ изъ симметрическихъ слоговъ, заключающихъ въ себѣ, кромѣ отдѣльныхъ гласныхъ, согласный и гласный (такъ напр. *ki-gi-to-no* „платье“, *si-ro-ga-ne* „серебро“, *va-ga-ku-ni* „родина“, *mo-no-sa-bi-si* „глухой“ и пр.); на этомъ принципѣ основано туземное слоговое письмо *катакана*. На практикѣ же оказывается, что языкъ значительно измѣняетъ предназначенный ему теорією звуковой составъ, выпуская на каждомъ шагу гласные *i* и *u* и смяг-

чая и уподобляя согласные; такъ напр. графическое начертаніе fito (человѣкъ) туземцы выговариваютъ ūto, sijasuru (благодарить) превращаютъ въ ūasur, kohōri (ледъ) сокращаютъ въ kōri, sijomocu (книга) въ ūomoc, nicuron (Японія) въ nipron, mocotekuru (приносить) въ mottekur, hijakf sijō (крестьянинъ) въ hakšo и пр. Въ туземныхъ словахъ въ большинствѣ дравидскихъ языковъ соблюдается весьма простая и правильная система распредѣленія звуковъ въ словахъ; такъ напр. въ канарескомъ языкѣ, въ Телугу и Малаяламъ, группы двухъ или трехъ согласныхъ не только въ началѣ словъ, но въ началѣ слоговъ вообще невозможны, въ началѣ каждаго слога можетъ находиться одинъ только простой согласный. Если среди многосложнаго слова одинъ слогъ оканчивается на согласный и непосредственно слѣдующій за нимъ слогъ начинается съ согласнаго, то стекающіеся согласные должны подвергнуться уподобленію или между ними вставляется гласный. Группы двухъ или трехъ согласныхъ въ концѣ словъ столь же немыслимы, какъ въ началѣ словъ. Особенно симметричностью отличаются канарескій языкъ и Телугу, въ которыхъ каждое слово правильно оканчивается на гласный; между двумя согласными обыкновенно вставляется i, рѣже u. Такъ, въ тамульскомъ языкѣ kršna переходитъ въ kirutina (kiruttina), pra въ pira, dva въ diva, gja въ gjia, и пр. Два согласныхъ въ началѣ словъ не допускаются также въ урало-алтайскихъ или чюдскихъ языкахъ. Въ турко-татарскихъ языкахъ въ такомъ случаѣ или первый согласный отбрасывается или къ слову спереди приставляется протетическій гласный; такъ въ абаканскомъ нарѣчій изъ русск. спасибо сдѣлали разува (благодарю), изъ здорово — torōba (здравствуйте) и пр. (Radloff, Phonetik der nördl. Türksprachen 168). Два согласные въ началѣ словъ составляютъ въ этихъ языкахъ sporadическое и сравнительно позднее явленіе. И въ концѣ словъ эти языки не любятъ двухъ согласныхъ и часто избѣгаютъ ихъ; такъ казан.-татарск. öjäs=русск. уѣздъ, vutys=волость, gas (точный)=перс. râst, киргизск. baq или uaq (время)=арабск. vaqt (Radloff, ibid. 194).

Связныя, сплошныя фразы какого нибудь языка не-

привычный слухъ сперва дѣлитъ на группы по гласнымъ, гдѣ около каждаго гласнаго сосредоточиваются примыкающіе къ нему и какъ бы подчиненные ему согласные; такимъ образомъ слухъ сперва различаетъ слоги, а анализъ слоговъ, разборъ согласныхъ, является гораздо позже. Въ полномъ согласіи съ такою хронологическою послѣдовательностью древняго анализа звуковаго состава находится развитіе письма, такъ какъ прежде всего изображали на письмѣ цѣлую идею или отдѣльное слово (письмо идеографическое), затѣмъ переходили къ слоговому письму и наконецъ къ буквенному. О первенствѣ слоговаго письма передъ буквеннымъ явно свидѣлствуютъ древне-египетскіе и мексиканскіе гіероглифы, китайское письмо, японское, яванское и др.

Въ индоевропейскихъ языкахъ историческое развитіе имѣло также послѣдствіемъ значительное сокращеніе звуковой оболочки какъ простыхъ, такъ и сложныхъ формъ и словъ. Въ способѣ звуковаго сокращенія языки могутъ расходиться по двумъ направленіямъ, смотря по тому, выпадаютъ ли болѣе гласные или согласные; хотя въ каждомъ языкѣ звуки обоихъ разрядовъ подвергаются выпущенію, но въ нѣкоторыхъ языкахъ въ бѣльшихъ размѣрахъ выпадаютъ гласные, въ другихъ же согласные. Такъ напр. въ греческомъ языкѣ болѣе выпадали согласные, а въ германскихъ гласные. Чрезмѣрное, слишкомъ одностороннее развитіе этого звуковаго процесса порождаетъ тѣ аномальныя явленія, которыя обнаруживаются съ одной стороны въ громадномъ накопленіи гласныхъ, съ другой въ необыкновенномъ скупиваніи согласныхъ. Ни въ первомъ, ни во второмъ изъ этихъ явленій, не можемъ усматривать слѣдовъ какого-то предполагаемаго первобытнаго звуковаго состоянія праязыка, хотя оба явленія представляютъ несомнѣнное извращеніе принципа симметричнаго или по крайней мѣрѣ удобнаго распредѣленія звуковаго состава. Громадное накопленіе согласныхъ о которомъ будетъ упомянуто ниже, составляетъ большой недостатокъ звуковой стороны языка, но и на оборотъ чрезмѣрное разжиженіе звуковъ вслѣдствіе непомѣрнаго преобладанія гласныхъ принадлежитъ къ крайне непривлекательнымъ

сторонамъ языка, и Поттъ справедливо называетъ его «molluskenartiges zerfliessen in vocalschleim» (Ersch u. Gruber, Encycl. 62, 405).

Въ индоевропейской отрасли накопленіе гласныхъ встрѣчаемъ особенно въ индійскомъ языкѣ и въ греческомъ. Въ искусственномъ литературномъ языкѣ древнихъ индійцевъ, въ классическомъ санскритѣ, нѣтъ, правда, никакого накопленія гласныхъ и гіать, который еще допускался въ ведическомъ языкѣ, въ санскритѣ всячески устраняется, но выпаденіе согласныхъ и скопленіе гласныхъ очень часто происходитъ въ пракритскихъ нарѣчіяхъ, представляющихъ настоящій разговорный языкъ индійцевъ. Практическія нарѣчія выказываютъ замѣчательное стремленіе къ уравниванію количественныхъ отношеній между гласными и согласными и особенно не любятъ сплошныхъ группъ двухъ или болѣе согласныхъ. Оттого встрѣчаемъ такъ часто вставочные гласные среди двухъ гласныхъ: ar-i-ho (скр. arha достойный), k-i-rīto (скр. krīta купленный), k-i-lanto (klānta усталый), sib-i-no (svapna сонъ), h-i-rī (hrī стыдъ), s-i-neha (sneha любовь), s-u-mag (smag помнись), pad-uma (padma лотосъ). Сонантъ г замѣняется черезъ гласные, особенно черезъ u и i: udu (скр. ṛtu время года), kasana (скр. kṛṣṇa черный), âidî (âkṛti видъ), suudî (sukṛti благодѣяніе), ср. также gaana (ratna драгоцѣнный камень). Еще чаще выпускаются согласные, отчего происходитъ скопленіе двухъ или болѣе гласныхъ: loo (скр. loka мѣръ), gao (gāḡa слонъ), nai (nadî рѣка), taâ (tadâ тогда), kaî (kapî обезьяна), hiaaṅ (hṛdajam сердце), viiaṅ (dvitijam второе), taiaṅ (trtijam третье), râaulaṅ (râgâkulam царскій родъ) и пр. Санскр. bhrâtâ превращается въ пракр. bhââ, mâtṛka въ mâuo, prâkṛta въ râua, subhaga въ suhaa, nijoga въ nioo, такъ что Бямсъ весьма мѣтко сравниваетъ такія слова съ „пловучими массами мякоти“ («floating masses of pulp»), изъ которыхъ вынуты всѣ кости (Beames, Comp. Gramm. of the Modern Aryan lang. I, 126).

Несравненно въ большихъ размѣрахъ выпаденіе согласныхъ разыгрывается въ греческомъ языкѣ, который на-

копленіемъ гласныхъ превосходить всѣ остальные индоевропейскіе языки. Во многихъ словахъ выпаденіе согласныхъ обнаруживается при сравненіи ихъ съ словами сродныхъ языковъ: *ὄϊς*—лат. *ovis*, *ἰός* (ядь)—скр. *viša*, *εὖ*—скр. *su* (хорошо, благо-), *ἔαρ* изъ *εεσαρ*, скр. *vasanta* (весна), *ἔαγα* изъ **εεαγα-*, скр. *babhaṅga*, *αἰών*—лат. *aevum*, *ὄϊετος*—скр. *avjas* (овечій) и пр. Примѣровъ накопленія гласныхъ до того много, что достаточно указать лишь на нѣкоторые: *ποιέω* (дѣлаю), *ἀαίω* (повреждаю), *αἰεῖ*—*ἀεῖ* (всегда), *ἔῤῥος* (хорошаго—род. отъ *εὔρος*), *εὐαυής* (попутный—о встрѣ), *ἰαύω* (провожу ночь), *ῥῖα* (съѣстные припасы), *ῥῖοεις* (съ высокими берегами), *δηρόφεν* (Од. IV, 226; Шлейхеръ приводитъ этотъ примѣръ въ Beitr. II, 391).

И въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ встрѣчаемъ иногда выпущеніе согласныхъ въ большихъ размѣрахъ и замѣну ихъ гласными или стеченіе гласныхъ; сюда принадлежатъ разныя нѣмецкія нарѣчія, въ которыхъ согласные выпадаютъ сплошь и рядомъ и гдѣ большинство словъ исходитъ на гласные, ср. напр. слѣдующія слова изъ восточно-франкскаго нарѣчія: *heia* (нѣм. *herr* господинъ), *поа* (только, нѣм. *nur*), *feia* (для—нѣм. *für*), *bāa* (дорога—нѣм. *bahn*), *māa* (макъ—нѣм. *mohn*), *gāa* (снопь—нѣм. *garbe*), *bēa* (пиво—нѣм. *bier*), *sēa* (видѣть—нѣм. *sehen*), *mea* (море—нѣм. *meer*), *fīati* (готовъ—нѣм. *fertig*), *mīa* (миѣ—нѣм. *mir*), *kūa* (могу—нѣм. *kann*), *bōa* (крестьянинъ—нѣм. *bauer*), *eiabia* (земляника—нѣм. *erdbeere*; ср. Gradl, Zum ostfränkischen Vocalismus, Ztschr. f. vergl. Sprachf. XVII, 2—10). И въ англійскомъ языкѣ согласные опускались чрезвычайно часто, хотя языкъ счумѣлъ избѣгнуть накопленія гласныхъ: такъ англосакс *wīfman* сокращено въ *woman* (женщина), *faeger* перешло въ *fair* (красивый), *sprecan* въ *speak* (говорить), *heafod* въ *head* (голова), *hlaefdige* въ *lady* (госпожа), *sacristanus* въ *sexton* (пономарь) и пр.

Въ другихъ отрасляхъ историческое развитіе обуславливается также весьма часто сокращеніемъ звуковой оболочки словъ, особенно же выпаденіемъ согласныхъ. Такъ, въ древне-китайскомъ языкѣ слова еще заканчивались глухими взрыв-

ными k, t, p, которые впоследствии выпали въ мандаринскомъ языкѣ, при темъ нерѣдко прежній простой гласный растянулся въ дифтонгъ или даже трифтонгъ. Такимъ образомъ древне-китайскому put (не) соответствуетъ мандаринск. pu, древнее kip (дать) перешло въ ki, tek (ткать) ёi, tok (строить) въ ёu; rak (нести) измѣнилось въ rei, kap (хватать, брать) въ kia, как (нога) въ kio, gwat (говорить) въ hoa, pik (рисовать, писать красками) въ piau. Такія же звуковыя отношенія обнаруживаются при сравненіи словъ изъ мандаринскаго языка съ соответствующими словами нарѣчій, особенно же южнаго Китая, въ которыхъ сохранились еще многія, чрезвычайно важныя черты древняго языка; къ этимъ же нарѣчіямъ примыкаетъ и анамскій языкъ, въ которомъ также уцѣлѣлъ древній звуковой строй китайскаго языка. Такъ, въ анамскомъ языкѣ еще удержались конечные k, p, t: kak (вскій) = кит. ko, dok (читать) = кит. tu, duk (добродѣтель) = кит. te, luk (сила) = кит. li, thâp (десять) = кит. ёi, thôt (говорить) = кит. ёuo, ok (домъ) = кит. uo, phar (законъ) = кит. fa, nak (скрывать) = кит. nie; ng смягчается въ j или i: анамск. ngoat (мѣсяць) = кит. jue, ngok (жемчугъ) = кит. iü, nguk (тюрьма) = кит. jo. Другіе примѣры: ан. djuok (лѣкарство) = кит. jo, bakj (бѣлый) = кит. pe, dang (бить) = кит. ta, kjakj (гость) = кит. ke и пр.

Еще въ большихъ размѣрахъ согласные выпадали въ тибетскомъ языкѣ. Архаистическое правописаніе тибетскихъ словъ никакъ не соответствуетъ настоящему ихъ произношенію: bstan выговариваютъ tan, dbu = u, dbo = o, bsgra какъ da и пр. Тѣмъ не менѣе во время введенія тибетскаго письма изъ Индіи всѣ тѣ согласные, которые и теперь еще изображаются на письмѣ, въ произношеніи несомнѣнно были слышны. Это выходитъ не только изъ общихъ принциповъ, касающихся развитія письма (такъ какъ ни одно письмо въ началахъ своего развитія не обозначаетъ такихъ звуковъ, которыхъ не произносятъ), но также изъ сравненія съ санскритомъ, отъ котораго тибетскій языкъ перенялъ разныя слова. Подобныя звуковыя перемѣны усматриваются также въ историческомъ развитіи бирманскаго языка. Въ

Ру-Кхенгѣ, который сами бирманцы считаютъ древнѣйшимъ нарѣчіемъ своего языка, уцѣлѣли болѣе первобытныя формы, испытавшія въ бирманскомъ языкѣ нерѣдко значительныя измѣненія: рух. *mge-moh* „прахъ“=бирм. *mie-mon*, рух. *krak* „живность“=бирм. *kjiuk*, рух. *hgé* „длина“=бирм. *ši*, рух. *aga* „кость“=бирм. *aió* и пр. (Leyden, *Asiatic Researches* X, 236—237).

Къ подобному заключенію приходимъ сопоставляя полинезійскія слова, столь обильныя гласными, съ словами малайскаго языка, отличающимися гораздо болѣе стабільнымъ характеромъ и представляющими болѣе древнюю форму предполагаемаго малайско-полинезійскаго праязыка. Звуковой законъ, въ силу котораго въ полинезійскихъ языкахъ каждое слово должно оканчиваться на гласный, не первобытный и развился только послѣ отдѣленія полинезійскихъ языковъ отъ общаго праязыка. Выпадениемъ первоначальнаго конечнаго согласнаго всѣ слова оканчиваются на гласный и выпущениемъ другихъ согласныхъ въ серединѣ или началѣ словъ они еще болѣе измѣняются. Такъ, гавайск. *lai* (тагитск. *gai* небо) соотвѣтствуетъ мал. *lāngit*, тагитск. *ia* (рыба)=мал. *ika*, тагитск. *ai* (ѣсть)=тагальск. *kain*, раротонгск. и (молоко)=яванск. *susu*, полинезійск. *inu* (пить)=мал. *mīnūn*, тагитск. и новозел. *ai* (огонь)=мал. *ari* (яванск. *hari*, Кави *haruji*), новозел. *pió* (зубъ)=тагальск. *ngirip*, нукагивск. *tai* (море)=мал. *tasek*, тонг. *au* (облако)=мал. *avang*, тонг. *ua* (два)=мал. *dūa*, раротонг. *a* (четыре)=мал. *ampat*. Нерѣдко встрѣчаются впрочемъ и въ полинезійскихъ языкахъ, рядомъ съ сокращенными, позднѣйшими словами, болѣе древнія, полныя. Такъ нукагивскому *uai* соотвѣтствуетъ болѣе древнее *hokaki* („шея“), оба слова употребляются въ одинаковомъ значеніи (Buschmann, *Aperçu de la langue des îles Marquises* 72, 65); тагитск. *ioa* (имя)=тонг. *hingoa*, тагитск. *ma-i-u-u* (ногти)=новозел. *matikuku* (ногти—букв. „глаза ноги“), тагитск. *to-i* (топоръ)=новозел. *toki*, тагит. *tata* (человѣкъ)=тонг. *tangata*, гавайск. *puaa* (свинья)=тонг. *buaka* (вѣроятно изъ исп. *puerco*) и пр.

Накопленіе гласныхъ оказывается такимъ образомъ чаще всего результатомъ отбрасыванія согласныхъ. Выпадени-

емъ этихъ звуковъ и невозмѣщеніемъ ихъ другими возникаютъ нерѣдко слова, состоящія преимущественно или исключительно изъ гласныхъ и представляющія непріятныя по акустическому эффекту звуковыя группы. Съ поразительнымъ накопленіемъ гласныхъ встрѣчаемся нерѣдко въ языкахъ сѣверной Америки. Ср. напр. апалачитск. *iaoiia* (священникъ — *Mithr.* III, 3, 283), вигинашт. *рабайи* (великій), тепегуанск. *о-о-о* (кость), *i-i-u-i-e* (пить — *Buschmann, Spuren d. Aztek. Spr.* I, 36), *о-а-е* (рисовать); каддойск. *а-а* (отецъ; слово, по всей вѣроятности, образовано вліяніемъ дѣтскаго языка), кочимск. *иауаі* (господинъ — *Buschmann, Spuren d. Azt. Spr.* I, 504), чвачамайск. (въ Калифорніи) *i-i* (крыло), *u-u-i* (глазъ), *а-о* (собака), *а а* (ротъ), *о-о* (зубы *Buschmann, ibid.* I, 568—569); Омага: *е-е-е* (зубъ — *Pott, Doppelung* 38). Примѣры изъ другихъ языковъ: древнеегипетск. *ааиу* (быть старымъ), *аааи* (быть неуклюжимъ, глупымъ), *иаиу* (разговаривать съ собою, размышлять — *Brugsch, Hierogl. Demot. Wtb.* 326); Негрито: *маіір* (рѣка), *тіаун* (хвѣсъ), *ааиак* (бедро — *Schadenberg, Ztschr. f. Ethnol.* 1880, 166); баскск. *аооа* (цѣловать), *азаоа* (снопъ), *іоаітеа* (итти); Касія: *іаі* (постоянно), *аіеі* (подарокъ — *Novelacque, Rev. de Ling.* XIV, 23).

До настоящей виртуозности накопленіе гласныхъ доведено однако только въ языкахъ полинезійскихъ, въ которыхъ два согласные рядомъ нигдѣ не встрѣчаются и гдѣ избылдуютъ слова, заключающія въ себѣ одни только гласные; особенно языки маркезанскій, тагитскій, самоанскій и гавайскій отдають самое рѣшительное предпочтеніе гласнымъ, ср. маркезанск. *аое* (нѣтъ), *оіоі* (утро), *иаі* (шея); тагитск. *аау* (сердце), *аиаиаі* (дымъ), *и-и-а* (угри на лицѣ), *іоа* (имя), *оіа* (онъ), *иаиа* (жила), *иаігао* (голубь); самоанск. *а-а-а* (благовонное растеніе), *аоаі* (поричать), *аіау* (быть боязливымъ, бояться; слово это нельзя принять за интеръекціональное выраженіе, такъ какъ оно буквально значитъ „ѣсть желчь“), *аоао* (учитель), *оаоа* (радость), *оіо* (посѣщать), *е-е-е-е* (уважать); гавайск. *а-а* (столъ, доска), *е-е* (отправляться въ море), *і і* (названіе изв. птицы), *о-о* (земледѣльческое орудіе), *а-а-а* (гостепріимный), *е-е-е* (вста-

вать), i-i-i (малый, ребенокъ), hooiaioaia (засвидѣтельство-
ванный, провѣренный). Въ гавайскомъ языкѣ очень легко
составить цѣлыя предложенія, состояція изъ однихъ только
гласныхъ: e i ai oe ia ae e ao ia „скажите ему теперь
стороною, чтобъ онъ учился“. (Ellis, Polynesian Researches IV, 461); ua oia au, e ue ae oe ia Ii, eao ae oe
ia ia, e i ae oe ia ia „это я, кланяйся Ii, поучи его,
скажи ему“ (Fr. Müller, Grundr. d. Sprachw. II, 2, 8—9).

Не всегда впрочемъ накопленіе гласныхъ можно счита-
ть результатомъ постепеннаго выпущенія согласныхъ изъ
древнихъ, болѣе сложныхъ, звуковыхъ комплексовъ; есть не-
мало и такихъ словъ этой категоріи, которыя должно при-
нимать за звуковыя группы, относяціяся къ древнѣйшимъ
періодамъ языка. Сюда преимущественно принадлежатъ сло-
ва ономатопоического и интеръекціональнаго происхожденія.
Къ первой категоріи относятся: а) слова, означающія раз-
ныхъ животныхъ и рисующія собственно издаваемые этими
животными звуки, или точнѣе говоря, то впечатлѣніе, ко-
торое такіе звуки производятъ на человѣческой слухъ: кау-
ишанск. u-o-e-ho (папугай), древнеегипетск. âu (журавль),
копт. ia, eia, eio (осель—др. египетск. â), кхъенг. ui
(собака), баварск. huuo (сова, филинъ—Schmeller, Ba-
yer. Wtb. I, 1030); в) слова, означающія звуки, издава-
емые животными: гавайск. a-o-a (выть), o-o-o (пѣть—o пѣ-
тухъ), самоанск. e-ê (пищать, хрюкать, визжать), тагитск.
aaoa [1) лаять, 2) пѣть—o пѣтухъ], бедавйск. hauia
(лаять). Ко второй категоріи причисляемъ слова интеръек-
ціональнаго происхожденія, распадающіяся на два отдѣла,
изъ которыхъ первый заключаетъ въ себѣ слова, выра-
жающія звуки, издаваемые человѣкомъ при разныхъ фи-
зіологическихъ отправленияхъ и кромѣ того крикъ, пѣніе,
лепетъ, невнятный говоръ и пр., тогда какъ слова вто-
раго отдѣла служатъ уже въ переносномъ смыслѣ выра-
женіемъ разныхъ аффектовъ. Примѣры словъ перваго от-
дѣла: гавайск. u-u-e-ka-u-e-ka (дитя, которое постоянно
кричитъ), кантонск. uaua (крикъ малыхъ дѣтей), анамск.
uo (дѣтскій крикъ; ср. баскск. ua-ua-chuba ребенокъ,

младенешъ), оаоа (кричать—о дѣтяхъ), ua (vomere), футунск. uaааае (громко кричать), новокаледонск. uaаia (бояться—ср. древнеегипетск. uâ проклинать), маркезанск. ue (плакать), гавайск. оеое (свистать, пѣть), u-u-u (заикаться, невнятно говорить), катокинск. uaigra (пою), Яо: uiiia (вздыхать, стонать—ср. анамск. u-u-u-at горе, печаль), самоанск. uiô (кричать), eê (пищать), Тонто: o-o-i (кашлять, храпѣть—Zeitschr. f. Ethnol. XV, 145), Тупи: u-u (кашлять—ср. кореанск. u-u-m смѣяться), Эррубъ: i-i-i, ä-i, e-e (кричать, плакать), меномониск. a-ai-a-nen (смѣяться—Schoolcraft, Ind. Tribes II, 480), ротъ въ баскскомъ языкѣ называется аоа (отъ открыванія, зѣванія и произношенія звуковъ).

Слова интеръекціональныя выражаютъ особенно горе, печаль, боль, плачь, радость, удивленіе и пр. и возникаютъ весьма часто изъ основныхъ группъ ai, au, oi, встрѣчающихся въ удивительномъ семасіологическомъ согласіи въ самыхъ разнородныхъ языкахъ, такъ, ai, oi часто означаютъ боль, горе, стыдъ и пр.: китайск. ai (горе, вздыхать), японск. ai (горе), аравакск. aiiiii (плакать), дуаурск. aie (злой—ср. владим. рязанск ая й трусь ая й ка трусиха), дакотск. aia (проклинать, бранить), нубійск. oie (плакать), тагитск. eia (стыдъ), эстонск. oiutama (вопить), новозел. oioi (дрожать), джагатайск. ôitmak (бояться), дакотск. o-o (боль, рана—ср. готентотск. o-o умереть). Интеръекціональное au выражаетъ крикъ, страхъ, боль: древне-нортумберл. au (страхъ, англ. awe—Morris, Jahrb. f. rom. u. engl. Lit. V, 203), нордск. aumr. (несчастный, бѣдный), сямск. au (дѣтскій крикъ), анамск. ao-uk (страхъ, отвращеніе), Голо: aua (боязнь, робость), аравакск. aip (плакать), Ванива: aui (болѣть), перуанск. aukka (врагъ), новозел. aue (плакать, вопить), канареск. аука (страхъ), готентотск. au (бояться), Юма: au-ou-ou-e (убить), тагитск. au-eu-e (дрожать, вздыхать, кричать), готентотск. ouаа (вопить), ср. сверхъ того еще: копт. aiаi (радоваться), гавайск. aiаi (украшать, блестящій), готентотск. âi (смѣяться), кауишанск. chia-u-u-u-wi (громъ), демотическ. âauf (легкія: др. египетск. ufu выражаетъ духъ, дыханіе), древнегайтійск. mai-

ua-ua-au (музыкальный инструментъ, родъ барабана—Brasseur de Bourbonnais, Relation des choses de Yucatan, Paris 1864, 510).

VI. Накопленіе согласныхъ

Другую противоположность въ размѣщеніи звуковаго матеріала по знаменательнымъ группамъ представляетъ накопленіе согласныхъ, оказывающееся въ индоевропейскихъ языкахъ послѣдствіемъ постепеннаго выпаденія гласныхъ. Сокращенныхъ, какъ бы синтетическихъ звуковыхъ группъ, изобилующихъ согласными, и въ языкахъ нашей отрасли не мало, но нигдѣ не замѣчаемъ такого накопленія согласныхъ и тѣхъ тяжелыхъ звуковыхъ комбинацій, которыя изслѣдователей такъ часто поражаютъ въ языкахъ сѣверной Америки (особенно западнаго побережья) и въ языкахъ кавказскихъ. Въ индоевропейской отрасли вслѣдствіе выпаденія гласныхъ (чаще всего неударяемыхъ) слоги стягивались, при чемъ въ нѣкоторыхъ языкахъ исчезающій гласный перенесъ свою функцію на смежный съ нимъ согласный изъ разряда сонантовъ (l, r, m, n), могущихъ также являться въ характерѣ гласныхъ. Такъ др.-инд. bhṛ-tá (несенный), vṛ-tá (окруженный), mṛ-tá (мертвый), kl p-tá (устроенный) стоятъ вмѣсто *bhar-ta* var-ta и пр., корень теряетъ свой гласный и слѣдующее за этимъ гласнымъ r заступаетъ, въ качествѣ сонанта, его мѣсто. Такъ же сокращены ṛé (пѣсня) изъ agé (пѣть, блестять), dṛç (глазъ)—кор. daṛç (видѣть), mṛd (глина)—кор. maṛd (тереть), bhṛt (несущій) кор. bhāṛ, kṛçéhṛá (жалкій, затруднительный), происходящее вѣроятно отъ корня kaṛś (таскать), mṛdh (врагъ)—кор. maṛdh (пренебрегать, покидывать), pṛkś (пища—вѣроятно отъ корня paṛś наполнять, насыщать) bṛñhaṇa (питающій—кор. baṛh), tṛvṛt (родъ растенія—вм. trivṛt), dhṛk (держачій), кор. dhaṛ. Только въ словахъ оноματοпического происхожденія сонантъ r нельзя объяснить изъ группы ar выпущеніемъ гласнаго: bhṛg (о трескѣ огня), kṛka (кадыкъ—kṛka-vāku пѣтухъ, павлинъ), ghrñ-karikra (бле-

ющій — о козѣ), sřkkan (уголь рта—отъ звукоподражательнаго sřk, ср. чешск. sřkati хлебать).

Между славянскими языками словинскій, чешскій и лужицкій выказываютъ особое стремленіе къ сокращенію слоговъ путемъ выпущенія гласныхъ. Въ лужицкомъ языкѣ особенно часто выпадаютъ гласные въ конечныхъ неударяемыхъ слогахъ, представляющихъ разные суффиксы: zvučk (обычай), mětk (собственность—чешск. majetek), pičk (пьяница), dvórk (дворикъ), kusк (кусокъ), vénc (вѣнокъ), čínk (дѣло—ср. чешск. účinek дѣйствіе), stok (столѣтіе), kóněk (кончикъ), horgc (горшокъ—польск. garniec), ниж. луж žřebc (жеребенокъ). Въ чешскомъ языкѣ выпущеніе гласныхъ происходитъ въ большихъ размѣрахъ, причемъ г и l, равно какъ въ санскритѣ, могутъ оказываться сонантами: smřt, ст.-сл. сьмрьть, srdce—ст.-сл. срьдце (скр. hřd, греч. καρδ-ια, prst—ст.-сл. прьсть, прьсть, sřr—ст. сл. срьпъ, tvrdý—ст.-сл. тврѣдъ, vlk—ст.-сл. влѣкъ, plný—ст.-сл. пльнъ. Въ словацкомъ нарѣчїи разныя слова теряютъ коренной гласный тамъ, гдѣ соотвѣтствующія чешскія слова его удерживаютъ: bleha (блоха), чешск. blecha kré (судорога). чешск. křeč, chréok (хомякъ) чеш. křeček, šklbat = чеш. šklubati (рвать), stlp = чеш. sloup (столпъ), hlba = чеш. hloubka (глубина). Нѣкоторыя изъ возникающихъ путемъ такого сокращенія чешскихъ словъ въ звуковой сторонѣ не совсѣмъ гладки и немного шероховаты, даже для туземцевъ: krk (горло), smřná (разливаетъ по немногу), okršlku (округа), drknl (забречалъ, брякнулъ), trkl (боднулъ), škrtl (черкнулъ), zvlhl (засырѣлъ), scvrkl (сморщился) и др. Въ разговорномъ языкѣ конечное l (сонантъ) правильно выпускается: говорятъ moh вм. mohl, scvrk se вм. scvrkl se, trk вм. trkl и пр. Есть, впрочемъ, и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ слова, которыхъ звуковой составъ представляетъ чуть не больше затрудненій для произношенія, нежели упомянутыя выше чешскія слова, ср. англ. months, sixth's, баварск. pfripflar (слабый, тщедушный человекъ, — Schmeller, Bayer. Wtb. I, 455), курдск. kvhřta (коршунъ—Justi, Rev. de Ling. XI, 22) и др. Особенно богатъ такими словами языкъ армянскій: dsterbk

(instr. pl. отъ duster дочь), avurbk (instr. pl. отъ aur день-основа: avur), stndi (грудной ребенокъ—букв. „грудь сосущій“), mrmundžh (бормотанье), mrmrhal (бормотать), sphrhel (сыпать, разсыпать), mnčhel (мямлить) и др.

Съ большимъ накопленіемъ согласныхъ встрѣчаемся особенно въ языкахъ западнаго побережья сѣверной Америки и въ языкахъ кавказскихъ. Мало языковъ, гдѣ существуютъ такія сплошныя группы согласныхъ, какъ напр. въ селишскомъ языкѣ, въ которомъ слова нерѣдко начинаются съ skw, tskeh,—stkchl,—tkchlk—и оканчиваются на—ntš,—tkchlp,—tkchltс и др. Не менѣ замѣчательнъ по своимъ суровымъ комбинаціямъ языкъ туземцевъ острова Ванкувера, особенно у залива Нутка, котораго накопленія согласныхъ («konsonantenklumpen»), по словамъ Бущманна, составляютъ замѣчательную и страшную особенность языка и придаютъ ему чрезвычайно суровый видъ (Buschmann, Völker und Sprachen Neu-Mexikos 361). Представляетъ ли это явленіе результатъ постепеннаго выпаденія гласныхъ изъ древнихъ, болѣе нормальныхъ звуковыхъ продуктовъ, извращеніе болѣе простыхъ звуковыхъ группъ, или же остатокъ первобытнаго фонетическаго состоянія, мы, по неимѣнію на это вовсе никакихъ документальныхъ данныхъ, не въ состояніи опредѣлить. Едва ли къ этому случаю примѣнима аналогія языковъ индоевропейскихъ, по которой можно бы было предположить, что и здѣсь чрезмѣрному скученію согласныхъ предшествовалъ періодъ болѣе нормальнаго размѣщенія звуковъ по отдѣльнымъ знаменательнымъ группамъ. Языки американскіе поставлены въ условія, до того отличныя отъ языковъ нашего племени, что наше мѣрило къ нимъ неприложимо; быть можетъ, въ жесткихъ звуковыхъ группахъ упомянутыхъ языковъ уцѣлѣли отголоски доисторическаго фонетическаго состоянія, относящагося къ періоду, въ который языкъ создавалъ и передѣлывалъ звуковыя группы, но не успѣлъ еще обставить ихъ болѣе усовершенствованной и удобной формой.

На звуковую природу языка несомнѣнно вліяетъ также климатъ, географическія условія страны, характеръ, развитость слуха народа, его воспріимчивость и субъективное по-

ниманіе звуковъ; что одному народу кажется крайне затруднительнымъ, другой считаетъ легкимъ или весьма удобнымъ. Иначе трудно было бы объяснить, почему одинъ народъ указываетъ явное пристрастіе къ палатализованнымъ звукамъ, которые другой съ величайшимъ трудомъ можетъ произносить, почему горцы (напр. швейцарскіе, шотландскіе, кавказскіе, перуанскіе) предпочитаютъ придыхательные и гортанные другимъ согласнымъ, почему ирокезы и гуроны не знаютъ ни одного губнаго и въ разговорѣ вовсе не закрываютъ рта и не смыкаютъ губъ, почему полинезійцы отдаютъ столь явное преимущество гласнымъ и пр. Возникающая отъ сгущивающихся группъ согласныхъ неловкость или трудность произношенія бываетъ различна, смотря по мѣсту, которое такія группы занимаютъ въ слогѣ. Если группы сплошныхъ согласныхъ находятся въ концѣ слога или слова, то гораздо легче ихъ произносить или слухомъ уловить, нежели когда онѣ стоятъ въ началѣ слова. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ полного, яснаго гласнаго слуховой органъ способенъ различить еще нѣкоторые другіе звуковые продукты, характеризующіеся меньшимъ фоническимъ эффектомъ, нежели на оборотъ, когда группа согласныхъ предшествуетъ гласному, какъ представителю болѣе отчетливаго акустическаго впечатлѣнія. И органы рѣчи, опускаясь отъ вокальнаго уложенія къ индифферентному, скорѣе въ состояніи образовать рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ согласныхъ, нежели на оборотъ, при переходѣ отъ индифферентнаго уложенія къ вокальному. Особенно трудны группы согласныхъ, находящіяся въ началѣ слога и начинающіяся съ придыхательныхъ или гортанныхъ или sh, ng и ѣ, за которыми слѣдуютъ глухіе разнородные согласные. Такъ какъ сплошныя группы трехъ или болѣе согласныхъ могутъ встрѣчаться въ безконечныхъ почти варіаціяхъ, то ограничусь указаніемъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которыя отличаются особыми характерными признаками.

III 1. Ближе всего къ фонетическому характеру упомянутыхъ выше индоевропейскихъ словъ подходятъ тѣ звуковые комплексы, въ которыхъ группы согласныхъ опираются на

сонантъ (г, л, м, п). Слова съ такими группами индоевропейецъ можетъ произнести безъ особаго затрудненія; нѣкоторая неудобопроизносимость замѣтна только тамъ, гдѣ сонантомъ оказывается п, окруженный глухими эксплозивами, тогда какъ легче всего даются тѣ группы, гдѣ г и л являются сонантами среди звонкихъ, сибилантовъ или носовыхъ, ср. грузинск. mrgmrgweli (круглый), wrkhewlesi (протянутый, растянутый), аварск. chtlm (вода—Rev. de Ling. 1868, 441), чукчск. tedlgjo (буря), тангутск. (Šifan) namrzâ (годъ), r-tr-ga (сѣдло), шанск. juhlsíthlsit (молчать). Къ американскимъ словамъ этой категории принадлежитъ напр. молельск. pitchlts (носъ), чипев. dinlthel (рубить), апач. inlthûs (спишь), колошск. achlchset (жена), tlhklunuk (ружье), чинуцк. splkein (голова), tlkor (рубить). Болѣе сложныя группы являются въ слѣдующихъ словахъ: чинуцк. tkchlkwöhlle (домъ—keh=х, ср. кинайск. слово, означающее березу, которое Лизянскій транскрибируетъ tsooχia, а Давыдовъ êukchuja—Buschmann, Athapask. Sprachstamm 240, № 214), klhwap (дыра), tlklaulauuks (Gibbs, Vocab. oft. Chinook 12), кайганск. tlhmel (свинья), умкѣвайск. tkchlkchais (воинъ—Buschmann, Athapask. Sprachst. № 823), селишск. élélpul (преданный охотѣ), szlzlil (дерева).

Труднѣе произносить тѣ группы, въ которыхъ носовые (преимущественно п) являются сонантами: японск. szn-szn (на мелкіе куски—напр. разрѣзать), сечуанск. nch („sweet reed“—Brown, Lokwalo Loa Mahûkûa Secwana 85), селишск. sn-sant (кроткій), таливайск. kerrhn (мальчикъ—Schoolcraft, Ind. Tribes III, 440), эчеминск. puhgahkn (кровь—Barratt, Indian of New England 18), селишск. koksmkamíłši (on va causer—Mengarini, Selish or Flathead Grammar 91), вайлатпуйск. iptnehlons (курительная трубка—Buschmann, Spuren d. Aztek. Spr. I, 623). Затруднительность произношенія увеличивается тамъ, гдѣ носовой сонантъ стоитъ среди двухъ взрывныхъ (глухихъ или звонкихъ): кадьякск. knk (огонь—Mithrid. III, 3, 466), Бола: pndemnt (языкъ—Koelle, 34), селишск. inknko (иногда), tnpl (имбю), opnéstaskat (десять дней),

мингпельск. brdhuk (кормлю), brdhnth (кормимъ — Fr. Müller. Orient und Occid. II, 533).

Примѣры словъ, въ которыхъ сибилантъ играетъ роль гласнаго, сравнительно рѣдки: потаваттамск. žk-žuk (глазъ Morgan, Systems of Consanguinity 209), японск. sz (гнѣздо, укусъ), sz-dz (колоколь, олово), szsz (сажа), tsz-tsz (труба): сюда же принадлежитъ по всей вѣроятности и Этенск. uh-zšt (хорошій — Bastian, Ein Jahr auf Reisen 172).

2) Согласные l, m, n, r стоятъ въ началѣ слова передъ другими согласными, при чемъ комбинація r съ слѣдующими согласными представляетъ менѣ затрудненія для выговора, нежели связь l, m и n съ другими согласными, особенно взрывными: короадск. gnagnli (два — Zeitschr. f. Ethnol. I, 135), востанск. (въ Калифорн.) rttek (грудь — Schoolcraft, Ind. Tribes II, 495); грузинск. mtha (гора), абхазск. mššky (медвѣдь), тангутск. mdzugö (палецъ), делаварск. m'nupekwh (озеро), отомск. nrhächí (пламя), сезуанск. nthlwa (гнѣдой), ngkwedi (ястребъ), селишск. léolzke (на дворѣ), кайганск. lhetl (черный). Болѣе сложный звуковой составъ является въ китайск. lkhetšetcho (девять), колошск. lhkuháchě (глухой), lhkunalhšiš (благодарить), грузинск. vmsthrosi (меньшій, Mithr. I, 430), шонійск. m'šksmah (жила — Schoolcraft, Ind. Tr. II, 471). О томъ, можно ли въ нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ здѣсь словъ начальный плавный считать сонантомъ или нѣтъ, будетъ упомянуто ниже.

3) Орегонскимъ языкамъ и языкамъ сѣверо-западнаго побережья сѣверной Америки почти исключительно свойственны неуклюжія и крайне тяжелыя комбинаціи группъ tl, kl, tchl, kehl съ другими согласными; о степени ихъ неудобопроизносимости можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: чинук. tchlkwölkt (кровь), welchátchk (гѣло), tchl-kakchwkl (градъ), tchlontchlkatchl (тридцать), tchlakch-waitotchl (ногти на ногахъ), kalkotchlelt (котель); кайганск. tchetlkeng (гребень — Buschmann, Spuren d. Aztek. Spr. I, 679); колошск. tlheklhuške (скверный — Buschmann, ibid. I, 680), katlth (пепель, зола),

kchatlhjútłh (языкъ — Buschmann, Abh. d. k. Akad. Berl. 1856, 411), tlheklhchuta (бдѣть — 414, № 333; tlheklh значить „не“ — № 639); умпквайск. natchkliótkchl (любить — Buschmann, Athpask. Sprachst. 187, № 800), tkchlawánštkehle (змѣя), jestkchlkhó (день), tkchlsös (сапоги — 205, № 1014), stsotkehlekchie (малый — № 1018), tkchlhaš (сильный — произносится какъ одинъ слогъ — Buschmann 309, № 201); килламук. tkchlackehös (пять); тлацканайск. kchoótkchlëitkchłtsaha (языкъ — Buschmann, Athap. Sprachstamm 162; Gatschet, Zwölf Spr. aus d. Südwest-Nordamer. 12); въ языкѣ индѣйцевъ племени Makah: tliktlejskup (мукá), tluktlairk (ключъ — Swan, Indians of Cape Flattery, 93 и слѣд.), klukłtsup (развязать); Musdalum: tletlaklikelh (мальчикъ); Нутка: tkcheöckchwoneak (человѣкъ), tkchlalkchlâwâkabös (кровь), kaitkchlkhatkchl (осень — Buschmann, Völker und Sprachen Neu-Mexikos 336, № 36), watkchlâtkehlëi (итти — Buschmann 337), tkchorátkechl (теплый). Въ виду того, что въ разныхъ спискахъ словъ упомянутыхъ здѣсь языковъ скученныя группы согласныхъ у одного автора являются въ болѣе сложной, а у другаго въ болѣе простой транскрипціи, могло бы показаться, что накопленія согласныхъ иногда только фиктивны, но не то выходитъ на дѣлѣ. Такъ напр. мы имѣемъ четыре списка словъ языка залива Нутка, которые составили Anderson, Jewitt, Hale и Moziño и между прочимъ слово, означающее понятие „хорошій“, Hale транскрибируетъ tɣlotɣlôösch, но Moziño: clush. Въ такихъ случаяхъ должно предположить, что тѣ авторы, которымъ туземные звуки показались слишкомъ затруднительными, непривычными и запутанными, просто облегчили себѣ транскрипцію выпущеніемъ тѣхъ звуковъ, которые не успѣли уловить или которые не знали какъ обозначить (Buschmann, Völker und Sprachen Neu-Mexikos 358).

4) Въ этихъ же языкахъ встрѣчаемъ часто громадное накопленіе придыхательныхъ (h, ch) и гортанныхъ: тлацканайск. kchoakchatkchlcöne (ноготь на ногѣ), ассинибионск. ahhhhahkah (лосъ — Schoolcraft, Ind. Tribes IV, 423), алеутск. çanachëchhekch (большая рука — Henry,

Rev. de Ling. XI, 454), кайганск. hlha (трубка), ингиликск. kchschichj (береза), kchchaljch (семга). Чаще всего такое накопление придыхательныхъ встрѣчается въ колошскомъ языкѣ: chhchachtatuch (плевать—Buschmann, Abh. d. k. Akad. d. Wiss. Berlin 1856, 383), chhhchath (островъ), chhhešhhch (сорока), kchhhcha (мышь—Buschmann, ibid. 416), athhichhhi (кусокъ—416), chhhilh (пѣна—№ 506), kchhhukchhh (смола—№ 540), kekchhhkathi (взять—стр. 420, № 682), thikchhh (веревка—№ 694), učkchh (почти), akhtljakchh (сестра), gachkachssachhsschh (лить—416, № 431), chhachhuchl (звать), kchhchachanát (пища, яства), kchhhchhâe (водопадъ—414). Къ крайне нескладнымъ словамъ этой категории принадлежить также чинукск. chpchtsâkkollu (твердый). Ср. также чинукск. klkukkéke (бабушка), Hailtsa: kalkchkiutkchlin (ножницы—Buschmann, Völker u. Sprachen Neu-Mexikos 385), пимайск. kakačkk (море), гейск. chgkü (земля—Martius, Beitr. zur Ethnogr. Amer. II, 143).

5) Рѣже встрѣчаются группы, обремененныя шипящими: ассинибоинск. sstušstainâ (соль), сквалямйшск. hučstzatzots (лукъ), кольчанск. ssčeljssilj (теплый—Buschmann, Spuren der Aztek. Spr. I, 710), кинайск. ščcca (ш-ч-ц-а „одѣяло, покрывало“—Radloff, Bull. hist. phil. de l' Acad. Pétersb. XIV, 278); вакойск. ostotskesk (кость—Buschmann, Spuren d. Azt. Spr. I, 452), абхазск. ššthky (цвѣтокъ), черкеск. pšipšallups (плотина). Эксплозивы передъ сибилантами: чинуцк. ptšichh (синій), тангутск. bôžâ (пищуха—Пржевальскій, Монголія и страна Тангутовъ I, 259), черкеск. pbsabpsah (свинець—Klaproth, Kaukasische Sprachen 240).

6) Группы съ палатальнымъ l: чукск. kljautlj (человѣкъ), dljedljadlin (глазь), угаляхмутск. ljlejelj (волосы—Buschmann, Spur. I, 688), lechljkalj (смѣйся).

7) Нестройныя группы придыхательныхъ согласныхъ, примыкающихъ къ взрывнымъ и къ спирантамъ, встрѣчаются особенно въ языкахъ кавказскихъ: грузинск. thkquen (вы), абхазск. phlfyšk (женщина), phškhak (ребенокъ),

phst'ryk (животное), phslymdzk (песокъ), apsthhfa (ту-манъ), phteyk (борода).

8) Къ нестройнѣйшимъ и затруднителнѣйшимъ звуковымъ продуктамъ принадлежатъ группы трехъ или болѣе варьивныхъ, особенно въ началѣ слова, встрѣчающіяся въ упомянутыхъ выше языкахъ сѣверной Америки, ср. чинуцк. tktotkte (хорошій), кинайск. tggiknas (дыровый, жестокій), пимайск. ptikum (колѣно), p'pahso (грудь), селишск. skpkerene (песокъ—Mengarini, Selish Gr. 4), pgggót (старикъ), отомск. ghtcá (ненавидѣть—Piccolomini, Gram. della lingua Otomi 29). Ср. также команчск. ptscat (хорошій—Buschmann, Völker u. Sprachen Neu-Mexikos 310), пимайск. ptéuit (земля), чинуцк. ptsech (зеленый), ортчлеке (лукъ), кинайск. ptmuk (волосы), вайлатнуйск. p'qintuql (бѣжать), черкекск. b'g'rupch (кушакъ).

Другіе примѣры нестройнаго накопленія согласныхъ представляютъ слѣдующія слова: Нутка: m'uszth'sle (боль), масакарск. th'uhgh'h' (борода—Martius, Beitr. zur Ethnogr. Amer. II, 144), кинайск. kydykntjassnissj (слышу)—Buschmann, Athapask. Sprachst. 245), угаляхмутск. chakljéejalga (работай), tutloks'sakeh (тридцать—Buschmann, Spuren d. Azt. Spr. I, 686), навахо št'li-nh (лечь), глацканайск. tel'tkchlá (бѣжать), кубечск. kgwakg (носъ—Dorn, Mélanges Asiat. de l' Acad. Imp. Pétersb. VII, 80), кавичск. st'calh (дверь), грузинск. vsthzov (сосу), тибетск. br'gjad („сто“—одинъ слогъ), эчминск. tlweg'nčiul (палецъ—Barratt, Indian of New England 18), чинуцк. tw'hut (дымъ), bukkhhult'shub (варить—Gibbs, Vocab. 10).

Обозрѣвая звуковыя особенности главныхъ отраслей убѣждаемся, что внѣ индоевропейскаго и семитическаго культурныхъ центровъ въ каждой части свѣта встрѣчаемъ типичныя и весьма характерныя особенности звуковаго склада языковъ: въ Африкѣ шелкающіе звуки, пользующіеся особымъ развитіемъ и распространеніемъ на югѣ, въ Америкѣ, особенно на сѣверо-западѣ, громадное накопленіе согласныхъ, обнаруживающееся также въ языкахъ кавказ-

скихъ, въ Полинезiи—языки, доведшіе употребленіе согласныхъ до минимума и отличающіеся чрезмѣрнымъ накопленіемъ гласныхъ, въ широкихъ полосахъ сѣверной Азіи и восточной Европы—языки чудской отрасли, развившіе принципъ гармоніи гласныхъ, въ индо-китайскомъ отдѣлѣ языки изолирующіе, не измѣняющіе звуковой формы словъ, основанныхъ на односложныхъ корняхъ, но за то создавшіе крайне сложную систему интонацій.

УП. Слогообразовательные звуки.

Во всѣхъ слогахъ слухомъ ясно различаемъ звукъ, который отчетливѣе другихъ отчеканивается въ произношеніи, отличающійся этимъ отъ всѣхъ остальныхъ частей того же слога; такой выдающійся передъ другими звукъ облекается слоговымъ удареніемъ и бываетъ обыкновенно гласный: *bráélt, drúm, stlímk*. Во многихъ языкахъ встрѣчаются однако и такіе слоги, гдѣ разные согласные принимаютъ на себя роль гласныхъ и снабжаются слоговымъ удареніемъ. Какъ подъ вліяніемъ неударяемости гласные могутъ опуститься къ функціи согласныхъ (напр. *i* и *u*, переходящія въ *j* и *v*) и какъ эта перемѣна функцій имѣетъ мѣсто только передъ сильно ударяемыми гласными, такъ съ другой стороны разные согласные подъ вліяніемъ ударенія при извѣстныхъ условіяхъ (особенно при выпаденіи заключающагося въ слогѣ гласнаго) могутъ вступить мѣсто гласнаго, принять слоговое удареніе и вслѣдствіе этого сдѣлаться слогообразовательнымъ факторомъ. Къ тѣмъ согласнымъ, которые въ указанномъ здѣсь направленіи могутъ принимать на себя роль гласныхъ, принадлежатъ преимущественно плавные *r, l* и носовые *m, n*: чешск. *prst, vlk*, англ. *happen (=hā-pm), oxen (=o-ksn)*. Согласные, являющіеся въ роли гласныхъ, называемъ сонантами, къ которымъ, по существу дѣла, причисляются также гласные. Способность сдѣлаться сонантами имѣютъ преимущественно тѣ звуки, которые облечены головнымъ тономъ, особенно гласные, плавные и носовые. Такимъ образомъ *m, n, l, r*, которые уже по своей артикуляціи явно примыкаютъ къ гласнымъ, по своей функціи

могутъ быть то согласными (когда они не облечены слоговымъ урареніемъ), то гласными (т. е. сонантами), и древнее ихъ названіе „полугласные“ (semivocales) дѣйствительно оправдывается фізіологическою ихъ природою. Вліяніе, которое именно эти звуки оказываютъ на окружающіе ихъ сосѣдніе звуки (такъ напр. ll на a въ англ. all, hall, ball, и пр.), можемъ себѣ уяснить только тогда, когда примемъ въ соображеніе ихъ природу, какъ полугласныхъ. Хотя и при произношеніи этихъ звуковъ происходитъ смыканіе органовъ рѣчи, но при артикуляціи ихъ оставляется свободный проходъ для воздуха (или черезъ ротъ, или черезъ носъ): orales r, l выговариваются во рту, а nasales m, n черезъ носъ. При артикуляціи l вмѣстѣ съ смыканіемъ конца языка съ верхними зубами опускаются боковыя края языка, такъ что по обѣимъ его сторонамъ являются два свободные прохода для дыханія; r образуется посредствомъ вибраціи языка, при чемъ кончикъ языка обыкновенно сгибается къверху. При артикуляціи носовыхъ воздуху совершенно преграждается проходъ черезъ ротъ, при m смыканіемъ губъ, при n смыканіемъ языка съ верхнимъ рядомъ зубовъ, при чемъ при обоихъ носовыхъ во время артикуляціи голосъ проводится носомъ. Тѣмъ не менѣе должно имѣть въ виду, что плавные и носовые все же суть собственно согласные, а не гласные и что употребленіе ихъ въ качествѣ сонантовъ представляетъ не норму, а скорѣе исключеніе.

Не всѣ слогообразовательные звуки имѣютъ въ одинаковой мѣрѣ способность сдѣлаться сонантами: плавные обладаютъ этою способностью въ большей степени, нежели носовые, которые въ свою очередь имѣютъ эту способность несравненно въ большей степени, нежели спиранты (особ. шипящіе). Изъ двухъ соприкасающихся r только второе можетъ быть сонантомъ: (ruderer = rúdr-r), stolperer (= stolpr-r). Кромѣ плавныхъ и носовыхъ есть впрочемъ еще другіе согласные, которые могутъ являться сонантами: спиранты и въ крайне рѣдкихъ случаяхъ даже взрывные, о чемъ ср. ниже.

Еще не очень давно многіе изслѣдователи оспаривали способность плавныхъ и носовыхъ являться слогообразова-

тельными звуками, утверждая, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ упомянутые согласные представляютъ на видъ сонанты, при артикуляціи все же слышится какой-то неясный, сопровождающій ихъ, вокальный звукъ. Такое ошибочное мнѣніе объясняется особенно тѣмъ, что употребленіе плавныхъ и носовыхъ въ упомянутой здѣсь функціи многими языками совершенно чуждо и что многіе, въ материнскомъ языкѣ которыхъ не существуютъ такіе звуки, при произношеніи сонантовъ невольно соединяли съ ними примѣсъ вокальнаго звука. А. Hoppe (Lehrbuch d. engl. Spr. Berlin 1879, стр. 40) ошибочно утверждаетъ, что въ англ. словахъ, какъ noble, candle и др. конечный гласный представляетъ элементъ, въ произношеніи еще менѣе замѣтный, чѣмъ е въ нѣм. säbel и др. (въ дѣйствительности между е въ обоихъ языкахъ нѣтъ ни малѣйшей разницы, такъ какъ они существуютъ только на бумагѣ и давно уже не произносятся въ живой рѣчи)—и что такіа слова должно считать односложными (это тоже невѣрно: въ произношеніи англ. словъ: candle, handle, noble и др. слышатся весьма отчетливо два отдѣльныхъ слога). Напротивъ того уже Walker въ предисловіи своего Pronouncing Dictionary (Principles § 405) говоритъ слѣдующее: „L, которому предшествуетъ глухой и слѣдуетъ е, въ конечномъ слогѣ имѣетъ не полный звукъ (imperfect sound), который не дѣлаетъ много чести нашему языку; въ такомъ случаѣ l не выговаривается ни какъ el, ни какъ le, но конечное е умалчивается (is suppressed) и предшествующій глухой артикулируетъ l безъ предшествующаго или слѣдующаго гласнаго, такъ что этотъ звукъ можетъ быть названъ чудовищемъ въ грамматикѣ (a monster in Grammar), слогомъ безъ гласнаго“.

Въ настоящее время, при лучшемъ нашемъ знакомствѣ съ главными основами звуковой физиологіи и при болѣе тщательномъ разборѣ всѣхъ главныхъ звуковыхъ явленій индоевропейскихъ языковъ о спорѣ по существу вопроса, касающагося перехода плавныхъ и носовыхъ въ сонанты, или о сомнительности этого явленія не можетъ быть и рѣчи. Древне-индійскій, персидскій, армянскій, разные славянскіе, латышскій и всѣ германскіе языки употребляютъ сонанты

г и л, армянскій и германскіе языки сверхъ того еще носовые сонанты, которые спорадически встрѣчаются и въ языкахъ славянскихъ. Какъ уже прежде упомянуто, плавные и носовые чаще всего превращаются въ сонанты вслѣдствіе выпаденія находящагося въ слогѣ настоящаго гласнаго (скр. *bhr-tá* изъ *bhar-tá*); нѣкоторые изслѣдователи приписываютъ даже индоевропейскому праязыку сонантъ г (ср. Fick, въ *Bezenberger's Beitr.* IV, 167; Brugman, *Studien.* IX, 285); Saussure (*Mémoire sur le syst. prim. des voyelles* 239 и слѣд.) доказываетъ, что долгіе сонанты г, п, м возникли въ праязыкѣ такимъ же образомъ, какъ долгіе гласные *i* и *u*.

Въ древне-индійскомъ языкѣ сонантомъ оказывается г (л только въ нѣкоторыхъ производныхъ словахъ корня *kalp* „устраивать, готовить“: *klpta*, *klp-ti*: *vṛ-ka* (волкъ), *pr-thu* (широкій), *mṛ-du* (мягкій), *dṛṣ* (глазъ), *kr̥tvja* (дѣятельный); въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ г оказывается долгимъ гласнымъ, такъ именно въ нѣкоторыхъ падежахъ основъ *na-tar*: *pitár* (отецъ): род. мн. *pi-tṛ-nâm*, вин. *pi-tṛ-n*, отъ *mâtár* вин. мн. *mâtṛs*. Съ полнымъ правомъ индійскіе грамматисты сонантическое г причисляли къ гласнымъ и произношеніе его едва ли въ чемъ нибудь отличалось отъ произношенія сонантического г въ современныхъ языкахъ; предполагаемое многими европейскими учеными произношеніе древне-индійскаго сонантического г съ легкой примѣсью прибавочнаго *i* («*r mit einem kaum hörbaren i*» — Vopp, *Krit. Grammat. d. Sanskr. Spr.* 3 10; «*klingt fast völlig wie rī*» — Benfey, *Vollst. Gramm. d. Sanskr. Spr.* 4 и др.) представляетъ то видоизмѣненіе выговора, которому сонантъ подвергся въ устахъ простонародія, говорившаго на многочисленныхъ пракритскихъ нарѣчіяхъ, и слѣды котораго начинаютъ уже проявляться въ классическомъ языкѣ. Санскритское сонантическое г, которое I. Beames (*Comp. Gramm. of Modern Aryan languages* I, 159) называетъ «*Protean vowel*», въ пракритскихъ нарѣчіяхъ переходитъ въ *a*, *i*, *u* или *e*: *tanam* (трава) = скр. *tr̥na*, *maam* = скр. *mṛta* (мертвый), *vaddho* = скр. *vṛddha* (старый), *vasaho* = скр. *vṛśabha* (быкъ); *bhīṅgo* = скр. *bhṛṅga*

(шмель), *hīaam* = скр. *hṛdaja* (сердце), *kiṭ* = скр. *kṛti* (дѣло), *kivā* = скр. *kṛpā* (состраданіе), *iṣi* = скр. *ṛṣi*, (древній мудрецъ); *udū* = скр. *ṛtu* (время года), *puhavī* = скр. *pṛthivī* (земля); *geha* (домъ—эта форма встрѣчается также въ классическомъ санскритѣ, въ эпосѣ, въ законахъ Ману и въ позднѣйшихъ памятникахъ) = скр. *gṛha* (домъ), *genhadī* = скр. *gṛhnāti* (береть). О звукахъ, соответствующихъ санскритскому сонантическому *ṛ* въ современныхъ языкахъ Индіи арійскаго происхожденія, подробно трактуетъ I. Beames (Comp. Gr. of Modern Aryan languages I, 160—167). Въ Marathi, Gudžarati и Orija сонантическое *ṛ* часто произносятся какъ *ru* (Beames I, 70); въ Hindi, Pandžabi и Sindhi вмѣсто скр. *ṛ* всегда пишутъ *ri*: *riṣi* = скр. *ṛṣi*, *ritu* = скр. *ṛtu*. Въ формахъ разговорнаго языка, употребляемаго въ простонародіи, сонантъ *ṛ* чаще всего замѣняется черезъ *i*: скр. *gṛdhra* (коршунъ) = Hindi: *giddh(a)* Marat. *gidhar(a)*, *gīdh(a)*, бенгал. *gidho*; скр. *ghṛta* (топленое масло) = Hind. *ghī*, *sindh. giḥu*, скр. *tṛṇa* (травя) = Hind. *tinakā*; скр. *ṣṛṅga* (рогъ) = Hind. *siṅg*, гуджарат. *ṣiṅg* и пр. Въ Пали сонантъ *ṛ* является въ видѣ *a*, иногда и *u*: *kata* = скр. *kṛta* (сдѣланный), *hadaja* = скр. *hṛdaja* (сердце), *vutṭi* = скр. *vṛṣṭi* (дождь). За губными сонантъ *ṛ* обыкновенно переходитъ въ *u*: скр. *pṛṣṭha* (спина) = *sindh. puṭi* скр. *mṛta* (мертвый) = панджаб. *muia*, *sindh. muo* (пракр. *muo*, Пали: *muta*).

Цыганскій языкъ, въ полномъ согласіи съ праkritомъ и съ современными индійскими языками, сонантическое *ṛ* превращаетъ въ *i*, послѣ губныхъ обыкновенно въ *u*: *šing* = скр. *ṣṛṅga* (рогъ), *kišlo* (худощавый) = скр. *kṛṣa*, *ilo* (изъ *hilo* = скр. *hṛdaja* (сердце); напротивъ: *pūšto* = скр. *pṛṣṭha* (спина—курдск. *pišt*, Пали, *piṭṭha*), *phuro* = скр. *vṛddha* (старый, Пали: *buddha*), *mulo* = скр. *mṛta* (мертвый), *šunav* = скр. *ṣṛṇomi* (слышу). Слогообразовательное *ṛ* въ цыганскихъ нарѣчіяхъ появляется сравнительно поздно и только вліяніемъ тѣхъ языковъ, въ которыхъ этотъ сонантъ употребляется, такъ преимущественно въ чешско-цыганскомъ нарѣчій, особенно въ словахъ заимствованныхъ: *hrkos* (стукотня), *hrmišagos* (непогода—чешск. *hřmí гремитъ*),

smrkano tabakos (нюхательный табакъ — чешск. smrkati = сморкать), patr (листь — скр. pattra, patra). Въ томъ же нарѣчїи встрѣчается также сонантъ г въ качествѣ долгаго гласнаго (равно какъ у венгерскихъ словаковъ): brli (пчела — скр. bhramara), křmo (червякъ, скр. kṛmi), křno (гнилой). Въ венгерско-цыганскомъ нарѣчїи: sr-dau (тащу), sr-del (доить); въ сербско-цыганск.: br-šim (дождь — ср. чешск. pr-ší дождь идетъ, др. инд. pṛ-šata капля и vṛš-ṭi дождь).

Въ славянской отрасли сонанты г и l въ разныхъ языкахъ уцѣлѣли до настоящаго времени, но въ древніе періоды они были болѣе распространены. Такъ, въ старославянскомъ языкѣ употреблялись сонанты г и l, и въ сербско-хорватскомъ и словинскомъ языкѣ прежде кромѣ г и сонантъ l былъ въ употребленіи. Что въ старославянскомъ языкѣ г и l являлись также въ функціи сонантовъ, видно изъ правописанія словъ, какъ-то **крста**, **цр-къве**, **др-жить**, **срд-це**, **ср-дѣц**, **па-ка**, **па-ти** и др. (Miklosich, Denkschr. d. phil. hist. Cl. d. k. Akad. Wien 27, 299 и слѣд.). О существованіи въ древне-словинскомъ языкѣ сонантовъ г и l свидѣтельствуютъ разныя слова, встрѣчающіяся въ Фрейзингскихъ памятникахъ (изъ X стол.): **mrzna**, **mrtuim** (= мертвый), **slzna**; слогаобразовательное г и теперь еще сохранилось въ словинскомъ языкѣ (**vrh**, **država**, **srđce**), но l, бывшее еще въ XVI столѣтіи сонантомъ, впоследствии утратило способность быть звукомъ слогаобразовательнымъ. Въ древнѣйшихъ хорватскихъ документахъ изъ XIV и XV столѣтій (написанныхъ глаголицей) встрѣчаемъ также примѣры слогаобразовательныхъ г и l: **prvo**, **potvrđih** (я подтвердилъ), **držati**, **tvrdost**, **obrne**, **glbokoga**, **plni**—и др. (Jagić, Arch. f. slav. Phil. I, 454). Сонантъ l впоследствии исчезъ изъ языка и былъ замѣненъ гласнымъ u: **vuk** (= чешск. vlk), **run** (= чешск. pln). Въ чешскомъ языкѣ сонантическіе г и l стали писать, согласно съ настоящимъ ихъ произношеніемъ (т. е. безъ прибавочнаго произносимаго гласнаго) только къ концу XIV столѣтія, хотя уже въ латинскихъ документахъ изъ XI и XII столѣтія въ правописаніи чешскихъ именъ встрѣчаемъ слѣды сонанческаго

характера *г* и *l* (Brno = Vrno. Plezeň — Plizeň — Pilzeň — Pelzeň = Plzeň). Въ современномъ языкѣ употребленіе *г* и *l* какъ сонантовъ весьма распространено: *vrčeti* (ворчать), *brk*, *krtek*, *strčiti*, *vlk*, *mlč* и др. Въ нарѣчіяхъ замѣтны впрочемъ значительныя колебанія въ употребленіи сонантовъ; такъ въ южной Богеміи (у Домажлицъ) говорятъ: *kerk* (чешск. *krk* горло), *serce*, *smert*, *peršet* (= *pršeti* итти дождю), въ моравскихъ нарѣчіяхъ *sluza*, *tepruv* (чешск. *slze*, *teprv*) и пр. Напротивъ въ словацкомъ нарѣчьи: *krč* = ч. *křeč* (судорога), *klk* = ч. *kluk* (мальчикъ, парень), *tlstý* = ч. *tlustý*. Въ сербскомъ языкѣ сонантъ *г* можетъ быть также долготъ, въ словацкомъ же нарѣчьи какъ *г*, такъ и *l* могутъ быть долги (особенно въ разныхъ итеративныхъ формахъ: *porŕchat*, *zdržat*, *prehŕnat*, *stlkat* — такъ и *dľhý*, *tľet* и др.).

Сонанты могутъ встрѣчаться также въ словахъ заимствованныхъ: такъ, *Apostolorum Portus* въ чешскомъ языкѣ превратилось въ *Postolorprty*, нѣм. *kirchhof* въ *krchov*; такъ и въ сербскомъ языкѣ: *трпеза* (столь) изъ греч. *τράπεζα*, *трпанджук* (коса) изъ тур. *tigrap*, происходящаго въ свою очередь отъ греч. *δρέπανον*, *войвод.* *врталь* (четверть) = нѣм. *viertel* и пр.

Въ болгарскомъ, польскомъ и лужицкомъ языкахъ все не оказывается слогообразовательныхъ *г* и *l*. Въ русскомъ языкѣ теорія не полагаетъ употребленія сонантовъ *г* и *l*, хотя въ разговорномъ языкѣ въ словахъ, произносимыхъ скороговоркой, неударяемое *ер* иногда по выговору почти совсѣмъ совпадаетъ съ сонантическимъ *г*: совершенно скороговоркою произносится почти какъ *sa-вр-šén-па*, три четверти почти какъ *tri cé-tvr-ti* и пр.

Параллельно употребляемыя формы *реберъ* — *ребръ*, *и-горъ* и *и-гръ*, *ве-деръ* *ве-дръ*, *чи-селъ* *чи-слъ* и др. явно свидѣтельствуютъ о сонантическомъ характерѣ *р* и *л* въ послѣднихъ слогахъ; не менѣе ясно сонантическая природа этихъ же плавныхъ обнаруживается въ словахъ, какъ-то: *до-бръ*, *бо-дръ*, *бо-бръ*, *хра-бръ*, *не-гръ*, *на-глъ*, *кру-глъ*, *тё-плъ* и пр. Принимать такія слова за одно-

сложные звуковые комплексы есть физиологическая фикція, никакъ не подтверждающаяся дѣйствительнымъ ихъ произношеніемъ, въ которомъ отчетливо можно различать два слога съ сонантическимъ *r* или *l* въ послѣднемъ. Мягкій носовой сонантъ является въ словахъ, какъ-то: жи-знь, пѣ-снь (pě-šň), ка-знь (ka-žň) и др. (Ср. древне-чешск. pěsn, kázň, которымъ въ современномъ языкѣ соответствуютъ pí-seň, ká-zeň).

Носовое *n* (какъ твердое зубное *n*, такъ и мягкое, палатальное *ñ*) и теперь еще употребляется довольно часто какъ сонантъ въ словацкомъ нарѣчій Морави: o-sn (восемь), se-dn (семь), se-dn-nastý (семнадцатый), kňž-ku (книжки), kň-že („князь“—въ этомъ словѣ *ñ* представляетъ даже долгій сонантъ, который выговариваютъ протяжно) sn-daní (завтракъ), cha-sňk (челядинецъ—и здѣсь послѣдній слогъ дологъ—ср. Bartoš, Časopis Matice Moravské 1878, 2.

И сонантическое *m* проявляется въ нѣкоторыхъ слѣдахъ въ языкахъ славянскихъ; сюда относятся чешск. se-dm (семь) и o-sm (восемь—польск. sie-dm, o-śm), представляющія двусложные звуковые комплексы и произносимыя въ простонародіи sedum, vosum. Въ русскомъ языкѣ *m* является въ такой же функціи въ ко-смъ (род. мн. отъ косма) и о-сь-м-на-д-ц-а-ть (какъ видно изъ сопоставленія его съ однозначимымъ восемнадцать); при небрежномъ, скоромъ произношеніи слова восемьдесятъ и здѣсь *m* звучитъ почти какъ сонантъ: vó-s'm-dě-šť.

Плавные и носовые являются въ функціи сонантовъ и въ латышскомъ языкѣ: sti-prs (сильный), õ-trs (другой), kre-sls (стулъ), ar-klš (плугъ), kre-klš (рубахъ), gre-zns (красивый), le-pns (гордый), pu-tns (птица) и др. Португальское Vossa Mercê (Ваша милость=Вы) въ произношеніи звучитъ какъ vos-mr-sè, при чемъ сонантъ *r* очень слабо слышенъ.

Въ германскихъ языкахъ сонанты *g*, *l*, *m*, *n* весьма распространены и встрѣчаются въ концѣ неударяемыхъ слоговъ, заключающихъ въ себѣ неслышный въ произношеніи гласный *e*, за которымъ слѣдуетъ одинъ изъ упомянутыхъ выше сонантовъ: такъ, *g* является слогаобразовательнымъ

звучомъ: нѣм. *vater* (fá-tr'), *kerker* (ker-kr), *über* (ü-br'), англ. *sister* (sis-tr), *plainer* (plé-nr), шведск. *vacker* (=va-kr), *silfver* (sil-vr); нордск. *soh-tr* (болѣзнь), *sprakr* (мудрый), *badh-mr* (дерево), *gal-dr* (пѣніе). Въ нѣмецкомъ языкѣ встрѣчаются даже слова, которыя въ послѣднихъ двухъ слогахъ содержатъ сонанты *г* (или *l* и *г*): *schlummernder* (šlu-mrn-dr), *zi-tternder* (zi-trn-dr), *handelnder* (han-dln-dr). Примѣры сонанта *l*: нѣм. *nägel* (né-gl), *windel* (win-dl), англ. *candle* (k'än-dl), *eagle* (i-gl), шведск. *fågeln* (fó-gln), *spiegel* (spé-gl); готск. *sti-klis* (чаша), нордск. *bra-ml* (шумъ), *bum-bl* (resonantia), *hvi-sl* (шопоть—Bahder, Verbalabstr. in den germ. Spr. 150—151), *pī-sl* (мѹка). Сонанты *m* и *n*: нѣмецк. *haben* (=há-bm), *lappen* (=lap-pm), *halten* (haltm); англ. *bosom* (bú-zm), *bottom* (bo-tm), *region* (rí džn), *even* (i-vn); исландск. *o-gn* (страхъ), *bo-tn* (дно=англ. bottom), нордск. *ga-gn* (побѣда), шведск. *boken* (bo-kn—книга), готск. *ba-gms* (дерево), *ga-zn* (домъ). Въ англійскомъ разговорномъ языкѣ нерѣдко случается, что самостоятельныя (обыкновенно односложныя, но иногда даже двусложныя) слова совершенно теряютъ удареніе, становятся энклитическими и тѣсно примыкаютъ къ другимъ словамъ. Хотя анализъ гласныхъ такихъ неударяемыхъ словъ крайне затруднителенъ, такъ какъ такіе звуки чрезвычайно неопредѣленны и темны и въ добавокъ, смотря по прихоти и произволу говорящаго, могутъ измѣнять свою природу, все же можно утверждать, что нерѣдко въ такихъ словахъ гласныхъ вовсе не слышно и что согласные *l*, *m*, *n*, *г* (иногда даже другіе) становятся сонантами. Такъ, *and* (и) нерѣдко произносится до того неопредѣленно, что только слышно иѣчто въ родѣ носоваго шума или бормотанья, приблизительно *n'*; *the* нерѣдко произносятся какъ *th'* и даже въ поэзій это слово иногда теряетъ свой гласный; *have* можетъ превратиться въ простое *v*, только въ такомъ случаѣ оно не является самостоятельнымъ словомъ, а примыкаетъ къ предшествующему гласному, составляя съ нимъ одинъ слогъ: *J' v seen*; *J will* сокращаютъ въ *J' ll*, *shall* часто переходитъ въ *šl*, *would* сокращается даже въ простое *d* (послѣ

гласныхъ), should превращается въ šd, can очень часто переходить въ kn, madam (послѣ yes или no) прислуга часто произноситъ какъ m'm или даже какъ m (Ellis, On Early English Pronunciation 1167). Въ скоромъ, фамиллярномъ разговорѣ происходятъ и другія, весьма существенныя сокращенія: говорятъ genrl вм. general, trévlr вм. traveller, difrns вм. difference, instns вм. instance, temprns вм. temperance и пр.

Изъ романскихъ языковъ только французскій употребляетъ сонанты (r, l), такъ какъ только въ немъ конечное неударяемое a, превратившись въ e, все болѣе и болѣе сглаживалось и наконецъ совсѣмъ исчезло, вслѣдствіе чего находившіеся передъ нимъ плавные, которымъ предшествовалъ глухой согласный, облеклись природою сонантовъ: chambre (šám-br), cadre (ká-dr), poudre (pú-dr), aimable (e-má-bl), double (du-bl), parle (pa-rl); сонантъ m: phlegme (fle-gm), énigme (e-ni-gm).

И въ иранскомъ отдѣлѣ языковъ встрѣчаются какъ плавные, такъ и носовые въ качествѣ сонантовъ. Въ персидскомъ языкѣ въ словахъ туземныхъ чаще всего употребляется сонантъ r: mi-hr (печать), še-hr (городъ), ä-br (облако), si-pe-hr (небо), bā-br (тигръ), me-hr (доброта); сонантъ m: re-zm (войско), ée-šm (глазъ); напротивъ dachl (входъ), ku-fl (замокъ, засовъ), ti-fl (дитя) и пр. взяты изъ арабскаго языка. Сонантъ r употребляется также въ эранскомъ нарѣчій Wakkí: žü-tr (шерстяная нитка), wun-dr (земля), šun-dr (горячій—Tomaschek, Sitzungsber d. phil. hist. Cl. d. Akad. Wien 96, 741), spun-dr (плугъ), m: čö-žm (глазъ)—ср. также слова изъ пракритскаго нарѣчія Калаша: mon-dr (слово, языкъ), pu-tr (сынъ). Примѣръ сонанта n представляетъ въ нарѣчій Wakhí слово šku-рn (петля, силокъ). Чаще всего сонанты (особенно r и n) встрѣчаются въ армянскомъ языкѣ, ср. mr-mundžh (бормотанье), mrhmshal (бормотать), va-gr (тигръ), spr-dem (вкрадываюсь), dus-tr (дочь), me-lr (медъ), sr-bem (чищу), tai-gr (новоармянск. ta-gr шурина), tr-tum (опечаленный), рn-gal (чихать—ср. также интеръекціональныя рhrng, рhrnc, выражающія чиханье), kr-čel (щелкать зу-

бами), *kr-kin* (двойной—*krk-nel* удвоить), *mr-čjùn*, *mr-čimъn* (муравей), *tsu-nr* (колѣно), *sr-ti* (род. отъ *sirt* сердце), сонантъ *n*: *ev-tn* (семь), *ta sn* (десять), *o-tn* (нога), *ar-dn* (конь), *a-kn* (глазь), *gel-mn* (шерсть, пуно), *e-kn* (онъ пришелъ), *har-sn* (невѣста), *mu-kn* (мышь), *kir-tn* (потъ), *an-tsn* (душа), *stn-di* (грудной ребенокъ). Вліяніе такихъ словъ отразилось и на нарѣчій армянскихъ цыганъ, въ которомъ также употребляется слогообразовательное *n*: *n-klél* (выходить), *n-kalel* (оголять, обнажать—*Miklosich*, *Denkschr. d. phil. hist. Cl. d. k.*, *Ak. Wien* 30, 184). Сонанты *l* и *m* въ армянскомъ языкѣ встрѣчаются рѣдко: *gha-zm* (=перс. *re-zm*, Zend. *raçman* отрядъ войска), *as tl* (звѣзда—скр. *str*—изъ *as-tr*). Другіе примѣры сонантовъ представляютъ курдск. *kvhrta* (коршунъ—*Justi*, *Rev. de Ling.* XI, 22), *kv-ghó* («eine Art Falke»—*Miklosich* *Die türk. Elemente in den südost-u. osteurop. Sprachen* 91), кимрійск. *pwm-pl* (пузырь), ягнобійск. *bl-dink* (звѣзда мн. ч. *bl-dingat*—*Rev. de Ling.* XV, 278).

Плавные и носовые сонанты изобилуютъ въ нѣмецкихъ нарѣчійяхъ, ср. напр. силезійск. *hâ-ln* (держать), *gil-dn* (стоять), *hil-dn* (держали—*Weinhold*, *Über deutsche Dialectforschung* 65), *arm-fln* (взять охапку, трудиться). Въ томъ же нарѣчій въ сложныхъ словахъ (особенно двусложныхъ) удареніе, падающее на первый слогъ, часто бываетъ настолько сильно, что во второмъ неударяемомъ слогѣ гласный совсѣмъ исчезаетъ и плавный или носовой заступаетъ его мѣсто; это случается нерѣдко и тамъ, гдѣ второй слогъ представляетъ самъ по себѣ самостоятельный комплексъ, знаменательное слово: *ar-br* (честный—нѣм. *ehrbar*), *beng-sin* (пугливый—нѣм. *bangsam*), *Frô-vlk* (изъ *Froh-volk*), *jur-mrt* (нѣм. *jahrmarkt*), *lenk-sl* (нѣм. *lenkseil*), *wul-fl* (нѣм. *wolfeil*—*Weinhold*, *Über deutsche Dialectforschung* 121).

Хотя о языкѣ этрусковъ до сихъ поръ, еще можно сказать, очень мало положительнаго, тѣмъ не менѣе употребленіе въ немъ плавныхъ и носовыхъ сонантовъ можемъ считать положительнымъ фактомъ, который явствуетъ изъ тѣхъ

измѣненій, которымъ римскія и греческія слова подвергались въ устахъ этрусковъ: A-tln-ta=Ἀταλάντη, Elch-sn-tre=Ἀλέξανδρος (Corssen, Krit. Beitr. 10). Въ этрускомъ языкѣ l, m, n, r оказываются весьма часто сонантами: Preñte (preñts — часто встрѣчающееся этрусское родовое имя—ср. С. Pauli, Etruskische Studien I, 35), Raplni (С. Pauli, ibid. I, 64), Plsnð (=Plesinth—С. Pauli I, 96), Kavnthu (С. Pauli II, 37), Thufthas (III, 77), lautn (по предположенію Паули «familia»—ср. впрочемъ и Deecke u. Pauli, Etruskische Forschungen und Studien I, 41 и слѣд.), muvalchls (числительное—Deerke u. Pauli III, 29), acazr, achvizr (III, 81), Petrnal, Cucnial и пр. Флексивныя формы, преимущественно родительныя разныхъ именъ явно указываютъ на возникновеніе такихъ сонантовъ вслѣдствіе выпаденія сосѣднихъ гласныхъ: tesnš (gen. отъ tesan dedicatio), atrš (gen. отъ atar pretium). Selvansl (gen. названія изв. бора), Cilensl, Marisl, Lasl, Muantrnsl, sanšl (civitatis—Pauli III, 128) и пр. Такъ же выражаются Дееке и Паули: «Vocale zwischen Consonanten verklingen, wobei letztere dann zum Theil sonantisch werden» (Etrusk. Forschungen u. Stud. I, 48). Какъ примѣры тамъ-же приводятся: Petrnal изъ Petrunal, Presnts изъ Presentes, Veratrsa вм. Veratrusa, ucrš вм. ucarš, larthlsa вм. larthalisa и пр. Этрусск. mastr, представляющее сокращенную форму лат. magister, по произношенію и значенію совершенно совпадаетъ съ англ. master (чешск. mistr). Столь частое употребленіе слогообразовательныхъ l, m, n, r въ этрускомъ языкѣ по мнѣнію Паули вѣроятнѣе всего объясняется тѣмъ, что въ выше упомянутыхъ и подобныхъ имъ словахъ слѣдуетъ усматривать формы фамильярнаго языка обыденной жизни, сокращающаго для большаго удобства звуковой составъ словъ, въ противоположность къ болѣе взыскательному литературному языку.

Въ другихъ отрасляхъ языковъ встрѣчаемъ также плавные и носовые сонанты. Особенно часто сонанты обоихъ разрядовъ употребляются въ арабскомъ языкѣ. Разговорный языкъ аравитянъ существенно отличается отъ установленнаго

Кораномъ грамматическаго языка, въ которомъ почти каждый согласный снабженъ диакритическимъ знакомъ или знакомъ гласнаго и гдѣ каждый гласный произносится по опредѣленнымъ правиламъ. Въ разговорномъ языкѣ, напротивъ, конечные гласные произносятся только тогда, когда они долги; краткіе конечные гласные и грамматическія окончанія (даже когда слѣдуютъ за ними суффиксы) почти всегда опускаются и сверхъ того въ простонародіи и небрежномъ разговорномъ языкѣ не произносятъ многихъ гласныхъ въ началѣ и въ серединѣ словъ. Вслѣдствіе этого плавные и носовые при такихъ же условіяхъ, какъ въ индо-европейскихъ языкахъ, принимаютъ на себя роль сонантовъ. Такъ напр., грамматическое *ibnon* (сынъ) въ разговорномъ языкѣ въ Египтѣ переходитъ въ *i-bn*, *gadžolon* (мужчина, человѣкъ) сокращается въ *ga-gl*, *kaṁaron* (луна) произносятся *kaṁg* или даже *'a-mg*. Въ доказательство обширнаго употребленія сонантовъ *g*, *l*, *m*, *n* приведу нѣсколько примѣровъ изъ египетскаго нарѣчія.

Плавные сонанты *g*, *l*: *ba-hr* (море), *sa-dr* (грудь, передняя часть), *ka-dr* (достоинство), *sa-gr* (дерево), *ka-sr* (зámokъ), *fi-kr* (мысль), *u-mg* (вѣкъ), *ka-br* (могила), *ga-ml* (песокъ), *da-chl* (входъ), *tem-bl* (глупый), *ri-gl* (нога), *a-hl* (семья), *na-chl* (пчела), *pe-sl* (поколѣніе), *me-hl* (срокъ, отсрочка).

Носовые сонанты *m*, *n*: *hu-ḱm* (рѣшеніе, приговоръ), *ha-zm* (укладывать), *re-gm* (бросать), *re-sm* (дѣленіе), *la-ḱm* (мясо), *na-zm* (рядъ, стихи), *i-sm* (имя), *he-dm* (опустошеніе), *ga-hm* (утроба), *fa-hm* (уголь), *he-šm* (ломка); *re-hm* (залогъ), *we-hn* (слабость), *wo-dn* (*u-dn* ухо), *wa-tn* (страна), *ga-ḱn* (окладъ), *da-gn* (*da-ḱn* борода).

Въ нѣкоторыхъ кавказскихъ языкахъ встрѣчаемъ сонанты *g*, *l* и *n*: мингрельск. *br-dhṅk* (питаю, кормлю), *br-dhṅth* (питаете); грузинск. *mrg-mrg-weli* (круглый), *wr-khewlesi* (протянутый), *mr-tsamda* (я вѣрилъ), *gr-tsa-mn* (вѣрь), *br-dzaneba* (повелѣніе), *mo-sl-wa* (прибытіе); аварск. *ḱtln* (вода—*Rev. de Ling.* 1868, 411).

Въ обширной чудской или урало-алтайской отрасли сонанты *g*, *l*, *m*, *n*, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не употребляются; эти языки вообще не любятъ накопленія

согласныхъ и правильно избѣгаютъ даже двухъ согласныхъ въ началѣ словъ. Могутъ только указать на нѣкоторые спорадическіе случаи употребленія сонанта *г* въ немногихъ татарскихъ словахъ, которыя, по видимому, происхожденія оноματοпоического: тарарск. *ċim-br-gha* (свистушка, дѣтская игрушка—Будаговъ, Сравни. Словарь турк.-тат. I, 509), въ нарѣчій казанскихъ татаръ: *ċâ-br-ċik* (синица), *šbr-damak* (производить шорохъ—Будаговъ, *ibid.* I, 664), *kbr-damak* (шевелить, кишѣть, Будаговъ II, 37), *la-br-damak* (плескать, плескаться въ водѣ). Слѣды подобнаго употребленія сонанта *г* въ словахъ оноματοпоическихъ или интеръекціональных встрѣчаемъ и въ другихъ языкахъ: афганск. *ch'g* (храпѣть—*Trumpp, Zeitschr. d. d. morg. Ges.* XXI, 33—34), нагск. *a-cha-prr* (плакать—*Hodgson, Aborigines of the East* 6). Сонантическое *г* употребляется также въ билинскомъ языкѣ въ сѣверо-восточной Африкѣ (куда оно, быть можетъ, проникло вліяніемъ арабскаго языка): *kr-mâ* (горло, шея), *kr-tî* (она померла), *'r-kuî* (зубъ); нерѣдко передъ такимъ *г* слышно слабое *i*: *kîr-mâ*, *kirtî*, *'irkuî* (*Reinisch, Bilin Sprache* 11). Съ такимъ же *г* встрѣчаемся и въ языкѣ Тангутовъ (*Ši-fan*): *pa-mr-zâ* (годъ), *r-tr-ga* (сѣдло—*Zeitschr. f. Ethnol.* VII, 384), *la-mr-ton-lama* (рай); въ берберскомъ нарѣчій Гхатъ *a-nî* значить „убить“ (*Journ. Asiat.* VIII, Série I, 328), въ калифорнскомъ языкѣ Ашастли *šrs-konder*—„птица“ (отъ *šugui* „пѣть“—*Mithrid* III, 3, 204); въ языкѣ Галла существуетъ даже долгое сонантическое *г*: *trrr-džeda* (чирикать—*Farrar, Origin of language* 74). Ср. также команч. *hr-bisċisċi* (старуха) и якамск. *pi-tr* (племянникъ, дядя).

Плавный *l* является довольно часто сонантомъ въ разныхъ языкахъ сѣверной Америки, особенно же въ чинукскомъ и селишскомъ. Въ селишскомъ языкѣ сонантической характеръ *l* особенно рельефно обнаруживается въ удвоенныхъ слогахъ въ которыхъ, за выпаденіемъ гласнаго, *l* является слогообразовательнымъ звукомъ. Такъ *skaltmigu* (мужчина) имѣетъ во множ. числѣ *skl-kaltmigu*, *essite* (дерево), мн. ч. *szl-zlil*; *sîpi* (веревка) образуетъ деминутивъ *sl-sîspi*, *léu* (отецъ)—*l-leu* (бабушка). Путемъ удво-

енія образованы также: e-sn-gl-galleus (мосты), pel-pl-gui (женщины), n-pl-pel-kaks (свинья), lm-lâmaie (лягушка; сонантомъ въ первомъ слогѣ оказывается l, а не m), sgl-galt (день), sl-silt (тяжелый), êl-êl-pul (преданный охотѣ). Къ другимъ примѣрамъ употребленія сонантического l въ томъ же языкѣ принадлежатъ: tn-pl (имѣю—Mengarini, Selish or Flathead Gramm. 92), spl-kein (голова). Въ чинуцкомъ языкѣ сонантъ l является чаще всего въ соединеніи съ гортанными: klk-čaba (яшень), kl-kaskus (мальчикъ), kl-kotko (собака), klh-whap (дыра), tchl-kakwh-kl (градъ), to-tlth (домъ). Въ языкѣ Кише суффиксъ—al, послѣ h, z, x теряетъ гласный, вслѣдствіе чего l переходитъ въ сонантъ: qoh (быть), qo-hl (существующій), qaz (жить), qa-zl (живущій), tah (быть начальникомъ), ta-hl (главнокомандующій—Rev. de Ling. X, 52). Примѣры сонантического l въ другихъ языкахъ: колошск. katl't (зола, пепелъ—Pfizmaier, Sitzungsber. d. Wien. Akad. d. Wiss. 105, I, 221 въ томъ же языкѣ русское котель измѣнили въ kon-tl или kot-tl (Pfizmaier, ibid. I, 180); молельск. pi-tchlt (носъ), кинайск. tak-šl-ka (глина—Radloff, Bull. hist. phil de l' Acad. Pétersb. XIV, 270), умпквайск. tkchl-kchais (воинъ), кайганск. tlh'-mel (свинья), черокеск. kal-vlv (вязать—squal-vlv-gi ты меня связалъ—Pott, Doppelung 206); сюда же должно отнести и сямск. lk (глубокій—L. Ewald, Gramm. der T'ai oder Siam. Sprache 27). Напротивъ, въ словахъ какъ-то калифориск. haxtlweltl („лобъ“ въ нарѣчьи San Luis-Rey—ср. Lucy—Fossarieu Langues Ind. de la Californie 20), сѣв.-остяцк. tutltalem (догонять—Ahlqvist, Sprache der Nordostjaken 149), ûntltillem (учиться) и пр. l, если судить по аналогіи мексиканскаго tl (особенно въ концѣ словъ: tepe-tl гора, teo-tl богъ), по всей вѣроятности, не облечено природою сонанта, такъ какъ въ мексик. tl за глухимъ взрывнымъ слышится еле замѣтный рефлексъ глухаго l.

Носовые сонанты встрѣчаются въ разныхъ языкахъ въ словахъ, сближающихся по своему характеру съ интеръекциональными элементами и возникающихъ нерѣдко и въ нашихъ языкахъ вслѣдствіе небрежнаго произношенія между-

метій и частицъ (особенно утвердительныхъ). Такъ напр. столь часто употребляемое междометіе, которое выражаемъ черезъ hm или hn, возникаетъ изъ частицъ „такъ, нѣтъ, да“ или изъ междометія „ахъ“ и др. дѣйствиємъ законовъ инерціи («durch die wirkung von trägheitsgesetzen» — Sievers, Grundzüge d. Phonetik² 113), а именно такъ, что надставная труба сохраняетъ свое индифферентное уложеніе, при чемъ происходятъ только артикуляціи гортани и необходимыя экспиративныя движенія; каждый гласный искаженного такимъ небрежнымъ произношеніемъ слова, смотря по положенію передней части языка, долженъ превратиться въ m или n. Интонація, протяжность и интенсивность экспиративнаго движенія окрашиваютъ такой комплексъ болѣе или менѣе яснымъ интеръекціональнымъ оттѣнкомъ. Совершенно справедливо Шмеллеръ называетъ баварское hn-hn, выражающее утвердительную частицу, („такъ, да“) «faules Ja» (Bayer. Wtb. 1113); шотландское нечленораздѣльное mmhm выражаетъ „да“ (Sweet, Handb. of Phon. 46). Такихъ лѣнивыхъ, небрежныхъ интеръекціональныхъ энунціацій съ сонантическими носовыми встрѣчаемъ впрочемъ и въ другихъ отрасляхъ немало. Такъ, въ ёрубскомъ языкѣ nh-nh выражаетъ удивленіе (P. Bouche, Études sur la langue Nago 35), въ языкѣ Галла отрицаніе выражается черезъ hm, hn (De la Calle, Glossologie I, 251), въ фернандиенскомъ языкѣ 'nt выражаетъ отрицаніе, которое копты выражаютъ между прочимъ также посредствомъ звуковъ mhn; буломы въ Африкѣ, чтобы выразить „да“, закрываютъ ротъ и издають звукъ черезъ носъ, который похожъ на протяжное n или m'h'm (Nylander—въ Pott, Etym. Forsch I, 339), саракхольцы выражаютъ отрицаніе черезъ «petit murmure, la bouche fermée» (Faidherbe, Rev. de Ling. XIV 95); ашантійск. hm-hm выражаетъ слабое, неохотное соглашеніе, вынужденное одобреніе или гнѣвъ (Christaller. Dict. of t. Asante 180), въ языкѣ Чибча „да“ выражается черезъ hn-hn (Uricoechea—Lengua Chibcha 95—пишетъ hehe, но прибавляетъ, что эти звуки должно произносить ноздрями—«se ha de pronunciar con las narices») въ

дагомейскомъ языкѣ „да“ выражается посредствомъ *šīn*, которое однако произносится съ закрытымъ ртомъ (по франц. правописанію *ching* «prononcez la bouche fermée» — Courdioux, Actes de la Soc. Phil. IX, 75), въ томъ же языкѣ *hm-hm* означаетъ интеръекцію отвращенія, негодованія («fi!» Courdioux, *ibid.* 64). Вѣроятно и встрѣчающееся въ индокитайскомъ языкѣ *Tung-lhu* слово *hm*, означающее змѣю (Hodgson, Indo—Chinese borderers, 20) представляетъ не что иное, какъ интеръекцію отвращенія или испуга. Ср. также употребляемое въ африк. языкахъ Баса и Гребо числительное *h'm* (пять—Fr. Müller, Sitzungsber. d. phil. hist. Cl. d. k. Akad. Wien 86, 96), кинайск. *tm* (муха—Radloff, Bull. hist. phil. de l' Acad. Pétersb. XIV, 278) и употребляемое въ языкѣ Наонамовъ (въ южной Америкѣ) слово *ig-dn* (огонь—Journal of the Anthropol. Instit. XIII 254).

Въ китайскихъ нарѣчіяхъ нерѣдко встрѣчаются носовые сонанты, возникающіе вслѣдствіе выпаденія гласнаго изъ кореннаго слова; особенно часто является сонантъ *n* въ амойскомъ нарѣчій, за выпаденіемъ кореннаго гласнаго: *tng* „длинный“ (*ng* изображаетъ гортанный носовой; въ мандаринскомъ языкѣ этому слову соотвѣтствуетъ *čang*, возникшее изъ *tang*—Phoenix 1870, 178), *sng* (боль, усталость—изъ *sang*), *sng-núg* (ощущеніе боли и усталости—Douglas, Chinese Engl. Dictionary of Amoy 449), *hng-hng-hau* (бормотать, шумѣть), *mng* (дверь—мандаринск. *men*), *sng-mng* (запереть дверь), *sng-tng* (испортить), *thng-sng* (леденецъ) и пр. Въ кантонскомъ нарѣчій есть особые вокализированные *m* и *ng* (=ñ), представляющіе измѣненіе слоговъ *wu* и *ngu* (G. von der Gabelentz, Chinesische Grammatik 35). Въ японскомъ языкѣ носовые сонанты возникаютъ выпаденіемъ передъ носовыми согласными краткаго подвижнаго *u*: *m'ta* (лошадь) изъ *mū-ta*, *szn-szn* (на малые куски—напр. разбить, разрѣзать), *dzn-dzn* (интеръекціональное слово, изображающее шопотъ, особенно же тихую молитву). Коптск. *hti-tm* (дымъ) въ послѣднемъ слогѣ утратило *e*, ср. демотическ. *hetem* (дымъ—Brugsch, Gramm. Démotique 27); другіе примѣры сонантической

го m представляют: селишск. mes-tm „отецъ“ (это слово употребляется только въ языкѣ женщинъ), e-sm-kmokk (гѣры), ies-ktm-kom („принимаю“—это слово представляетъ удвоенную формацію); юрак. самоѣдск. a-ma-dm (ѣсть), amea-dm (сосать). Отголосокъ сонантического n является также въ языкѣ Кольховъ; въ этомъ смыслѣ можно, по крайней мѣрѣ, истолковать слѣдующее замѣчаніе Поттотта (Grammatik der Kolh-Sprache стр. 5): «mehrere konsonanten, besonders b und g, werden oftmals am ende eines wortes mit einem n-nachschlage ausgesprochen: urigⁿ eine art vogel, ubⁿ das haar».

Носовые сонанты встрѣчаются и въ началѣ словъ и могутъ даже принимать ихъ удареніе. Въ африканскомъ языкѣ Вей мѣстоименный элементъ перваго лица единственнаго числа является въ видѣ носоваго звука, который представляется спереди къ существительнымъ и глаголамъ, уподобляется въ произношеніи разряду слѣдующаго за нимъ непосредственно согласнаго, принимаетъ часто удареніе слова и всегда составляетъ самостоятельный слогъ: n'-fa (мой отецъ), n'-ba (моя мать), n'-baga (мое мѣсто), n'-ton (мое имя), n'-dzê (для меня), n'-ko (дай мнѣ), n'-tâ (я иду—ср. Koelle, Grammar of t. Vei language, London 1854, 43). Въ постановкѣ ударенія языкъ въ такихъ случаяхъ послѣдовательности не соблюдаетъ, такъ какъ оно иногда переходитъ и на коренной слогъ: m-mâma (моя бабушка), n-kûgu (моя нога), n-kûn (моя голова). Сонантическіе носовые экспоненты въ началѣ словъ встрѣчаются и въ другихъ языкахъ, ср. въ языкѣ Сесуто: m-rêa (собака), Исубу: m-bva (собака), Кусса: m-puh (ружье—Lichtenstein, Reisen I, 656) Ибо: mk-prisisi (палецъ—Schön, Oku Ibo 14), ботокудск. nn-piu (плевать—Martius, Beitr. zur Ethnogr. Amer II, 181), шонійск. m'sksmah (жила—Schoolcraft, Ind. Tribes II, 471), Бахингъ: gn-wakko (плакать—Hodgson, Himalayan Ethnology 185), сечуанск. nêh, nê (родъ тростника—Brown, Lokwalo Loa Mahû-kûa Secwana 85), n-thlwa (брови), ng-kwedi (ястребъ), делаварск. m'-nupekwh (озеро).

Другіе примѣры сонантического n: кадыяск. kpk

(огонь—Mithr III, 3 466), микмакск. pe-tn-tlgnal (моя рука—Barrat, The Indian of New. England, Connecticut 1851, 18), вепск. li-dn (замокъ—Ujfalvy, Essai de Gramm. Vêpse 8), селишск. in-kn-ko (иногда), о рпĕ-staškat (десять дней), sol-žiz-tn (огонь), sn-sant (кроткій), tn-pl (имѣю), sn-kusigu (сестра—Mengarini, Selish Gramm 117), болайск. (въ Афр.) рп-de-mnt (языкъ—Koelle, Afric. Lang. 34), вайлатпуйск. ip-tn-chlonš (трубка—Buschmann, Spuren d. Aztek Spr. I, 623).

Категорія сонантовъ указанными выше (кромѣ гласныхъ) звуковъ l, m, n, r не исчерпывается; и спиранты, особенно шипящія могутъ принимать на себя функцію сонантовъ. Шипящія съ гласными раздѣляютъ ту общую черту, что принадлежатъ къ длительнымъ звукамъ, произношеніе которыхъ можно продолжать, не выходя изъ свойственнаго имъ положенія органовъ рѣчи, до тѣхъ поръ, пока хватитъ дыханія. Оттого и шипящія, не менѣе плавныхъ и носовыхъ, способны превратиться въ сонанты. Въ нашей отрасли шипящія сонанты составляютъ сравнительно рѣдкое явленіе, тѣмъ не менѣе они несомнѣнно существуютъ. Такъ, въ интеръекціяхъ стъ! стъ! тсъ!, чешск. рst! st! kšc!, нѣм. bst, bscht, sch и др. шипящія служатъ сонантами и эти звуковыя группы и въ семасіологическомъ отношеніи очень важны, такъ какъ st оказывается прототипомъ индоевропейскаго корня sta (стоять), символизирующаго шипящимъ (длительнымъ) звукомъ движеніе, а глухимъ взрывнымъ внезапное прекращеніе движенія. Въ нѣмецкихъ нарѣчійхъ иногда встрѣчаются искаженные и сокращенные по своей неударяемости слоги, которыхъ сонантами были прежде гласные, по выпаденіи своемъ уступившіе мѣсто шипящимъ; такъ, въ тюрингск. нарѣчій нѣм. gesagt произносится какъ двусложное слово, но безъ e: ks-sacht, ksâcht (Sievers, Grundzüge der Phonetik² 31—32). Въ англійскомъ разговорномъ языкѣ, особенно у простонародія, иногда въ неударяемыхъ слогахъ выпускаются и такіе гласные, которые по своей звуковой обстановкѣ могутъ быть замѣнены только шипящими сонантами: I sh'd (sh'd, т. е. шд вм. should) think so, sk-ses-fl (= successful), s-pōz (= suppose),

s-fi-šnt (suffic-ent — Storm, Engl. Philologie I, 293), sp-pò't (support), sp-plaj (supply) и др.

И въ другихъ отрасляхъ встрѣчаемъ слѣды шипящихъ сонантовъ; болѣе всего они распространены въ языкахъ восточной Азіи, особенно въ японскомъ и китайскомъ. Японскій языкъ, какъ уже выше упомянуто, на каждомъ шагу выпускаетъ гласные (особенно *u*, рѣже *i*) и вслѣдствіе этого шипящіе нерѣдко оказываются сонантами: такъ *su* (гнѣздо, укусъ), за отпаденіемъ гласнаго, переходитъ въ произношеніи въ *sz*, *su-dzu* (родъ колоколовъ) въ *sz-dz*, и такимъ же образомъ возникли слова: *sz-sz* (сажа), *tsz-tsz* (труба), *fu-tsz-dz-ka* (неловкій, глухой — *Herburn*, *Japanese Dict.* 69), *tsz-dz-ke* (дѣлать что нибудь съ настойчивостью, неутомимо), *što-tsz-dz-tsz* (одинъ за другимъ, по порядку — *Herburn* 58), *fta-tsz dz-tsz* (по два) и пр. Въ китайскомъ разговорномъ языкѣ также часто слышатся шипящіе сонанты. Такъ напр. слово, которое означаетъ понятіе „сынъ“, обыкновенно въ транскрипціи передается черезъ *se*, *tse* (т. е. *це*, *тсе*), но точное фоническое писаніе есть *tsz*; начертаніе *tsz* или *tz* употребляютъ *Summers*, *Lobscheld*, *Parker* и другіе знатоки китайскаго разговорнаго языка (звуковая группа *tsz* играетъ важную роль въ языкѣ, являясь во многихъ словахъ какимъ-то номинальнымъ детерминативомъ, поставляемымъ за существительнымъ: *fàng-tsz* „домъ“, *jîn-tsz* „серебро“, *čü-tsz* „свинья“, *laù-tsz* „отецъ“, *sz-tsz* „вошь“ и др.). Слово, означающее понятія „четыре, ученый“ и др. пишутъ въ транскрипціи *sse* или *ssü*, но въ произношеніи его не слышать ни *e*, ни *u*: артикуляція его начинается съ глухаго шипящаго (*s*) и затѣмъ переходитъ въ звонкій сибилантъ (*z*), которымъ и заканчивается („carries on the consonantal *z* sound, until the utterance is finished“ — *Parker*, *China Review* VII, 411). И слово, означающее „день, солнце“ (снабженное такъ называемымъ „входящимъ“ удареніемъ) *žī* (въ древнемъ языкѣ *žit*) въ Пекингѣ произносится безъ гласнаго, приблизительно какъ *žž*. Въ китайскихъ нарѣчіяхъ шипящіе сонанты также весьма распространены; достаточно указать на нѣкоторые примѣры изъ шанхайскаго нарѣчія: *zz-jeu-zz-ze* (свободный —

Edkins, Vocabulary of the Shanghai Dialect 41), zász (мочиться—140), zz-zun-cung (часы—15), tsu-ts-dzo (порохъ), z-z-ts (наслѣдникъ 48).

Къ спорадическимъ случаямъ употребленія шипящихъ сонантовъ принадлежатъ: венгерск. s (произносится *usz*) употребляется какъ самостоятельное слово въ значеніи „и“ и сокращено изъ *és*; отличительная черта разговорнаго языка марокканскихъ аравитянъ заключается въ возможно обширнѣйшемъ выпущеніи гласныхъ, вслѣдствіе чего къ упомянутымъ выше арабскимъ сонантамъ (r, l, m, n) присоединяются еще шипящіе сонанты; такъ, предложеніе *aš ismak* (какъ тебя зовутъ?—букв. „что имя твое?“) марокканды произносятъ: *š-smk* (G. Rohlfs, Zeitschr. d. Ges. f. Erdk. VII, 61), „во имя Бога“ выражаютъ черезъ *bsm-allah* и пр. Айносы въ знакъ отрицанія, отказа или неодобренія употребляютъ язычный сонантъ *tz*, играющій роль интеръекціи и сопровождаемый быстрымъ поворачиваніемъ головы въ бокъ (Verhandl. d. Ges. für Anthropol. 1882, 182). Поттаватамск. *žk-žuk* (глазъ—L. Morgan, Systems of Consanguinity 209), представляющее, по видимому, удвоенную форму, состоитъ несомнѣнно изъ двухъ слоговъ, изъ которыхъ первый заключаетъ въ себѣ шипящій сонантъ; селишск. *sz-zmelt* (юноши) и *ks-spl-tems* («*verberet illi*»—Mengarini, Selish Grammar 46) относятся сюда же; шипящій сонантъ является также въ черкесскомъ *s-ši* (братъ—другая форма этого слова есть *istsše*), *š-ši* (дѣло, дѣйствіе—Loewe—Dict. of the Circass. lang. 137—ишетъ *sh'shee*), *ts-šghaga* (понимать); въ кинайскомъ *šécca* (т. е. *ш-ч-ч-ч-а* „покрывало, одѣяло“—Radloff, Bull. hist. phil. de l'Acad. Pétersb. XIV, 278), хотя трудно рѣшить, какъ дѣлится слово по слогамъ (можетъ быть *šéc-ca*?). Къ сомнительнымъ случаямъ принадлежатъ: этенск. *uhzscht* („великій“—Bastian, Ein Jahr auf Reisen 172; можетъ быть: *û-zšt*?) и тангутск. *běžâ* (пищуха—„Пржевальскій, Монголія и страна Тангутовъ“ I, 259).

Въ нѣкоторыхъ словахъ изъ американскихъ языковъ, судя по ихъ транскрипціи, дыхательное *ch* (или *h*) является сонантомъ: колошск. *kchhhcha* (= χh -*hcha* мышь),

kchhh-chháe (водопадъ—Buschmann, Abh. d. k. Akad. d. Wiss. Berlin 1856, 414), чинуцк. chpchtsákkollu (твердый); въ калифорн. нарѣчіи San-Luis-Rey: h-h-mij (грудь, молоко). Спирантич. сонантъ f является въ турецк. интеръекціональномъ pf! выражающемъ отвращеніе и встрѣчающемся также въ соединеніи съ глаголомъ въ pf demek „дуть“.

Даже эксплозивы въ нѣкоторыхъ американскихъ языкахъ являются въ функціи слоогообразовательныхъ звуковъ. Оставляя въ сторонѣ болѣе или менѣе сомнительные случаи, которыхъ можно привести немало (ср. чинуцк. tktotke „хорошій“, команчск. ptsáat „хорошій“, кинайск. ptmuk „волосы“, пимайск. ptkum „колѣно“ и пр.) укажу только на нѣкоторыя слова въ селишскомъ языкѣ, въ которыхъ первый слогъ несомнѣнно заключаетъ въ себѣ эксплозиву, облеченную характеромъ сонанта. Эти слова слѣдующія: skp-kèréne (песокъ—Mengarini, Selish Grammar 4), pg-pgot (старикъ), kt-kutunt (множ. чис. отъ kutunt „большой“). Принимая во вниманіе, что такія слова возникли путемъ удвоенія, при чемъ первый слогъ утратилъ свой гласный, что они образованы въ полнѣйшей аналогіи съ другими удвоенными звуковыми группами, обнаруживающими сонанты (l, n: sn-sant „кроткій“, sgl-galt „день“, szl-zlil „дерева“) и что группы согласныхъ, какъ-то: skpk-, pgpg-, ktk- не только европейская, но даже и американская гортань не можетъ произнести посредствомъ одного только экспиративнаго приема, полагаю, что въ приведенныхъ выше словахъ эксплозивы въ первыхъ слогахъ (а именно всегда вторую) должно принять за слоогообразовательные звуки. Быть можетъ, сюда же примыкаетъ пимайск. pṭpahso (грудь), которое скорѣе всего дѣлится на pṭ-pah-so, въ виду того, что pṭ-, встрѣчаясь часто въ словахъ, означающихъ разныя части тѣла, по всей вѣроятности представляетъ притяжательное мѣстоименіе, срastaющеея по чрезмѣрной конкретности языка съ существительнымъ въ одинъ нераздѣльный звуковой комплекс (ср. Buschmann, Über d. Pima Sprache, Abh. d. phil. hist. Cl. d. k. Akad. Berlin 1856, 367).

Викентій Шерцль.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭВОЛЮЦІЯ НА ЗАПАДѢ.

(Продолженіе).

IV.

Многія особенности задачи историка литературы объясняются свойствами всякой спеціальной исторіи въ ея отличіи отъ общей, но есть въ ней черты, которыя принадлежать ей особенно, т. е. не находятся въ другихъ спеціальныхъ исторіяхъ: этимъ исторіи литературы сообщается почти исключительное положеніе въ области исторической науки.

Главная черта, о которой я говорю,—та, что историкъ литературы опирается главнымъ образомъ не на сохранившіяся свидѣтельства о фактахъ, болѣе недоступныхъ непосредственному наблюденію, а на самые факты, сохранившіеся для непосредственнаго наблюденія.

Вы изслѣдуете исторію греческой поэзіи: у васъ передъ глазами самыя явленія этой исторіи, вы читаете Иліаду и Одиссею, Теогонію и Труды и дни Гезіода, пѣсни Анакреона, оды Пиндара, трагедіи Эсхила, Софокла, Эврипида, комедіи Аристофана, вы знаете самыя эти произведенія, а не изъ извѣстій о томъ, что тотъ-то написалъ то-то и таково-то было его произведеніе. Вы изучаете исторію аѣинской конституціи, васъ интересуетъ архонтатъ, организація буле, дѣятельность народнаго собранія, засѣданія ареопага или судоговореніе въ народныхъ судилищахъ, но вы не можете видѣть архонтовъ, побывать въ пританеѣ, посѣтить экклезію, посмотреть на собраніе ареопага, присутствовать въ аѣинскомъ судѣ, вы обращаетесь къ описаніямъ, ищете въ источникахъ отрывочныя свѣдѣнія и т. п. Правда, не одни литературныя произведенія суть «сохранившіеся факты», къ числу ихъ относится и многое другое—зданіе, статуя, картина, оружіе, домашняя утварь, государственная грамота, юридическій документъ, философское и ученое сочиненіе и пр. и пр. Правда, вы не видите, какъ встрѣтились на луку

король Іоаннъ и его бароны, но вы читаете самый договоръ между ними, эту Великую хартію вольностей; вы не присутствуете въ ночномъ засѣданіи конституанты 4 авг. 1789 г., но у васъ передъ глазами его декреты; вы болѣе не можете находиться при томъ, какъ Кальвинъ организовалъ женевскую церковь, но до васъ дошло его *Institutio religionis christiana*; вы не разговаривали съ самимъ Кантомъ, но можете прочесть его Критику чистаго разума, какъ ни издавши въ глаза Шекспира, читаете его Гамлета или Короля Лира. Но... есть и различіе.

Каждымъ сохранившимся фактомъ мы дорожимъ въ двойномъ отношеніи: какъ фактомъ самимъ по себѣ и какъ свидѣтельствомъ о другихъ фактахъ, но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ непременно преобладаетъ одно изъ этихъ двухъ значеній сохранившагося факта,—и по отношенію къ литературнымъ произведеніямъ именно первое. Изъ матеріальныхъ предметовъ, дошедшихъ до насъ изъ болѣе или менѣе отдаленной старины, произведенія техники въ широкомъ смыслѣ, всѣ предметы, выдѣланные рукою человѣка для потребностей ежедневной жизни, остатки жилищъ, платья, домашней утвари, разныхъ орудій, вооруженія и т. п. имѣютъ для историка — преимущественно для историка внѣшняго быта народовъ,—то значеніе, что при помощи этихъ предметовъ мы воскрешаемъ всю матеріальную обстановку жизни въ данную эпоху, судимъ о высотѣ матеріальной культуры того или другаго народа, можемъ дѣлать заключенія объ относительномъ совершенствѣ техники, указывать на культурныя вліянія, которымъ подвергалась одна народность со стороны другой, но для рѣшенія такихъ постороннихъ вопросовъ бываютъ важны и другіе сохранившіеся факты: произведенія литературы и искусства точно такъ же могутъ свидѣтельствовать о весьма многомъ. Однако разница есть и разница большая: каждый дошедшій до насъ древній или старинный ножъ или мечъ есть только образецъ множества подобныхъ предметовъ, самъ по себѣ этотъ

ножь или мечь не имѣеть индивидуальнаго значенія, тогда какъ произведенія литературы и искусства, кромѣ того что представляютъ изъ себя образчики литературнаго языка, литературной формы, художественныхъ приемовъ, выработки техники, идей и идеаловъ и т. п. въ данномъ обществѣ, являются съ индивидуальнымъ характеромъ въ большей или меньшей степени, и это заставляетъ насъ смотрѣть на поэму, драму, оду, зданіе, статью или картину не только какъ на образчикъ другихъ подобныхъ предметовъ, не только какъ на свидѣтельство о томъ, какъ удовлетворялись литературныя и эстетическія потребности народа, въ какомъ кругу идей и идеаловъ вращалось творчество, какія культурныя вліянія испытывалъ народъ со стороны другихъ народовъ и т. п., но какъ и на индивидуальные факты съ имъ однимъ принадлежащими достоинствами и недостатками, особенностями содержанія и формы,—какъ на индивидуальные факты, вліявшіе одинъ на другой, имѣвшіе каждый свое значеніе въ эволюціи, самостоятельное мѣсто въ жизни, ту или другую роль въ исторіи. Конечно, тутъ есть цѣлая градація ступеней отъ какого-нибудь меча, одного изъ экземпляровъ многихъ подобныхъ мечей, до «единственной» Божественной Комедіи, градація уменьшающейся, если можно такъ выразиться, экзemplарности и возрастающей индивидуальности, но наиболѣе способны имѣть индивидуальное значеніе именно произведенія литературы. Миланскій соборъ и храмъ Василя Блаженнаго въ Москвѣ, Венера Милосская и Аполлонъ Бельведерскій, сикстинская Мадонна и Страшный Судъ Микель Анджело—то же единственныя произведенія архитектуры, ваянія и живописи, какъ въ поэзіи Иліада, Божественная Комедія, шекспировскій Гамлетъ, гоголевскій Ревизоръ, Записки Охотника Тургенева и т. п., но вы согласитесь съ тѣмъ, что есть нѣчто особенное, придающее индивидуальное значеніе литературнымъ произведеніямъ сравнительно съ произведеніями зодчества, ваянія и живописи. Понятно, что и храмъ, и статуя, и

картина, равно какъ поэма, драма, романъ, могутъ имѣть для насъ значеніе не только индивидуальныхъ фактовъ, но и обращиковъ или свидѣтельствъ о другихъ фактахъ, имѣя около себя другія подобныя произведенія,—рядомъ съ миланскимъ соборомъ—кельнской, страсбургской и другіе памятники готики, рядомъ съ Венерой Милосской Венеру Медицейскую, Аполлона Бельведерскаго и инныя статуи античной пластики, рядомъ съ Гамлетомъ Макбета, Короля Лира и другія драматическія произведенія Шекспира, рядомъ съ Ревизоромъ Фон-визиновскаго Недоросля, грибоѣдовское Горе отъ ума, комедіи Островскаго и другія русскія произведенія по части комедій,—и заключая въ себѣ разныя свидѣтельства о другихъ фактахъ; но все-таки только литературныя произведенія—и по своимъ внутреннимъ особенностямъ, и по вліянію на жизнь—способны имѣть рѣзко выраженную фізіономію индивидуальнаго факта и играть въ жизни роль отдѣльнаго историческаго фактора. Не говоря уже о томъ, что литературное произведеніе полнѣе, всестороннѣе и шире выражаетъ мысль и чувство, отражаетъ жизнь, оно имѣетъ важныя преимущества передъ произведеніями другихъ искусствъ. Возьмите для сравненія миланскій соборъ и Божественную Комедію. Можно сказать, что они выросли на одной и той же почвѣ средневѣковаго католицизма съ его мистикой и символизмомъ; какъ свидѣтельства объ этой мистикѣ и символизмѣ, о содержанія идей и чувствъ католицизма, конечно, болѣе значенія имѣетъ грандіозная поэма Данте, нежели величественное архитектурное украшеніе Милана, но не въ этомъ дѣло: мы беремъ для сравненія эти два памятника не въ смыслѣ свидѣтельствъ о фактахъ,—историкъ всегда предпочтетъ письменный источникъ матеріальному предмету,—а въ смыслѣ ихъ индивидуальнаго характера и индивидуальной исторической роли. Скажите, что бросается вамъ въ глаза прежде всего при взглядѣ на миланскій соборъ? Конечно, прежде всего его готическій характеръ, и только потомъ вы обратите вниманіе на

его индивидуальныя особенности: тутъ индивидуумъ поглощается, такъ сказать, въ видѣ, это—оригинальный образецъ извѣстной категоріи предметовъ. Совсѣмъ иное дѣло—поэма Данте: на первомъ планѣ у васъ не оригинальный образецъ средневѣковой аллегорической поэзіи, а самостоятельное содержаніе поэмы, ея своеобразный планъ, построеніе, сюжетъ, форма. Личность Данте выступаетъ въ ней яснѣе, чѣмъ личность архитектора собора: оригинальность личности проявляется яснѣе всего въ мысли, словесно выраженной, чѣмъ въ томъ или другомъ произведеніи рукъ, потому что у языка больше средствъ проявленія оригинальности, чѣмъ у руки. Во-вторыхъ, чтобы видѣть настоящій миланскій соборъ, вамъ нужно ѣхать въ городъ, гдѣ онъ находится,—поэму Данте вы можете имѣть у себя подъ руками за нѣсколько рублей самое большее, не модель, не снимокъ, не копию, не фотографію, какіе могутъ быть у васъ для миланскаго собора, Моисея Микель Анджеоло или сикстинской Мадонны, а настоящую поэму Данте: она не связана съ извѣстнымъ веществомъ, которое не можетъ находиться одновременно въ разныхъ мѣстахъ, быть и въ Миланѣ, и въ другихъ городахъ, въ римской церкви *S. Pietro nei vincoli* и гдѣ еще угодно, на стѣнѣ дрезденской картинной галлерей и на какомъ еще хотите мѣстѣ. Божественная Комедія могла бы сохраниться въ одной памяти, заучиваемая со словъ, она только прикрѣпляется къ бумагѣ, не въ самой бумагѣ она, не въ строчкахъ буквъ, которыя только знаки словъ, а въ самой послѣдовательности этихъ словъ и выражаемыхъ ею мыслей. Когда вы смотрите на миланскій соборъ, вы видите готовый результатъ извѣстныхъ актовъ мысли и мускульной силы; когда вы читаете поэму Данте, вы какъ бы слушаете его слова, слѣдите шагъ за шагомъ за процессомъ его мысли, предъ вами воскресаетъ живой человѣкъ, а человѣкъ, воскресшій въ своемъ произведеніи, способномъ распространяться въ милліонахъ экземпляровъ (не моделей и не копій) и сохраняться цѣлыя вѣка, чрезъ него еще

дѣйствуетъ на людей по смерти, какъ дѣйствовалъ при жизни. Литературное произведеніе запечатлѣваетъ самый процессъ мысли, самый актъ рѣчи, какъ извѣстной дѣятельности: слово живетъ и продолжаетъ дѣйствовать, а въ словѣ сохраняетъ свою силу и значеніе духъ. Такъ не живетъ больше въ миланскомъ соборѣ духъ, его создавшій и оставившій на немъ слѣды, и зданіе не играетъ индивидуальной исторической роли, если не дѣлается, напр., патріотическимъ символомъ, съ которымъ человекъ связываетъ извѣстныя воспоминанія и чувства, какъ это можно видѣть на примѣрахъ какого-нибудь фетиша у дикаря или засушеннаго цвѣтка у влюбленной дѣвушки. Положимъ, такимъ символомъ можетъ быть и литературное произведеніе,—поэма Данте для итальянцевъ въ годы ихъ политическихъ бѣдствій была знаменемъ патріотизма и національнаго единства,—но за литературнымъ произведеніемъ все-таки сохраняется то значеніе, что въ немъ мы видимъ самый процессъ мысли, а не одинъ его ковецъ, сложенный въ камни зданія,—слышимъ какъ бы самую рѣчь, состоящую изъ отдѣльныхъ актовъ голосоваго аппарата, и, читая, повторяемъ эти акты, а не имѣемъ дѣло съ матеріальнымъ предметомъ, только свидѣтельствующимъ о произведенной работѣ, о совершенныхъ актахъ и болѣе неспособныхъ повториться. Индивидуальную историческую роль могутъ играть только дѣйствія, а не подѣлки: именно характеръ воскресающаго дѣйствія,—процесса мысли и актовъ рѣчи,—а не сохранившейся подѣлки имѣетъ всякое литературное произведеніе.

Въ этомъ отношеніи вообще нужно говорить о разницѣ между матеріальными памятниками и памятниками слова, закрѣпленными въ памяти или на письмѣ. У васъ есть вещь, сдѣланная умершимъ другомъ, и письмо, имъ написанное: первая вамъ его напоминаетъ, во второмъ онъ воскресаеетъ передъ вами; въ первой вы видите результатъ извѣстной его работы, во второмъ присутствуете при самой его работѣ, слѣдите за процессомъ его мысли, за актами его рѣчи, совершавши-

мися не при помощи голосоваго аппарата и колебаній воздуха, а при помощи мускуловъ руки и пальцевъ, пера, чернилъ и бумаги; смотря на вещь, вы видите предметъ, съ которымъ связываете разнообразныя воспоминанія объ умершемъ другѣ, читая письма, вы переживаете извѣстный моментъ его жизни; вы не наблюдаете непосредственно, какъ дѣлалась вещь, но весь процессъ мысли, все движеніе чувства, вся послѣдовательность актовъ рѣчи въ письмѣ передъ вами. Этимъ и отличаются письменные памятники отъ матеріальныхъ.

Разсмотримъ теперь литературныя произведенія, какъ сохранившіеся факты, въ сравненіи съ другими сохранившимися письменными фактами. Вы читаете письменный памятникъ, и васъ интересуесть либо самое воспроизведеніе процесса мысли и послѣдовательность актовъ рѣчи (передаваемой не звуками, а знаками, что въ данномъ случаѣ все равно) писавшаго, либо обстоятельства, сопровождавшія этотъ процессъ и эти акты. Передъ вами *Magna charta libertatum*: вы читаете этотъ памятникъ не столько для того, чтобы воскресить передъ собой извѣстный моментъ дѣятельности его составителя, а ради постороннихъ дѣлей, — васъ онъ интересуесть, какъ обращикъ тогдашней официальной латыни, вы хотите знать, въ чемъ именно состояла сдѣлка Іоанна Безземельнаго съ баронами, получили ли какія-либо права подвассалы и горожане, какія феодальныя отношенія были регулированы, что было сдѣлано для тѣхъ политическихъ собраній, изъ коихъ потомъ возникъ парламентъ и пр. и пр. Для васъ *Magna charta* интересна не какъ закрѣпленные на бумагѣ процессъ мысли и послѣдовательность актовъ рѣчи, а какъ собраніе свѣдѣній, которыя вы могли бы найти и у какого-нибудь лѣтописца. Вы читаете Полиптикъ аббата Ирминона: вамъ нѣтъ дѣла до воскрешенія процесса мысли и послѣдовательности актовъ рѣчи почтеннаго монаха, васъ интересуесть, сколько у монастыря было земли, какъ ею онъ владѣлъ и управлялъ,

какія были юридическое состояніе и экономическое положеніе крестьянъ, воздѣлывавшихъ землю, какъ называлось то или другое въ сельскомъ быту и пр. и пр. Въ Великой хартіи вы дорожите ея официальнымъ характеромъ, въ Полиптикѣ полнотою свѣдѣній, но и первую, и второй вамъ могли бы замѣнить другія свидѣтельства. Положимъ, далѣе, вы читаете Политику Аристотеля: процессъ мысли и послѣдовательность актовъ рѣчи и здѣсь не главное, какъ, положимъ, въ Божественной Комедіи: вы хотите знать, какія государственныя формы существовали въ Греціи, что думалъ Аристотель о рабствѣ, какъ классифицировалъ онъ государства и т. п. Еще примѣры. Когда вы имѣете передъ собою письма, которыми обмѣнялись папа Григорій VII и Генрихъ IV нѣмецкій, вы имѣете самые сохранившіеся факты, но каждый изъ нихъ для васъ только отдѣльный моментъ въ длинной борьбѣ между этими двумя лицами, о которой вы знаете главнымъ образомъ изъ рассказовъ современниковъ. Рѣчи Цицерона противъ Катилины также только сохранившійся моментъ изъ исторіи заговора Катилины, но на каждую изъ нихъ вы смотрите и съ иной точки зрѣнія, съ бѣльшимъ интересомъ слѣдите за теченіемъ мысли и формой изложенія, чѣмъ въ письмахъ Григорія VII и Генриха IV: къ послѣднимъ вы все таки относитесь болѣе какъ къ историческимъ источникамъ, къ первымъ, какъ къ фактамъ интереснымъ помимо той роли, которую они должны были выполнить. Передъ вами еще какой-либо діалогъ Платона и трактатъ Спинозы: оба васъ интересуютъ, какъ источники для того, чтобы узнать философію того и другаго мыслителя, но для васъ платоновскій діалогъ имѣетъ еще значеніе по живости и непосредственности мысли, по художественной стройности въ послѣдовательности изложенія, по изяществу отдѣльных актовъ рѣчи. Словомъ, между письменными памятниками есть произведенія, въ которыхъ васъ интересуетъ самый процессъ мысли, сама послѣдовательность актовъ рѣчи, и есть такія, на которыя вы смотрите

лишь съ точки зрѣнія отношенія ихъ къ другимъ фактамъ, въ нихъ упоминаемымъ, или дополнительныхъ свидѣтельствъ съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ извѣстнымъ идеямъ, въ нихъ заключающимся, ими излагаемымъ. Есть цѣлая градація ступеней между этими двумя категоріями по убывающей интересности самаго произведенія, какъ закрѣпленія извѣстнаго процесса мысли, извѣстной послѣдовательности актовъ рѣчи при помощи письма, или по возрастающей интересности произведенія, какъ указанія на другіе факты или дополненія къ нимъ. Именно произведенія поэзіи въ этомъ ряду занимаютъ верхнюю ступень, какъ ничто другое, возбуждая къ самимъ себѣ чистый интересъ, и именно дѣловыя бумаги стоятъ на самой низшей ступени, будучи главнымъ образомъ только свидѣтельствами о другихъ фактахъ, неспособными возбудить чистаго интереса къ запечатлѣвшемуся въ нихъ процессу мысли и послѣдовательности актовъ рѣчи. Между этими двумя крайними ступенями и располагаются всѣ письменные памятники.

Въ общемъ можно однако принять за правило, что только памятники, интересные для историка духовныхъ сторонъ жизни, имѣютъ характеръ самостоятельныхъ, а не служебныхъ, какъ Magna charta или Политикъ Ирминона, произведеній, въ которыхъ авторы желали не просто записать факты для какихъ бы то ни было цѣлей или извѣстныя правила, какъ нужно поступать въ такихъ-то и такихъ-то практическихъ случаяхъ вашей жизни и т. п., а именно представить свою идею, изложить свою мысль: я говорю о произведеніяхъ литературы въ широкомъ смыслѣ, о литературѣ религіозной, философской, научной, поэтической, публицистической или критической. Сумма Θомы Аквинскаго, Міръ, какъ воля и представленіе Шопенгауера, О происхожденіи видовъ Дарвина, Гамлетъ Шекспира, рѣчь Руссо о наукахъ и искусствахъ, Темное царство Добролюбова,—все это сохранившіеся процессы мысли и комплексы актовъ рѣчи, и въ этомъ отношеніи историкъ богословія, философіи, науки такъ-

же пользуется своими памятниками, какъ и историкъ литературы въ тѣсномъ смыслѣ. Но все-таки въ произведеніи богословскомъ, философскомъ и научномъ васъ не такъ интересуесть данный, конкретный процессъ мысли и комплексъ актовъ рѣчи, сколько кругъ идей и знаній автора вообще, его богословскіе тезисы, философскія гипотезы, научныя открытія, его методы разсужденія и изслѣдованія, приемы доказательства, — словомъ, сколько состоянія и приемы его мысли, которые въ данномъ произведеніи нашли свое выраженіе; съ этими произведеніями критикъ приходится обращаться нѣсколько иначе, чѣмъ съ произведеніями литературными, она мало касается психологіи того именно частнаго процесса мысли, того комплекса словъ, который мы наблюдаемъ только въ этомъ произведеніи, въ немъ самомъ именно. Кругъ идей и идеаловъ автора, его темы и сюжеты, его приемы и формы, какъ указанія на общія состоянія и обычные процессы мысли, интересуютъ насъ и въ чисто литературномъ произведеніи, но тутъ особый интересъ получаетъ именно частный процессъ мысли, единичный комплексъ актовъ рѣчи, который непосредственно данъ только въ этомъ, а не иномъ произведеніи. Вы можете изложить содержаніе Критики чистаго разума и Божественной Комедіи, въ изложеніи вы разрушите цѣльность той и другой, которая сохраняется только при чтеніи самаго трактата и самой поэмы, но это разрушеніе будетъ болѣе губительно для поэтическаго, чѣмъ для философскаго произведенія. Въ одномъ случаѣ васъ интересуютъ идеи Канта, его аргументація, доказывающая эти идеи, а это передается легче и даже въ передачѣ дѣлается иногда понятнѣе и яснѣе, но отнять черту у поэтическаго образа, свести сюжетъ къ голому остоу, опустить мѣткое выраженіе, не сохранить дѣйствующую на душу гармонию рѣчи — значитъ дать лишь самое слабое понятіе о поэтическомъ произведеніи. Я допускаю знакомство съ устройствомъ машины по чертежу или схематическому изображенію, но чтобы познаться съ статуей, нужно видѣть ее

самоё или, по крайней мѣрѣ, ея хорошую копию. Значить, и въ области произведеній письменности, имѣющихъ значеніе сохранившихся фактовъ,—разумѣя подъ фактомъ извѣстный процессъ мысли и комплексъ послѣдовательныхъ актовъ рѣчи,—необходимо дѣлать различіе между этими произведеніями. Въ богословскомъ трактатѣ, философскомъ разсужденіи, научномъ сочиненіи содержаніе не такъ слито съ формой, какъ въ поэмѣ или драмѣ, въ романѣ или памфлетѣ. Вы не разрушите ничего важнаго въ Критикѣ чистаго разума, когда изложите въ своемъ порядкѣ, своими словами основныя идеи Канта, но попробуйте переложить въ прозу пушкинское Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ, выкинуть опредѣленія шумныхъ улицъ, многолюднаго храма, безумныхъ юношей и т. п., сократить перечисленіе мѣстъ находенія и дѣйствій поэта въ прозаическое «гдѣ бы я ни былъ, что бы я ни дѣлалъ» и т. д.,—какая жалкая и сухая вещь выйдетъ изъ прелестнаго стихотворенія! Поэтому и перевести поэтическое произведеніе труднѣе, чѣмъ отвлеченный трактатъ, и судить по переводу объ оригиналѣ лирическаго стихотворенія, романа или драмы труднѣе, чѣмъ судить по переводу о богословской, философской или ученой книгѣ: въ послѣднемъ случаѣ переводъ можетъ замѣнить подлинникъ. Вы еще лучше поймете разницу, если вспомните, какъ мы сохраняемъ въ своей памяти простую мысль или мысль, выраженную въ мѣткой фразѣ: то же бываетъ и тутъ. Въ богословскомъ, философскомъ, научномъ произведеніи васъ интересуетъ, пожалуй, и индивидуальный процессъ мысли, сохранившійся и воспроизводящійся при чтеніи въ этомъ произведеніи, а на данную послѣдовательность актовъ рѣчи вы смотрите лишь, какъ на средство выраженія мысли, не имѣющее самостоятельнаго значенія: замѣните одинъ языкъ другимъ, передайте то же самое въ иномъ порядкѣ, иными словами,—главное сохранится. Иное дѣло—поэтическое произведеніе: въ немъ важно точное сохраненіе не только ряда психическихъ актовъ, выраженныхъ въ словѣ, но и самихъ

актовъ рѣчи. Тамъ скорѣе у васъ произведеніе мысли, здѣсь произведеніе слова; тамъ вы слѣдите за тѣмъ, что происходитъ въ мышленіи, здѣсь и за тѣмъ, что слышитъ ваше ухо. Мало того: и самыя психическія акты различны, — тамъ отвлеченныя понятія, абстрактныя формулы, діалектика разсужденія, здѣсь образы, картины, живое чувство, впечатлѣніе, и всякое легкое измѣненіе въ словѣ дѣлаетъ образъ менѣе рельефнымъ. Отнимаетъ у картины ея краски, лишаетъ силы выраженіе чувства, обезцвѣчиваетъ впечатлѣніе. Возьмите теиерь все вмѣстѣ: одинъ мозговой процессъ и процессъ, въ которомъ участвуютъ всѣ фибры существа; послѣдовательность однихъ психическихъ актовъ, выраженныхъ въ словѣ, и послѣдовательность психическихъ актовъ, сопровождаемая послѣдовательностью актовъ рѣчи, изъ коихъ каждый самъ по себѣ приковываетъ наше вниманіе, — и вы рѣшите вопросъ, какія именно произведенія имѣютъ болѣе всего права на самостоятельное значеніе, какъ индивидуальныхъ фактовъ, сохранившихся для насъ при помощи письма, не теряя, конечно, и служебнаго значенія, какъ свидѣтельствъ о другихъ фактахъ, которые мы можемъ знать при ихъ помощи.

Вотъ въ этомъ-то и заключается особенность исторіи литературы въ сравненіи съ общей исторіей. Предметъ общаго историка, — вся прошлая реальная жизнь, — не существуетъ болѣе, и изслѣдователь ищетъ свидѣтельствъ объ этой жизни; предметъ историка литературы — совокупность произведеній, которыя живутъ доселѣ или могутъ оживать, и онъ ищетъ не свидѣтельствъ объ этихъ произведеніяхъ, а самыя произведенія эти.

Ближе всего въ этомъ отношеніи, конечно, задача историка литературы къ задачѣ историка философіи или науки. Мы видѣли однако разницу. Есть и другія, и одну изъ нихъ я только намѣчу, потому что иначе я вышелъ бы изъ своего предмета. У васъ тутъ особая мѣрка: одну и ту же идею вы цѣните различно, какъ

философскую или научную истину, и какъ поэтической образъ. Какъ нелѣпа съ точки зрѣнія нашего міровоззрѣнія и знаній вся древняя мифологія, а между тѣмъ вы забываете нелѣпость сиренъ, какъ только съ ними приходится имѣть дѣло Одиссею. А такихъ пунктовъ различія можно было бы найти немало.

V.

Вы видѣли, что можно, какъ я, по крайней мѣрѣ, полагаю, опредѣлить такъ общую исторію и исторію литературы: первая ставитъ своимъ предметомъ самую жизнь общества со всѣми совершающимися въ ней дѣятельностями (съ литературной въ томъ числѣ), вторая — именно литературную дѣятельность. Но что такое сама эта дѣятельность, какъ не рядъ актовъ, сложныхъ актовъ рѣчи, (при помощи пера, а не языка, положимъ, большею частью) сопровождающихъ единичные процессы мысли, индивидуальные акты творчества? Вы видѣли сейчасъ, въ какомъ смыслѣ каждое литературное произведеніе можно разсматривать, какъ не только остатокъ дѣятельности, но самую дѣятельность мысли и рѣчи: только мысль и рѣчь здѣсь закрѣплены въ томъ видѣ, какъ онѣ слагались въ умѣ и подъ перомъ писателя, и могутъ возобновляться въ чтеніи или слушаніи.

Разсматривая произведеніе, какъ отдѣльный сложный актъ или какъ результатъ сложнаго акта, мы должны помнить, что никакой актъ нашей дѣятельности, ни одинъ историческій фактъ не есть нѣчто существующее *an und für sich* внѣ общей цѣпи причинъ и слѣдствій, внѣ всякой обстановки условій и обстоятельствъ. Историкъ литературы долженъ вдвинуть изучаемыя имъ произведенія на занимаемыя ими мѣста, найти для изучаемыхъ имъ фактовъ причины, слѣдствія и условія. Здѣсь онъ выходитъ изъ чисто литературной сферы. Дѣло въ томъ, что причина литературнаго произведенія, его слѣдствіе, его условія не другія лите-

ратурныя произведенія, каковы бы ни были вліянія однихъ на другія: они все-таки—словесныя выраженія психическихъ актовъ, а каждый изъ нихъ, этихъ актовъ, и каждое выраженіе того, что дѣлается въ душѣ, само собой не происходитъ, имѣетъ причины, условія и слѣдствія въ жизни того, кто мыслитъ или чувствуетъ и выражаетъ въ словѣ свою мысль и свое чувство, а поскольку жизнь единицы зависитъ отъ жизни общества и на нее вліяетъ, то и во всей общественной жизни. Французскія *chansons de geste* возникли не прямо изъ кантиленъ о герояхъ эпохи сѣдобородаго Карла: въ жизни труверовъ, всего французскаго общества были причины, вызвавшія тѣ психическіе акты и акты рѣчи, которые мы называемъ *chansons de geste*, и существованіе этихъ *chansons* не могло пройти безслѣдно, поскольку каждый фактъ имѣетъ какой-либо результатъ. Вотъ почему историкъ литературы долженъ изучать свой предметъ въ связи съ исторіей всей общественной жизни.

Конечно, въ жизни есть сферы явленій болѣе близкихъ къ литературѣ и болѣе отдаленныхъ отъ нея; конечно, акты творчества дѣлаются то самостоятельныѣ, то болѣе зависимыми отъ традицій подъ вліяніемъ разныхъ причинъ и условій, лежащихъ въ жизни общества; въ этомъ, надѣюсь, никто не сомнѣвается, и я даже поставилъ рядъ общеисторическихъ вопросовъ, которые возникаютъ при изученіи развитія литературы *).

Теперь возьмемъ отдѣльныя произведенія, эти исходные пункты всей работы, которые для историка литературы имѣютъ значеніе главныхъ фактовъ, и постараемся въ общихъ чертахъ опредѣлить способъ находенія подобающаго имъ мѣста въ цѣломъ.

Это цѣлое, во-первыхъ, литература: здѣсь важно примѣненіе къ изученію сравнительнаго приема въ самомъ широкомъ смыслѣ. Изучая отдѣльное произведеніе, вы сравниваете его съ другими, чтобы найти черты сходства и различія между ними въ самыхъ разнообраз-

*) См. главу I, § VШ.

ныхъ отношеніяхъ. Вы находите, положимъ, въ произведеніи тему или сюжетъ, идею или образъ, приѣмъ или стихъ, которые прежде не встрѣчались, а потомъ стали попадаться часто, или которые существовали раньше, но тутъ появились въ новомъ видѣ; вы обнаруживаете вліяніе однихъ произведеній на другія, продолженіе однимъ того, что уже было достигнуто болѣе ранними, заимствованія, подражанія или оригинальныя черты, начала новыхъ рядовъ фактовъ, своеобразныя особенности въ разработкѣ традиціоннаго, отсутствіе всякаго подражанія; вы указываете на то, что въ Фаустѣ Гёте легендарный чернокожничекъ получаетъ новое значеніе и что гоголевскій Плюшкинъ—весьма оригинальный представитель типа скупцовъ, встрѣчающихся въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ, и пр. и пр. Вы ищете потомъ причины фактовъ, обнаруженныхъ сравнительнымъ изученіемъ литературныхъ произведеній. Для этого вы обращаетесь къ жизни, которая ихъ породила.

Вы сравниваете сначала произведенія одного и того же автора, разсматриваете отдѣльный актъ въ связи со всей его литературной дѣятельностью и на основаніи такого сравненія дѣлаете характеристику литературной фізіономіи автора. Но вѣдь эта фізіономія только результатъ прирожденнаго склада ума и характера, прирожденной впечатлительности и эстетической способности, привитыхъ воспитаніемъ идей, привычекъ, приѣмовъ мысли, интересовъ, положенія въ обществѣ, обстоятельствъ жизни избраннаго вами автора: его литературная фізіономія будетъ объяснена только тогда, когда вы изслѣдуете психологію вашего писателя, какъ она проявлялась не въ одной литературѣ, причины и условія его литературной дѣятельности въ его біографіи,—и на основаніи его произведеній, какъ свидѣтельствъ, и другихъ источниковъ воссоздадите человѣка, какъ это дѣлаетъ общій историкъ, давая характеристику того или другого дѣятеля въ сферѣ политики, религіи и т. п., хотя бы этотъ дѣятель самъ не оставилъ намъ ничего для своей характеристики. Но разъ вы говорите—біографія, являет-

ся вопросъ о той средѣ, въ которой жилъ и дѣйствовалъ авторъ, которая опредѣляла его внѣшнюю судьбу, воспитывала его характеръ, побуждала его къ дѣятельности, отражалась въ его произведеніяхъ, о той жизни, въ которой онъ принималъ участіе, которая двигалась и подъ вліяніемъ его произведеній, и пр. и пр.

Поэтому вы сравниваете далѣе произведенія разныхъ авторовъ одной эпохи—романы Достоевскаго, Тургенева, гр. Толстаго, Гончарова, Писемскаго, комедіи Островскаго, сатиры Щедрина: вы найдете нѣчто общее въ этихъ романахъ, комедіяхъ, сатирахъ, нѣчто отличающее ихъ, напр., отъ литературы временъ Карамзина и Жуковскаго или болѣе ранней Ломоносова, Сумарокова и Державина. Каждый вѣкъ имѣетъ свою литературную физіономію, которая будетъ намъ вполне понятна только тогда, когда вы при помощи литературныхъ произведеній, какъ свидѣтельствъ, и иныхъ источниковъ, постигните общую физіономію эпохи, какъ она проявлялась и въ другихъ сферахъ жизни, и общія условія, отъ которыхъ зависѣли воспитаніе, положеніе въ обществѣ, личная судьба, творчество писателей.

Вы сравниваете наконецъ произведенія разныхъ эпохъ, но одного и того же народа: нѣчто общее вы и тутъ найдете, что позволить вамъ, напр., говорить о различіи между литературой греческой и римской, не смотря на всѣ вліянія, которымъ подвергалась вторая со стороны первой. Цѣлые народы имѣютъ свои литературныя физіономіи, но онѣ уясняются вамъ только при помощи характеристики того или другаго народа на основаніи литературныхъ произведеній, какъ свидѣтельствъ, и на основаніи другихъ данныхъ,—при помощи характеристики всей жизненной обстановки народа, его учреждений, религіозныхъ вѣрованій, его философіи и науки, его искусства, его нравовъ и обычаевъ, всей его жизненной дѣятельности, всѣхъ его судьбъ.

Такъ изученіе литературныхъ памятниковъ выводитъ васъ на болѣе широкую арену жизни писателя, жизни отдѣльной эпохи, жизни цѣлаго народа.

Вглядитесь теперь въ подробности этой сложной работы. Исходнымъ пунктомъ были литературныя произведенія: вы изучаете ихъ, какъ ваши главные и основные факты, вы обобщаете эти факты и получаете литературную физиономію писателя, эпохи или народа, а такъ какъ ничто не остается неизмѣннымъ и все развивается, то вы слѣдите за эволюціей литературной физиономіи автора, вѣка или цѣлаго общества на протяженіи всего ихъ существованія. Вотъ специальная задача историка литературы. Затѣмъ вы ищете характеристику жизни писателя, эпохи, народа при помощи литературныхъ произведеній и другихъ свидѣтельствъ, но здѣсь произведенія перестаютъ быть самостоятельными, главными фактами или свидѣтельствами о литературной физиономіи писателя, эпохи и народа: они получаютъ служебное значеніе историческихъ свидѣтельствъ вообще на ряду съ другими источниками и для того, чтобы узнать нѣчто не о литературѣ, а о жизни. Это уже задача общей исторіи, предметъ которой — сама жизнь, и которая видитъ въ литературныхъ произведеніяхъ только извѣстную категорію свидѣтельствъ объ этой жизни.

Историкъ литературы занимается исторіей всей жизни, только какъ общимъ фономъ своей картины: у него жизнь должна объяснять литературу, а не жизнь объясняться и воспроизводиться при помощи литературы. Этотъ историкъ обращается къ своимъ памятникамъ, какъ къ имѣющимъ самостоятельный интересъ, а не потому, что при ихъ помощи особенно рельефно познается духовная физиономія человѣка, эпохи или народа; онъ интересуется этой физиономіей не ради ея самой или, по крайней мѣрѣ, не исключительно ради ея самой, но и какъ средствомъ объяснить литературное произведеніе, литературную дѣятельность писателя, литературную физиономію эпохи, литературную эволюцію у народа; послѣднія — центръ, около котораго группируется изображеніе всей жизни, а не свѣточъ, который, освѣщая картину жизни, можетъ самъ быть для

насъ закрытымъ абажуромъ. Историкъ литературы долженъ помнить, что его предметъ главнымъ образомъ литература и среда, въ которой она существуетъ,—именно какъ ея среда,—а не вообще все, что можно узнать при помощи литературныхъ произведеній; онъ пользуется ими, какъ свидѣтельствами о жизни, но вовсе не для того, чтобы остановиться на этомъ, но чтобы возвратиться къ литературѣ, на которую жизнь эта вліяла и въ которой она отражалась, которая играла ту или другую роль въ жизни и такъ или иначе переплеталась съ другими ея сферами.

Нельзя назвать историко-литературной книгой такую, въ которой представлена общая характеристика духовной жизни въ извѣстную эпоху, хотя бы и на основаніи исключительно литературныхъ произведеній: это будетъ скорѣе литературная исторія,—какъ есть документальная исторія, на основаніи архивнаго матеріала, мемуаровъ, монументовъ и т. п.,—а не исторія самой литературы. Есть сферы жизни, для которыхъ возможна литературная исторія, и есть такія, для которыхъ она немислима, что опредѣляется близостью или отдаленностью литературы и этихъ сферъ. Вы можете составить литературную исторію политической жизни, когда у васъ есть подъ руками масса памфлетовъ, когда поэзія касается политическихъ вопросовъ, когда литературные лагери критиковъ совпадаютъ съ политическими партіями и т. п. Вы можете такъ же написать литературную исторію религіи или морали, но литературная исторія сельскаго хозяйства или торговли немислима, если только рѣчь не идетъ о спеціальныхъ трактатахъ, важныхъ для земледѣльческихъ школъ и коммерческихъ училищъ.

Мнѣ кажется, что Тэнъ въ своей *Histoire de la littérature anglaise*,—которой русскій переводчикъ не безъ нѣкотораго основанія далъ длинное заглавіе—Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи въ связи съ разви-

тіемъ литературы *),—дѣлая общее введеніе о задачѣ своей книги, слишкомъ много подвинулся въ сторону литературной исторіи жизни, хотя въ другихъ отношеніяхъ его книга—образецъ настоящей исторіи литературы.

Тэнъ прямо начинаетъ свою книгу съ заявленія, что «изученіе литературъ совершенно преобразило исторію»: чистый историкъ литературы началъ бы съ заявленія, что «историческій методъ совершенно преобразилъ изученіе литературъ». Это двѣ вещи разныя: одно дѣло пользоваться литературными произведеніями для цѣлей общей исторіи, другое—примѣнять историческій методъ къ изученію литературныхъ произведеній. Въ развитіи науки нужно различать здѣсь два процесса: 1) историки стали все болѣе и болѣе обращаться къ литературѣ, 2) изслѣдователи литературы—все болѣе и болѣе проникаться духомъ и методомъ историческаго изученія. Тэнъ именно указываетъ на значеніе литературныхъ произведеній, какъ свидѣтельствъ: каждое такое произведеніе есть «вѣрный снимокъ окружающихъ нравовъ и признакъ извѣстнаго состоянія ума; помощью литературныхъ памятниковъ можно воскресить мысленное и чувственное міровоззрѣніе, какимъ руководились люди, жившіе нѣсколько столѣтій назадъ, а міровоззрѣнія-то эти именно и составляютъ факты первой важности». Такимъ образомъ Тэнъ прямо ставитъ задачу исторіи міровоззрѣній: факты для него именно они, литературныя произведенія только средства узнать эти факты.

*) Спб. 1871. Въ предисловіи переводчики объясняютъ, почему они перемѣнили заглавіе, но тамъ, вмѣсто «свободы», стоитъ—«жизни» (т. I, стр. VI). Не оправдывая вообще произвольной подмѣны одного заглавія другимъ, если бы намъ пришлось измѣнить названіе книги въ данномъ случаѣ, то мы скорѣе сказали бы—Литературная исторія духовнаго и общественнаго развитія Англій. Французы различаютъ между *histoire littéraire* и *histoire de littérature* въ смыслѣ довольно близкомъ къ нашему.

Онъ развиваетъ свою основную мысль въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1°. «Историческіе документы—не болѣе, какъ указатели, при помощи которыхъ надобно возсоздать видимую личность».

2°. «Человѣкъ тѣлесный и видимый служить только указаніемъ, посредствомъ котораго должно изучать человѣка невидимаго и внутренняго».

3°. «Состояніе и дѣйствіе внутренняго и невидимаго человѣка кроются въ извѣстныхъ общихъ приемахъ размышленія и чувства».

Тэнъ видитъ въ религіи, философскихъ системахъ, поэзіи, промышленности, общественныхъ и семейныхъ формахъ «не болѣе какъ отпечатки, оставленные давленіемъ» общихъ приемовъ размышленія и чувства. На первый планъ онъ выдвигаетъ нравственное состояніе, поражающее «какую-нибудь литературу, философію, общество, искусство или отрасль искусства», и сводитъ задачу исторіи на психологію. Все это касается общей исторіи (насколько вѣрно и не односторонне, другой вопросъ), а не исторіи литературы. Авторъ *Histoire de la littérature anglaise* хочетъ дать понятъ, «что можно извлечь изъ литературнаго документа»,— и это «изъ документа» хорошо характеризуетъ точку зрѣнія Тэна: «когда документъ богатъ, и когда умѣешь объяснить его, то найдешь въ немъ не только психологію души, но и психологію вѣка, иногда психологію расы». Ставя общей исторіи задачу существенно психологическую, Тэнъ поясняетъ, почему для него литературные документы самые важные: «въ этомъ отношеніи, говоритъ онъ, великая поэма, хорошій романъ, исповѣдь замѣчательнаго человѣка гораздо поучительнѣе цѣлой груды историковъ и исторій. Я отдамъ, продолжаетъ онъ, пятьдесятъ томовъ хартій и сто томовъ дипломатическихъ документовъ за мемуары Челлини, посланія Ап. Павла, за застольныя бесѣды Лютера или за комедіи Аристофана.... Чѣмъ осязательнѣе выражаетъ книга чувства,

тѣмъ она литературнѣе», а чѣмъ литературнѣе, тѣмъ представляетъ изъ себя лучшій документъ для психологической исторіи: «вотъ почему, прибавляетъ Тэнъ, между документами, которые объясняютъ намъ чувства предшествовавшихъ поколѣній, литература занимаетъ самое важное мѣсто; отсюда ясно, что написать нравственную исторію и идти къ познанію психологическихъ законовъ, управляющихъ событіями, можно главнымъ образомъ посредствомъ изученія литературы».

Не разбирая односторонности тэновскаго сведенія задачи общей исторіи на одни психологическіе вопросы *), не указывая на то, въ чемъ можно, по моему мнѣнію, согласиться съ Тэномъ въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній, какъ «документовъ» для познанія нравственной исторіи, я имѣю въ виду здѣсь только взглядъ на литературныя произведенія, какъ на «документы»,—взглядъ не историка литературы, а либо общаго историка, либо историка внутренней, духовной, нравственной жизни общества. Такая исторія можетъ быть литературной, т. е. написанной на основаніи литературныхъ произведеній; такая исторія должна составлять ближайшій фонъ изображенія самой литературной эволюціи,—но это уже не сама исторія литературы, а нѣчто большее, если она не служитъ только ближайшимъ фономъ разсмотрѣнія самой литературы. Между тѣмъ весьма часто при опредѣленіи исторіи литературы указывается именно на фонъ, на духовную жизнь, на состояніе ума и чувства, на идеи и идеалы общества, а не на самую вещь, которая должна быть изображена на этомъ фонѣ. «Исторія литературы въ широкомъ смыслѣ этого слова, говоритъ проф. Веселовскій,—это исторія общественной мысли, насколько она выразилась въ движеніи философскомъ, религіозномъ и поэтическомъ

*) Съ этой стороны взгляды Тэна были разсмотрѣны мною въ Основныхъ вопросахъ философіи исторіи.

и закрѣплена словомъ». Исторія мысли только фонъ исторіи литературы; мысль, дѣлающаяся достояніемъ литературы, выражается не въ одномъ философскомъ, религиозномъ и поэтическомъ движеніи, но и въ движеніяхъ политическомъ, социальномъ, научномъ, моральномъ, критическомъ и т. п.: закрѣпленіе мысли словомъ въ государственной грамотѣ, въ кодексѣ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, въ богослужебномъ требникѣ, въ схоластическомъ трактатѣ, въ спеціально-научной диссертациі, въ программѣ кандидата въ члены парламента, въ школьномъ учебникѣ—еще не есть литературное произведеніе.

Исторія литературы есть изображеніе спеціально-литературной эволюціи, хотя и на фонѣ развитія мысли, которую выражаютъ и отъ которой ближайшимъ образомъ зависятъ литературныя произведенія.

VI.

Обращеніе историковъ къ литературнымъ произведеніямъ, какъ къ документамъ, свидѣтельствующимъ объ общественной мысли и настроеніи, и обращеніе изслѣдователей литературы къ историческому методу при изученіи этихъ произведеній,—тѣсная связь литературныхъ памятниковъ съ религиозными, философскими, моральными, политическими, социальными и научными міровоззрѣніями и идеями,—указанная мною замѣна одного предмета другимъ въ опредѣленіи задачи исторіи литературы,—все это свидѣлствуетъ о томъ, какъ трудно на практикѣ установить прочную границу между исторіей духовной жизни и исторіей литературы: между ними масса промежуточныхъ звеньевъ, и только по преобладанію того или другаго элемента мы относимъ историко-литературную книгу къ разряду исторій литературы или исторій духовной культуры, хотя при очень сильномъ преобладаніи или чисто литературнаго элемента, или элемента, такъ сказать, социально-психологическаго мы пе-

рестаемъ колебаться. Нѣкоторые частные отдѣлы исторіи литературы, — я говорю о публицистикѣ и критикѣ, о литературной полемикѣ съ релігіознымъ, философскимъ, моральнымъ, политическимъ, соціальнымъ и чисто литературнымъ содержаніемъ, — входятъ какъ-бы одновременно и въ исторію словесности, и въ общую исторію мысли и умственныхъ движеній, сопровождающихъ духовное и соціальное развитіе народа. Въ произведеніяхъ публицистики и критики разныя идеи, разные фазисы духовнаго движенія, которые отмѣчаются поэтической эволюціей въ поэмахъ, драмахъ, романахъ, сатирахъ и т. п., уже не такъ срастаются съ самыми произведеніями, какъ въ поэзиі, и эти произведенія могутъ считаться фактами, не столь исключительно принадлежащими исторіи литературы, — особенно именно публицистическія произведенія и менѣе тѣ, въ которыхъ мы находимъ литературныя теоріи и идеи и критическіе взгляды на произведенія словесности.

Нужно было бы быть узкимъ доктринеромъ и педантичнымъ формалистомъ, чтобы отдѣленіе исторіи литературы отъ литературной исторіи духовной жизни, установленное въ теоріи для бѣльшей опредѣленности основной задачи исторіи литературы, проводить на практикѣ со всею строгостью и прямолинейностью идеологии. Притомъ это и невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, если исторія литературы должна быть изображеніемъ литературной эволюціи, то стоитъ вспомнить, что ни одна частная эволюція не совершается отдѣльно отъ другихъ, а находится съ ними во взаимодействіи. Литература ближайшимъ образомъ находится въ прямомъ взаимодействіи какъ-разъ съ духовной стороной общественной жизни: въ литературныхъ памятникахъ мы видимъ отраженіе души писателя, вѣка и народа; въ уясненіи, распространеніи, развитіи идей, въ работѣ жизни, вліяющей на духовное содержаніе жизни, принимаетъ участіе и литература. Черезъ эту духовную среду, черезъ отраженіе въ сознаніи и чувствѣ, черезъ работу мысли надъ всѣми доступными ей явленіями

влияютъ на литературу остальныхъ сферы жизни, политическія и общественныя отношенія, и, только повліявъ на умъ и чувство человѣка, литературное произведеніе можетъ играть общественную роль, отразиться на политическихъ и общественныхъ отношеніяхъ, будетъ ли оно называться *Contrat social* Руссо или Записками охотника Тургенева. Первая задача историка литературы изображать литературную эволюцію въ связи и во взаимодействіи съ эволюціей духовной жизни, съ эволюціей идей религіозныхъ, философскихъ, научныхъ, моральныхъ, социальныхъ и политическихъ, помня однако, что основною нитью изображенія должна быть именно первая эволюція и что только ради ея слѣдуетъ привлечь къ дѣлу другую, или вѣрнѣе другія, насколько религія, философія и наука, моральныя, социальныя и политическія доктрины и идеи имѣютъ свои послѣдовательности развитія.

Я поставлю теперь новый вопросъ. Къ религіи, философіи и наукѣ я прибавилъ еще идеи моральныя, политическія и социальныя, которыя вы найдете, такъ сказать, разсѣянными всюду, какъ не имѣющія спеціальнаго органа: ихъ вы найдете и въ религіи, философіи и наукѣ, гдѣ онѣ получаютъ спеціальную догматическую или критическую обработку,—и въ поэзи, публицистикѣ и критикѣ, гдѣ проявляется ихъ общій смыслъ,—и наконецъ въ основѣ человѣческихъ дѣятельностей и отношеній, въ основѣ самыхъ социальныхъ формъ. Каждая политическая, социальная, моральная идея есть не что иное, какъ формула принциповъ даннаго общества или того общественнаго состоянія, которое вырабатывается изъ прежняго, и чтобы понять значеніе той или другой изъ этихъ идей историкамъ духовной жизни, умственнаго движенія и литературы естественно и необходимо переходить изъ сферы процессовъ мысли и чувства, идей и настроеній общества въ сферу его жизненныхъ отношеній и социальныхъ формъ. Литература, какъ органъ выраженія политическихъ, социальныхъ и моральныхъ идей, отражаетъ на себѣ государ-

ственную, правовую и общественную жизнь народа и сама на нее вліяетъ, будучи органомъ, въ которомъ общественныя идеи получаютъ общедоступную форму, а потому и способность особенно сильно дѣйствовать на человѣка и распространяться въ болѣе обширныхъ кругахъ членовъ общества. Чрезъ духовную среду идей, поражаемыхъ отношеніями и формами соціальной жизни и вліяющихъ на измѣненіе этихъ отношеній и эволюцію этихъ формъ, литература вступаетъ во взаимодѣйствіе съ соціальной стороною народнои жизни. Движеніе политической формы, измѣненія въ отношеніяхъ между классами общества, въ политическомъ, юридическомъ, экономическомъ положеніи этихъ классовъ, сопровождаются измѣненіями въ политическихъ, моральныхъ и соціальныхъ идеяхъ и въ литературѣ. Вопросъ можетъ быть тутъ лишь въ томъ, насколько историкъ литературы обязанъ касаться чисто соціальной сферы жизни,—и рѣшеніе здѣсь очень простое: литературная эволюція находится во взаимодѣйствіи и съ этой сферой, а потому взаимодѣйствіе это долженъ имѣть въ виду историкъ литературы, помня однако, что лишь то можетъ привлекать его вниманіе, что имѣетъ отношеніе къ литературѣ, именно вліяніе соціальныхъ отношеній и формъ на содержаніе ея идей, на духъ и характеръ ея произведеній.

Но въ общихъ данныхъ духовной и общественной исторіи народа историкъ литературы ищетъ нѣчто и другое. Пусть литература отражаетъ на себѣ главныя сферы исторической жизни,—психическія и соціальныя,—въ этихъ сферахъ мы имѣемъ и, такъ сказать, виѣшнія условія существованія литературы, вліяющія не на содержаніе, духъ и направленіе ея произведеній, но на самое ея существованіе въ обществѣ, какъ извѣстнаго рода дѣятельности и на общественную роль этой дѣятельности. Связь литературы съ религіей, философіей, наукой и съ структурой общества, основанной на политическихъ, юридическихъ и экономическихъ отношеніяхъ, состоитъ не въ одномъ томъ, что въ произведеніи

яхъ литературы выражаются извѣстныя религіозныя, философскія, научныя, политическія, моральныя и социальныя идеи, интересы людей, занимающихъ въ обществѣ различное мѣсто, но и въ томъ, что вся духовная и социальная среда вліяетъ на развитіе самой дѣятельности. Историкъ литературы не можетъ обойти молчаніемъ вопросъ о внѣшнихъ условіяхъ литературной эволюціи.

Писательскому классу принадлежитъ извѣстное мѣсто въ политической, юридической и экономической организаціи: социальное положеніе писателя бываетъ весьма различно,—политическая форма то благоприятствуетъ его дѣятельности, то ее стѣсняетъ, то лишаетъ его возможности широко вліять на общество, то дѣлаетъ его рабомъ извѣстнаго общественнаго положенія; мѣсто того или другаго сословія въ обществѣ позволяетъ или не позволяетъ выдвинуться изъ него отдѣльнымъ личностямъ и попасть въ писательскій классъ; экономическая состоятельность писателя, его принадлежность къ тому или другому социальному классу или высота литературнаго заработка, вліяетъ на положеніе и роль писателя въ обществѣ. Сравните, напр., вліяніе на литературу свободной аѳинской демократіи и деспотизма римскихъ цезарей, эпохи полной силы феодальнаго порядка и времени развитія городской жизни въ средніе вѣка, или положеніе и роль писателя, покровительствуемаго меценатами, состоятельнаго человѣка, занимающагося литературой, и литератора, могущаго жить своимъ литературнымъ заработкомъ. Сдѣлайте еще одинъ шагъ дальше, ищите въ социальныхъ формахъ, въ правовомъ положеніи членовъ общества, въ экономической его состоятельности причинъ и условій большей или меньшей производительности или успѣшности совершающейся въ обществѣ дѣятельности: когда по общимъ условіямъ быта всѣ заняты войной и управленіемъ, молитвой или аскетическими подвигами, тяжелымъ физическимъ трудомъ и добываніемъ куска хлѣба, когда по условіямъ быта не остается времени для жизни духомъ или жизнь эта сводится къ однимъ благочестивымъ упражненіямъ, когда

большинство не обезпечено въ своихъ правахъ и въ своемъ матеріальномъ существованіи,—можетъ ли идти рѣчь о литературной производительности? Здѣсь же, въ этихъ условіяхъ соціальной организаціи, правового положенія личностей, экономическаго благосостоянія вы ищите причинъ того или другаго состоянія образованности общества, отъ которой зависитъ успѣшность литературной дѣятельности: въ началѣ среднихъ вѣковъ жизнь сложилась такъ, что только одно духовное сословіе получало образованіе, но это было образованіе сословное, доступное немногимъ, и литературная дѣятельность не могла быть успѣшной, писанія клириковъ и монаховъ не находили большаго круга читателей, массы довольствовались пѣснями народныхъ пѣвцовъ, умственный уровень которыхъ не могъ быть высокъ.

Возьмите теперь другія условія,—ихъ тоже не можетъ обойти историкъ литературы: это—господство извѣстныхъ традицій. Каждая традиція связана съ извѣстнымъ строемъ общества, находитъ въ немъ свои корни и свою поддержку. Гдѣ строй общества таковъ, что личность еще не получила значенія, какъ личность, гдѣ она только членъ политической системы, гдѣ ей принадлежать извѣстныя права только по ея мѣсту въ извѣстномъ племени, соціальномъ классѣ, сословіи, гдѣ она лишь носительница идей извѣстнаго цѣлаго, въ которомъ она занимаетъ извѣстное мѣсто, тамъ и въ литературной дѣятельности она подчинена извѣстнымъ традиціямъ, тамъ писательскій классъ состоитъ не изъ самостоятельныхъ личностей, а изъ представителей той или другой общественной системы, того или другаго общественнаго класса. Традиція должна была подавлять оригинальность въ людяхъ, которые и въ другихъ сферахъ жизни играли роль, какъ члены определенной корпораціи, а не какъ личные дѣятели съ самостоятельной мыслью и самостоятельнымъ чувствомъ: гдѣ личность жила и дѣйствовала не какъ личность, а какъ представительница государства или церкви, сословія

феодалныхъ господъ или духовенства, тамъ и въ литературѣ она выражала идеи и воззрѣнія, интересы и вкусы, присущіе членамъ корпораціи, а не свои собственные, индивидуальныя, а такъ именно было въ первой половинѣ средневѣковья, и только въ XIV вѣкѣ рельефно выступаетъ въ Италиі литературная личность, именно въ Италиі, гдѣ ранѣе всего стала разлагаться корпоративность средневѣковой жизни *). Въ клирикѣ или монахѣ, въ феодалѣ и рыцарѣ еще слишкомъ сильно было корпоративное начало.

И этого еще мало. Идеи людей извѣстнаго социальнаго положенія или извѣстнаго образованія отражаются на литературѣ еще съ одной важной стороны: онѣ образуютъ самый взглядъ на литературу. Возьмите для примѣра взглядъ средневѣковаго духовенства: развѣ его традиціи могли быть благопріятны для литературной дѣятельности, когда занятіе поэзіей считалось дѣломъ болѣе или менѣе грѣховнымъ, когда мірскія пѣсни осуждались, какъ дьявольское навожденіе, когда *Виргилія* читали только, какъ подспорье при грамматическомъ изученіи языка и метрики или для богословскихъ цѣлей?

Но я никогда не кончилъ бы, если бы сталъ перечислять всѣ явленія жизни, вліяющія на литературу, всѣ общенсторическіе вопросы, возникающіе при изученіи литературной эволюціи. Въ общемъ можно сказать, что въ исторической жизни нужно искать объясненія и содержанія, и направленія, и духа литературы, и ея роли и значенія въ общественной жизни, или производительности и успѣшности самой литературной дѣятельности. Мною было приведено нѣсколько общихъ вопросовъ исторіи литературы **): тогда я имѣлъ цѣлью показать, что ни одинъ изъ этихъ вопросовъ такъ или иначе не можетъ обойтись безъ того, чтобы не коснуться «творчества» или «традиціи», теперь я намѣренъ по-

*) См. ниже, гл. четвертую, § I

**) См. выше, гл. первую, § VШ.

казать, что каждый изъ нихъ связанъ съ той или другою стороною духовной и общественной жизни.

VI.

Вотъ эти вопросы:

1. Существуетъ ли въ обществѣ особый классъ, занятый литературнымъ творчествомъ? Составъ этого класса, степень его выдѣленія изъ другихъ классовъ, общественныя условія его существованія обусловлены организаціей общества.

2. Какое сословіе (или социальный классъ) наиболее заявляетъ себя въ литературной дѣятельности? Въ общей социальной исторіи нужно искать причинъ, почему наибольшее количество литературныхъ дѣятелей выходитъ то изъ духовенства, то изъ дворянства, то изъ горожанъ и пр. и пр.

3. Въ чемъ заключаются идеи, интересы, традиции дѣятелей литературы? Мы поймемъ это, лишь разсмотрѣвъ исторію духовной и общественной жизни того народа или тѣхъ сословій, откуда выходятъ литературные дѣятели.

4. Какова степень литературной производительности? На нее вліяютъ и политическія отношенія, и правовое положеніе личностей, и матеріальныя условія экономическаго быта, и импульсы, идущіе со стороны жизни, и взглядъ на значеніе литературы, и дѣйствительная роль литературы въ обществѣ, и степень его образованія и т. д.

5. Вопросъ о коллективности и индивидуальности, традиционности и оригинальности, сознательности или бессознательности творчества тѣсно связанъ съ вопросомъ о положеніи личности въ обществѣ, о культурныхъ условіяхъ ея развитія, объ общемъ уровнѣ образованности въ народѣ.

6. Какъ произошла та или другая литературная традиція? Начало каждой традиціи—въ духовной и социальной жизни общества вообще. Литературная традиція Фауста, которой воспользовался Гёте, ведетъ начало изъ вѣка суевѣрія и рассказовъ о чернокнижникахъ, продавшихъ душу черту.

7. Причины утвержденія, измѣненій и т. п. литературной традиціи стоятъ въ связи со степенью ея соотвѣтствія съ идеями, интересами, настроеніями общества.

8. Вопросъ о вліяніи одной традиціи на другую или замѣны одной другою можетъ быть рѣшенъ только при помощи разсмотрѣнія движенія духовной и социальной среды. Почему, напр., классическая традиція XVII и XVIII в. замѣнилась въ началѣ XIX романтической, на это нужно искать объясненія во всемъ общественномъ движеніи переходной эпохи.

Довольно этихъ примѣровъ: ихъ достаточно, чтобы видѣть зависимость литературной эволюціи отъ явленій духовной и социальной жизни, создаваемыхъ другими частными эволюціями, и разъ существуетъ эта зависимость, въ задачу историка литературы входитъ и ея изслѣдованіе. Въ настоящее время это—общее мѣсто, и было бы излишне развивать столь общую мысль: спорить можно только о подробностяхъ ея примѣненія къ самому разсмотрѣнію фактовъ.

Н. Карѣвъ.

(Продолженіе будетъ).

КЪ УЧЕНІЮ О СЛОВЯНСКОМЪ ГЛАГОЛѢ.

(Продолженіе).

ВЫПИСКА ФОРМЪ ОТЪ ГЛАГОЛОВЪ ГРУППЫ А ИЗЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ.

Приведенный нами образецъ спряженія пока остается голословнымъ, безъ доказательствъ. Желая дать ему научную силу и убѣдительность, мы выписываемъ по возможности *) *всѣ* формы, какія встрѣчаются отъ глаголовъ группы А въ глаголитѣ Клоціевой, Саввинной книгѣ и Остромировомъ Евангеліи. Тоже мы дѣлаемъ и для подтвержденія остальныхъ двухъ образцовъ (Б и В). Передъ читателемъ такимъ образомъ развернется обстоятельная картина спряженія стрл. глагола въ самыхъ памятникахъ, — картина, которая позволитъ ему самому сдѣлать свои догадки и рѣшить разные недоумѣнія, которыхъ авторъ предвидѣть всѣхъ конечно не можетъ. **)

Infinitivus ***).

І. БИТИ τὸπτεῖν verberare о. власти ἄρχειν imperare о. БЫТИ γίνεσθαι esse о. с. к. etc. ИТИ ἔρχεσθαι ire о. с. 14. КЛАТИСА ὀμνύειν jurare о. с. 85, 105. ПИТИ

*) Говоримъ «по возможности»; потому что трудно не просмотрѣть нѣкоторыхъ формъ.

**) Уклоненія отъ «образцовъ» будутъ указаны особо въ своемъ мѣстѣ.

***) Сокращенія: — о. = Остромирово Евангеліе, с. = Саввина книга, к. = Клоціева глаголита. Буквы *а, б, в, г*, стоящія позади цифръ Остр. Евангелія, показываютъ столбцы листа (по два столбца на каждой страницѣ). Въ большинствѣ случаевъ мы не отмѣчаемъ страницъ Остр. Ев., потому что эти страницы указаны въ «Словоуказателѣ» Востокова. Только, когда цитата не приведена у Востокова, мы ее указываемъ, или же указываемъ съ цѣлю показать, сколько разъ встрѣчается извѣстный оборотъ или форма.

πίνειν bibere ο. ΠΪΤΗ ἄδειν canere κ. 286. ΡΑΣΤΗ αὐξάνειν crescere ο. ΤΑΪΨΗ χρούειν pulsare ο. ΠΕΨΙΝΣΑ μεριμνᾶν sollicitum esse c. 85.

III. ΒΕΣΪΔΟΒΑΤΗ ὀμιλεῖν colloqui ο. c. 36. ΚΕΨΟΒΑΤΗ πιστεύειν credere ο. ΓΛΑΓΟΒΑΤΗ λεγειν dicere ο. c. 19 κ. 275. ΔΕΒΑΤΗ ἐργάζεσθαι laborare ο. c. 43. ΔΑΡΪΣΤΟΒΑΤΗ χαρίζεσθαι donare κ. 299. ΔΒΑΤΗ πράττειν facere κ. 293. ΗΣΚΑΤΗ ζητεῖν quaerere ο. ΗΕΓΟΔΟΒΑΤΗ ἀγανακτεῖν aegre, ferre ο. c. 68. ΠΙΣΑΤΗ γράφειν scribere ο. ΠΛΑΚΑΤΗΣΑ χλαίειν lacrimare ο. κ. 279. ΠΛΒΑΤΗ πύειν spuere ο. ΡΑΒΟΤΑΤΗ δουλεύειν servire ο. c. 13, 49. ΡΥΔΑΤΗ θρηνεῖν lugere κ. 280. ΣΒΪΤΗΤΗ ἀνατελλειν splendere κ. 294. ΨΕΛΟΚΑΤΗ ἀσπάζεσθαι salutare ο. c. III. ΪΣΤΗ, ΪΣΤΗ ἐσθίειν edere ο. c. 20, 38, 68. κ. 284.

V. ΒΛΑΪΗΤΗ μαχαρίζειν beatum praedicare κ. 280. ΒΑΡΗΤΗ προάγειν praecedere ο. c. 20, 21. ΒΕΣΣΑΝΤΗΣΑ εὐφραίνεσθαι delectari ο. c. 55. ΔΗΚΗΤΗΣΑ θαυμάζειν admirari ο. c. 109. ΖΗΝΗΤΗΣΑ γαμείν uxorem ducere ο. c. 24. ΚΡΪΣΤΗΤΗΣΑ βαπτίζεισθαι baptizari ο. c. 68. ΛΥΟΒΗΤΗ ἀγαπᾶν amare κ. 276. ΜΟΛΗΤΗΣΑ προσεύχεσθαι precari ο. c. 59. κ. 294. ΜΟΥΗΤΗ βρέχειν madefacere ο. ΜΑΪΟΥΗΤΗ βασανίζειν torquere ο. ΠΡΟΤΗΚΗΤΗΣΑ ἀντιλέγειν contradicere ο. c. 126. ΡΟΤΗΤΗΣΑ ἀναθεματίζειν exsecrari ο. c. 89, 105. ΣΛΑΒΗΤΗ δοξάζειν gloriare ο. ΣΛΟΥΪΗΤΗ διακονεῖν servire ο. c. 13. ΣΪΔΗΤΗ judicare κρίνειν κ. 178, 293. ΤΒΟΡΗΤΗ ποιεῖν facere ο. c. 4. κ. 277, 281. ΤΪΪΗΤΗ λυπεῖσθαι affligi ο. c. 85. ΟΥΪΟΥΗΤΗ διδάσκειν docere ο. c. 65. κ. 282. ΧΡΑΝΗΤΗ φυλάττειν custodire κ. 277. ΨΕΛΑΝΤΗ θεραπεύειν sanare ο. c. 38, 48, 117. ΥΪΝΗΤΗ ἀνατάττεσθαι componere ο.

VIII. ΒΪΔΪΤΗ γρηγορεῖν vigilare ο. ΒΪΪΑΤΗ φεύγειν fugere ο. c. 143. ΒΗΔΪΤΗ ὄρᾶν videre ο. c. 45. κ. 296. ΒΪΔΪΤΗ εἰδέναι scire ο. c. 33. κ. 281. ΔΡΪΪΑΤΗ κατέχειν tenere ο. ΗΜΪΤΗ ἔχειν habere κ. 277,—6,—8. ΚΟΝΪΟΥΑΤΗ τελειοῦν finire ο. ΟΒΗΔΪΤΗ ἀδικεῖν injuria afficere κ. 277. ΣΤΟΑΤΗ ἐστάναι stare ο. ΣΛΟΥΪΑΤΗ ἀκούειν audire ο. ΣΛΪΪΑΤΗ (idem) ο. κ. 279, 282.

Passivi: ΗΕΣΕΝΟΥ ΚΪΤΗ ἀπενεχθῆναι ο. c. 35.

Supinum.

БЛАГОВѢСТИТЬ εὐαγγελίζεσθαι laeta nunciatum o. **ВНДѢТЬ** θεωρεῖν visum o. с. 39, 115, 147. **ЗЪКАТЬ** καλεῖν vokatum с. 16, 67. **КРЪСТИТЬСА** βαπτίζεσθαι baptizatum с. 144. **ЛОБЪЗАТЬ** φιλεῖν osculari o. **МЖУНТЬ** βασανίζεи tortum o. с. 16. **НАСТЪ** βόσκειν pastum o. **СЪМАТЬ** σπείρειν sertum o. с. 32.

Imperativus.

I. БЛЮДИ,-СА ὄρα vide, observa o. с. 12, 18, 75. **БЖДИ** ἴσθι, γίνου sis o. с. к. etc. **ГРАДИ** ἀκολούθει o. с. 49. **НДИ** ἔρχου eas o. с. 3, 6, 11. к. etc. **КРАДИ** κλέπτε furare с. 26, 48. **ПИИ** πίνε bibe o. с. 42. **ПЫНСА** μερίμνα sollicitus sis. с. 13. **ПАСИ** βόσχε pasce o. с. 5, 6. **ТЛЪИИ** κροῦе pulsa o. с. 11, 53. **УЪТИ** τίμα cole o. с. 26, 48. **ЪЖДЪ** ἔσθιе ede o. с. 42.

III КЕРОИИ πίστευе crede o. **ГЛАГОИИ** λέγε dic. с. 59. **ДВНЖИ** κίνει move o. с. 34. **ДРЪЗАН** θάρσει aude o. **ДЪИ** πράττε fac. o. с. 102. **НЪИИ** ζήτηи quaere o. с. 5, 17, 53. **ОБЪДОИИ** ἀρίστα prande с. 154. **ПЛАУНСА** κλαῖτε luge o. к. 280. **РАДОУНСА** χαῖρε laetare o. с. 43, 86. к. 297. **РЪПЪИИ** γόγγυζε murmura o. **СЪВЪДЪТЕЛЬСТВОИИ** μαρτύρει testare o.

V. БЛАГОСЛОВИ εὐλόγει benedic o. **БРАНИ** κώλυе impedi o. **ВЕСЕЛНСА** εὐφραίνου delectare o. с. 42, 119. **ДНЕНСА** θαύμαζε mirare o. **МОБИ** ἀγάπα ama o. с. 9, 32. **МОЛНСА** προσεύχου precare o. с. 56. **МНОЖНСА** πληθύνου multiplicare. к. 288, **МЪСТИ** ἐχθίει vindica o. с. 51. **МЖУИ** βασάνιζε torque o. с. 38. **ПОСТНСА** νήστευе ieiuna o. **ПРОСИ** αἰτεи pete o. с. 4. **РАСТНСА** αὐξάνου cresce к. 288. **САТИ** ἀγίαζε sanctifica o. с. **СЛОУЖИ** διακόνει servi o. **СЖДИ** κρίνε judica o. с. 105. **ТВОРИИ** ποίει fac o. с. 48. **ЦЪИИ** θεραπευе sana o. с. 43.

VIII. БОНСА φοβοῦ time o. с. 21, 44. **БЪДИ** γρηγόρει vigila o. с. 78, 79, 56. **БЪЖИ** φεῦγε fuge o. **ВНЖДЪ** ὄра o. к. 295,—6. **ВЪЖДЪ** γίνωσκε intellige o. с. 45. к.

279, 295. **ДРЪЖИ** κράτει tene к. 294. **НМЪИ** ἔχει habe к. 289. **РАЗΟΥМЪИ** μάνανε cognosce к. 283, 289. **МЪИИ(СА)** δόκει videre с. 78. **СЛЫШИИ** ἄκουε audi к. 298, 299. **СЪМОТРИ** καταμάνανε cognosce о. **СЪДИ** καθου sede о.

Passivi: въ всѣхъ трехъ памятникѣхъ не встрѣчается.

Praesens.

I. **БНЪЖ** δέρω percutio о. с. 68, 103. **ВЕДЖ** ἄγω ducio о. с. 6. **ВЛЕЖЖ** ἐλύω traho к. 279. **ВРЪЖЖ** βάλλω jacio о. **ВЪПНЖ** κράζω clamo о. с. 52. к. 286, 294. **ГНЕТЖ** ἀποθλίβω comprimo о. с. 37. **ГРЫЗЖ** δάκνω mordeo с. 44. **ГРАДЖ** ἔρχομαι eo о. с. 1, 7, 74, 79, к. 277, 299. **ЖИВЖ** ζῶ, μένω vivo о. с. 2, 92, в. 299. **ЖЪИЖ** θερίζω demeto о. с. 13, 81. **ЗНАЖ** ἴδω sciō, novi о. с. 19, 62. 89, к. 294. **ИДЖ** ἔρχομαι eo о. с. 5, 14, к. 282. **КРАДЖ** κλέπτω furor о. с. 60. **МОГЖ** δύναμαι possum о. с. 1, 3, 12 к. 289. **МАТЖ** ταράττω tutbo к. 294. **НЕ БРЪЖЖ** ἀμελέω, οὐ μέλει μοι sperno о. с. 8, 120. **ПИЖ** πίνω bibo о. с. 7, 13, 50. **ПРАДЖ** νήθω neo о. с. 13. **ПЕКЖСА** μεριμνῶ sollicitus sum о. с. 13, 14, 27. **РАСТЖ** αὐθάνω cresco о. с. 13. **ПОЖ** ἄδω cano к. 276. **ТЕНЖ** μαστιγῶω verbero о. **УОУЖ** κατανοέω intelligo о. к. 294. **УЪТЖ** τιμάω, ἀναγιγνώσκω colo, lego о. с. 40, 76, к. 294. **ЪМЪ** ἐσθίω edo о. с. 13, 15, 50, 53, к. 286.

II. **МРЪКНЖ** σκοτίζομαι obseuro о. с. 77. **ГЪБНЖ** ἀπόλλυμαι о.

III. **БЛАГОВЪСТВОУЖ** εὐαγγελίζομαι laeta praedico о. в. 299. **БЪСЪНОУЖСА** δαιμονίζομαι о. **ВЛАСФНМНСАЖ** βλασφημέω blasphemo о. **ВРОУЖ** πιστεύω credo о. с. 5, 18, 33, 98. **ГЛАГОЛЖ** λέγω dico о. с. к. etc. **ГОТОВАЖ** παρασκευάζω paro к. 295. **ГНЪВАЖСА** ὀργίζομαι irascor. о. **ДЪЛАЖ** ἐργάζομαι facio, laboro о. **ДЪЖ** πράττω facio о. с. 24, к. 277. **ДЫШЖ** πνέω spiro о. **ЖАЖДЖ** διψάω sitio, πεινάω esurio о. с. 7. **ЖИЖДЖ** οἰκοδομῶ adifico о. **ЖОВЖ** καλέω, φωνέω voco, clamo о. **ИМЪНОУЖСА** χαλοῦμαι nominor к. 277. **ИИТЖ** ζητέω quaero о. с. 8, 62. к. 282. **КАЖСА** μετανοέω me poenitet с. 50. **КОТЕРАЖ** διχάζω coarguo к.

294. **краниж** κοσμέω orno κ. 288. **любѣжж** φιλέω ο. с. 86. **мештж** βόλλω jacio ο. **мноосрьдожж** σπλαγγίζομαι me miseret ο. **непѣштожж** ὑπολαμβάνω judico κ. 278. **пладужса** χλαίω lugeo ο. с. κ. 37. **пишж** γράφω scribo κ. 278. **питажж** τρέφω alo ο. с. 13. **покишж** ζώννυμι cingo ο. с. 6. **послоушьствожж** μαρτυρέω testor ο. в. 294. **покиновожжса** ὑποτάσσομαι me subjecio ο. с. 43. **работажж** δουλεύω servio ο. **радожжса** χαίρω laetor ο. с. 8. **снѣжж** ἀνατέλλω ο. с. 91. **скръжьимж** τρίζω strideo ο. **страждж** πάσχω patior ο. с. 22. в. 294. **сѣпжж** *) καθεύδω dormio ο. с. 17, 36. κ. 296. **сѣлжж** ἀποστέλλω, πέμπω mitto κ. 293. **сѣлжж** σπείρω sero ο. с. 13. **сѣвѣдѣтельствожж** μαρτυρέω testor ο. в. 294. **трѣбожж** χρήζω opus habeo ο. с. 13, 15. **оупѣвжж** ἐλπίζω spero ο. с. 139. κ. 279. **хоульствожж** βλασφημέω blasphemo ο. **цѣложж** ἀσπάζομαι saluto, osculor ο. с. 9. **цѣсарюжж** βασιλεύω regno в. 294. **уажж** ἐλπίζω spero ο.

V. **благотворжж** ἀγαθοποιέω beneficio ο. **блжж** μακαρίζω beo. ο. с. 118. **блжжнжж** σκανδαλίζω, πλανάω decipio ο. **бѣждж** ἀναγκάζω cogō κ. 279. **бѣшжса** δαιμονίζομαι a daemone agitor с. 22, 52. **варжж** προάγω praecedo ο. с. **вслнужж** μεγαλύνω extollo ο. с. 118. **веселикжж** εὐφραίνομαι delector ο. с. 55. в. 278. **крѣждж** ο. с. 43. **блжжптж** laedo. **достонтѣ** ἔξεστι licet ο. **дѣждж** βρέχω pluo ο. с. 9. **живжж** ζωοποιέω vivifico, in vitam revoco ο. **краниж** κοσμέω orno ο. **крѣштж** βαπτίζω ο. с. 68, 142, 143, 144, 145. **лишжса** στερῶ privo с. 26. **лшжж** πλανάω decipio ο. **любжж** ἀγαπάω amo ο. с. 1, 3, 6, 32. **можж**, **сжж** προσεύχομαι, παρακαλέω oro, hortor ο. с. 2, 35, 38, 40. κ. 280, 289, 290. **мажжжжж** τυρβάζω turbo, ο. **мышжжж** ἐνθυμέομαι cogito ο. **мыржж** ἐκδικέω vindico ο. с. 51. **мѣржж** μετρέω metior ο. с. 10. **мѣтажж** βόλλω jacio κ. 281. **мжжжджж** χρονίζω cunctor ο. **нжжжджжса** βιάζομαι

*) Praesens, participium praesentis, imperativum глаголъ этотъ, какъ и въ русс., образуетъ по 2-му спряженію, хотя по темѣ инфинитива и принадлежитъ къ III разряду.

ПОДОБЛѢЖ ὁμοιάζω similem facio o. c. 127. ПОНОШЖ *) ὀνειδιζω vitupero o. c. 119. ПОКОЖ ἀναπαύω sedo o. c. 113. ПРОШЖ ἀίτω peto o. c. 1, 9. ПОЦЖСА νηστεύω o. c. 51, 60. ПРОТНВЛЖСА ἀντιλέγω contradico o. к. 287. СВѢШТЖ λάμπω splendo o. СВѢШТЖ ἀγιάζω sanctifico o. c. 59. в. 288. СЛАВЛЖЖ δοξάζω celebroy o. СЛОУЖЖ διακονέω ministro o. СРАМАЛЖСА ἀισχύνομαι pudore, afficior c. 51. СЖЖДЖ κρίνω judico o. c. 10. ТАЛЖСА κρύπτομαι occultor к. 286. ТВОРЕЖ ποιέω facio o. c. 1, 3, 7. в. 277, 287. ТЛЖЖ διαφθείρω corrumpo o. c. 44, 60. ТЪЩЖ (ПЪНЫ) ἀφρίζω sprimo o. ОУУЖ διδάσκω doceo o. c. 27, в. 280. ХРАНИЖ φυλάττω custodio в. 278. ХОУЛЖ ὑβρίζω contumelia afficio c. 17. ЦЛЖЖ θεραπεύω в. 129. УОУЖДЖСА θαυμάζω admiror o.

VIII. БОЖСА φοβοῦμαι timeo o. c. 51, 114. в. 295. БОЛЕЖ ἀσθενῶ laboro o. c. 69. БЪЖДЖ γρηγορῶ vigilo o. БЪЖЖ φεύγω fugio o. c. 120. ВНЖДЖ θεωρῶ, ὀράω video o. c. 2, 7, 10. в. 276, 287. ВНШЖ κρεμάννυμαι pendo o. c. 29. ВЪДЖ, ВЪМЪ οἶδα scio o. c. 5, 7, 27, 30 46. в. 287. ВЕЛЕЖ ἐπιτάσσω jubeo o. c. 66, 131. в. 276. ДРЪЖЖ κατέχω teneo o. в. 290. ЗЪРЖЖ βλέπω specto o. c. 27. НМААМЪ ἔχω habeo o. c. 3, 4, 14. в. 289. ЛЕЖЖ κείμαι jaceo o. c. 14. в. 289. МЪНЕЖ νομίζω puto, οἶμαι o. c. 4, 6, 8, 22, 50. в. 286, 295. СЛОУШАЛЖ ἀκούω audio o. c. 128. СЛЫШЖ (id.) o. c. 7, 13, 23. в. 275, 277, 299. СМРЪЖДЖ ὄζω foetorem edo o. СТОЖЖ ἔστηχα sto o. c. 96, 148. СЪМЛЖЖ тоλμάω audeo в. 286, 294. ТРЪПЛЖЖ μακροθυμέω, ὑπομένω perfero o. c. 23, 40. ХОЦЖЖ θέλω, βούλομαι volo o. c. 6, 12. в. 290.

Passivi: ВЪНИМЪ ἴεσμαι аѳ. (IV, 107. II. A. O.) πωλοῦμαι veneo. ЦЪНИМЪ ἴεσμαι (id.) o.

Futurum.

а) НЕ БРЪЩИ ВЪУНЕТЬ 111 г. с. 13, 49; НЕРА(О)ДИТИ НАУНЕТЬ 56 б. 62 а. καταφρονήσει, παρακούσει contemnet.— ВЪУНЕТЬ НЕ НМЕТИ в. 295 (οὐκ ἔξει?).

*) Относительно этого глагола срав. стр. 300, №2.

Есть и другіе случаи употребленія этого сложнаго будущаго въ Евангеліи, но во всѣхъ этихъ случаяхъ глаголь **НАУЪНЪ**, **ВЪУЪНЪ** соотвѣтствуетъ самостоятельному глаголу какъ въ греческомъ, такъ и латинскомъ текстѣ (*ἀρχομαι* соерего, *incipiam*). Вотъ эти случаи: **НАУЪНЕТЪ БИТИ**, **ЪСТИ ЖЕ Н' ПИТИ** 147 г. с. 78: *ἀρχηται τύπτειν, ἐσθίειν δὲ καὶ πίνειν. coeperit caedere, edere et bibere* МѠ. XXIV, 49. — **НАУЪНЕТЕ ВЪНѢ СТОУАТИ И ТАЪЦИ** 108 в. с. 46: *ἀρχησθε ἔξω ἐστάναι καὶ κρούειν. coeperitis foris stare et pulsare*. Тогда вы, стоя внѣ, станете стучать въ двери. Лук. XIII, 25. — **НАУЪНЕТЕ ГЛАГОЛАТИ** *ἀρχεσθε λέγειν, incipietis dicere*, станете говорить. Ibid. ст. 26. — **НАУЪНЕШИ ДРЪЖАТИ** 110 б. с. 48 *ἀρχη κατέχειν, incipias tenere*, долженъ будешь занять послѣднее мѣсто, *müssest untenan sitzen*. Лук. XIV, 9. — Въ супр. **НАУЪНЪТЪ ХЪТЪТИ** 185 (что соотвѣтствуетъ въ греч.?).

б) **НЕ НМААМЪ ПИТИ** 159 а, 177 в, 278 в. *οὐ μὴ πίω. нмаамъ глаголати* 271 б, 171 г. с. 97. *λαλήσω. нматъ быти* с. 76 *ἔσται, γενήσεται*.

в) Выше было уже упомянуто, что будущее **ХОШТЪ** + *infinitivus* въ Остр. Ев. всегда находитъ соотвѣтствіе въ греч. текстѣ въ подобномъ же сочетаніи (*θέλω, βούλομαι* + *infinitivus*). Значить, въ ту эпоху, къ которой относится текстъ Евангелія О. и Савв. Книги, нельзя сказать, чтобъ это сочетаніе выражало одну категорію спряженія, какъ въ болѣе позднее время. Въ Глаголицѣ Клоц. мы можемъ указать впрочемъ на два выраженія, сильно приближающіяся по своему смыслу къ категоріи простаго будущаго: 1) **ЧТО ХОШТЕТЕ МИ ДАТИ И АЗЪ ВАМЪ ПРѢДАМЪ И?** 280, 281, 282, 283. 2) **ПОСТАВИЛЪ ДЕНЬ, ВЪ НЪ ЖЕ ХОШТЕТЪ СЪДИТИ БОГЪ ВЪСЕИ ЗЕМИ ПРАВЪДОЖ** 293.

Passivi. Perfectivum. зъванъ бждени 110 а. с. 48. *ὅταν κληθῆς. бждтъ свѣщени* 52 б. с. 110. *ἵνα ᾧσιν ἡγιασμένοι.* — *Imperfectivum. видими бждете* с. 58, — бж-

ДЖТЬ 79 г. (ὑψονται). БЖДЕТЕ НЕНАВИДНИИ с. 29, 75, 126.
о. 82 б. ἔσεσθε μισούμενοι.

Participium—praesens act. et med.

I. БИИА τύπτων о. с. 115. ВЛАДЫ ἡγεμονεύων о. с. 134.
к. 282. ВЛЪКЪТЫ σύρων о. с. 153. ВЪПНИИ *) о. с. 18, 51
βοῶν. ГРАДЫ ἐρχόμενος о. с. 41, 19. к. (—ДМ) 275, 276,
278. ГРЪИАСА о. θερμαινόμενος. ЖИКЪТЫ ζῶν, κατοίκων о. с.
(—ВА) 1, 70. ЖЪНИИ (о. ЖЪНИА) θερρίζων. ИДЫ о. с. 116.
ἐρχόμενος, πορευόμενος, ἀκολουθῶν. КЛЪНЪТЫ καταρῶμενος
о. КРИИАСА к. 300 κρυπτόμενος. МЕИИА ἀληθῶν о. с. 78.
ИЕТЫ βάλλων о. МОГЪТЫ δυνάμενος о. с. 16, 24, 43. к. 282,
283. НЕСЪТЫ φέρων о. ПАСЪТЫ βόσκων, ποιμαίνων о. с. 39, 50.
ПЕКЪТЫΑ μεριμνῶν о. с. 13, 84. ПНИИA πίνων о. с. 77.
СТРЪГЪТЫ φυλάσσων о. с. 114, 134. ТРАСЪТЫΑ к. 278 σειού-
μενος tremens. ТЛЪКЪТЫ о. с. 11, 53 κρούων pulsans. УЪТЫ
о. ἀναγιγνώσκων. СЪТЫ о. к. ὦν с. 1, 19 (САН). ВЪДЫ, ИДЫ
о. с. 67, 77, 87. τρώγων, ἐσθίων.

II. ГЪБИИТЫ о. ἀπολλύμενος periens. НЕ ОБИИИТЪСЯ с. 70
(=НЕ ОБИИИИТЪСЯ см. ниже). ВЛЪСИИТЫ к. 275 ψελλίζων
bulbutiens.

III. ЛЪБУА с. 129. о. πεινῶν. БЛЪГОВЪСТОИИА εὐαγγελι-
ζόμενος о. с. 38. БЛЪИИАСА о. ἀστράπτων. БЪСЪНОИИАСА с.
16, 18. о. δαιμονιζόμενος. ВЪРОИИА πιστεύων о. с. 1. к.
298. ГЛЪГОИИА λέγων о. с. 12. к. 276. ГЛАСОИИА к. 278.
καλῶν, φωνῶν vocans. ДЛРЪСТЪБОУИА к. 300. χαρίζόμενος
donans. ДЪЛЪИИА πρόσσων о. ЖАЛОИИАСА с. 60. πένθῶν lugens
ЖЕЛЪИИА о. ἐπιθυμῶν. ЖИДЪТЫ о. προσδοκῶν. ЖАЖДА о. διψῶν.
ЖИЖДА οἰκοδομῶν. о. ЖОВЪТЫ κράζων clamans. о. с. 73. ЖЪБЪИИА
к. 294. σείων agitans. ИИИА о. с. 11, 53, 127. ζητῶν
quaerens. КЛЕПЪИИА с. 6, 122. σημαίνων significans. ЛЪЖА
ψευδόμενος о. с. 119. ИИЛОИИА к. 279. ἐλεῶν, οἰκτείρων.
НЕГОДОИИА ἀγανακτῶν aegre ferens о. с. 43. ОРЪТЫ о. с.

*) Глаголъ замѣчательнъ тѣмъ, что въ немъ приставка ѡз
не отираетъ видовой функціи. Ниже мы увидимъ, что это не
исключительный случай.

50. ἀροτριῶν arans. НЕ ОБИНОУМАСА с. 98, 103. κ. 276. παρρησιαζόμενος libere loquens. ПОВИНОУМАСА ὑποτασσόμενος, πειθόμενος obediens с. 141. ΠΛΑУАСА o. с. 71, 119. κλαίων, πενθῶν. РАДОУМАСА χαίρων o. РЪПЪШТА κ. 275. γογγύζων. РЫДЛѦ o. κλαίων. РЪГАНАСА ἐμπαίζων illudens o. с. 112. СКРЪГЪЩА с. 66. βρύχων stridens, frendens. СТРАЖДА βασανιζόμενος o. κ. 279, 280. СЪПА o. с. 17, 116. κ. 296, 297. κοιμόμενος, καθεύδων dormiens. СЪМ o. σπείρων serens. ТРЕПЕЩА o. с. 37, 131. κ. 278. трέμων tremens. УАМ o. с. 44, 13, 6. 144. προσδεχόμενος sperans. expectans. УЕТКРЪТОВЛАСТСТВОУМЪ с. 142, 143. тетрарυῶν.

V. БЛАГОСЛОВА *) o. ἐυλογῶν benedicens. БЛАГОТВОРА ἀγαθοποιῶν o. с. 32. БЛЖДА κ. 275,—7 πλανόμενος errans. БРАНА κ. 281 (κωλύων impediens) προαναστέλλων. БОГАТАСА πλουτῶν, πλουτιζόμενος. ВЕСЕЛАСА εὐφραίνόμενος o. с. 34. ДИВАСА θαυμάζων o. ДОИМЪ θηλάζων o. с. 76. ЖЕНАСА γαμῶν o. с. 77. КРЪСТА βαπτίζων o. с. 117, 145. ЛЮБА φιλῶν o. с. 2, 9, 10. κ. 276. МОЛА o. с. 14, 34 παρακαλῶν. МЛЪВА o. с. 17 θορυβόμενος. МЖДА χρονίζων o. с. 79. МЖУАСА с. 14. βασανιζόμενος. НЕДОУМЫСЛАСА o. διαπορούμενος. ПОСТАСА νηστεύων o. с. 60. ПРОСА αἰτῶν o. с. 11. κ. 300. ПРЪТА o. с. 71. ἐμβριμόμενος increpans. СЛЪВА o. с. 135, 140. δοξάζων. СЛОУЖА o. διακονῶν. СРАМЛАСА (?=срамаса) с. 51. αἰσχυνόμενος. СТРОИМЪ с. 11. παρασκευάζων parans. СЪМЫСЛМЪ o. 39. διαλογιζόμενος cogitans СЖДА o. с. 10. κρίνων, ТВОРА ποιῶν o. с. 44. κ. 278,—9 280. ТЪЩА (ПЪНЪ) ἀφρίζων sputans o. ХВАЛА o. с. 135. αἰνῶν laudans. ХОУЛА o. βλασφημῶν. ХРАНА o. с. 121 φυλάσσων. ОУУМЪ o. с. 12, 85. κ. 279 διδάσκων. ЦЪЛА с. 19 θεραπεύων. УОУДАСА o. с. 13. в. θαυμάζων.

VIII. БОЛА o. с. 16, 34, 38 ἀσθενῶν aegrotans. БЪДА ἀγρалуῶν o. с. 45, 134. БЪДА κ. 287 ἀναγκάζων cogens.

*) Въ русскомъ — всегда мгновеннаго вида; въ ст.-слов. — какъ всякій основной глаголь, т. е. въ формѣ praesentis гораздо чаще вида — длительного

ВНДА βλέπων ο. с. 115. κ. 291. ВИСА κ. 291 κρεμώμενος pendens. ВЪДЫ είδώς ο. с. 37, 131. κ. 276, 291. ГОРА, ГОРЫ ο. καίόμενος ardens. ДРЪЖА συνέχων ο. κ. 292. ЗЪРА βλέπων spectans ο. с. 115, 117. κ. 279. НМЪЯ, НМЪІ έχων ο. с. 2, 16, 43, 49, 34, 81. κ. 276, 284. ЛЕЖА κείμενος jacens ο. с. 42, 71. κ. 295, 296. МЪНАСА ο. с. 68 δοκῶν. МЛЪУА ο. σιωπῶν tacens. НЕНАВНДА ο. μισῶν с. 9. κ. 275. НЕВЪТЪШАМ ο. οὐ παλαιούμενος с. 44. НЖДА κ. 287 ἀναγκάζων. СКЖДЪЯ с. 44 qui non minuitur. СВЪТАСА κ. 294 ἀστράπτων fulgens. СЛЪША ο. с. 121 ἀκούων. СЛОУШАМ ο. (idem). СТОМ ο. с. 65, 148. κ. 288 έστώς. СКРЪБА λυπούμενος ο. с. 141. СЪДА ο. с. 15, 39, 88, 146. κ. 299 καθήμενος. ХОТА ο. с. 35, 36. κ. 282, 286 θέλων, μέλλων.

Participium—praesens pass.

I. ПАСОМЪ ο. с. βοσκόμενος. КРАДОМЪ κ. 295 κλεπτόμενος. УЪТОМЪ κ. 291 ἀναγιγνωσκόμενος. ВЕДОМЪ ο. с. 126 ἀγόμενος. ЗНАЕМЪ ο. γνωστός. ЖЕГОМЪ ο. πυρέσσων febricitans.

II. ПИШЕМЪ ο. с. 7, 151 γραφόμενος.

V. ГОНИМЪ ο. έλαυνόμενος. ЛОНИМЪ κλώμενος κ. 287. ЦЪНИМЪ ο. πολούμενος.

VIII. ВНДИМЪ όρώμενος. НЕНАВНДИМЪ ο. с. μισούμενος.

Participium — perfectum act. et med.

I. ВНЕЪ ο. φραγελλώσας. БЫЕЪ γενόμενος ο. с. κ. etc. ВЕДЪ ο. ἀπαγαγών с. 25. ЖНЕЪ ο. ζήσας с. 136. ШЪДЪ ο. πορευθείς, ἀπελθών с. 24, 41. κ. 280. ПЪДЪ ο. φαγών с. 20, 21.

II. МРЪКЪ с. 115 σκοτισθείς.

III. ВЪРОКАЕЪ ο. πιστεύσας κ. 295. ДЪКАЕЪ с. 24 ποιήσας. ДАРЪСТВОКАЕЪ сурр. 227 ευχαρισάμενος. ЗЪБАЕЪ ο. καλέσας

с. 48. **МЛОСРЪДОВАВЪ** о. σπλαγχνισθεῖς с. 20, 24, 25.
ПЛАСАВЪ о. ὀρχησάμενος. **ПРЪЖАВЪСА** о. σπαράξας с. 64.

V. ВРЪЖДЪ о. βλάψας. **КРАЩЬСА** о. στραφεῖς reversus с. 11. **БЛАГОСЛОВИВЪ** о. εὐλογήσας. с. (—КАВЪ) 84. **ДНЕВЪСА** сунр. 240 θαυμάσας miratus. **КРЬЩЬСА** о. βαπτισθεῖς baptizatus. **ПОЩЬСА** о. νηστεύσας. **ПЛЕНЬ** (sic) к. 286 αἰγυμάλωσας. **РАУЪ** к. 278 ἐπιμελήσας. **РОЖДЬСА** о. τεχθεῖς natus. к. 299. **ТВОРЬ** к. 285 ποιήσας. **ОУГНЕВЪСА** о. μαθητικῶς doctus.

VIII. ВИДВЪ о. с. к. etc. ἰδών. **ВЪНЬУАВЪ** к. 295 στεφανώσας. **КОНЬУАВЪ** о. τελειώσας с. 140. **МЬНВЪ** о. νομίσας. **РАЗΟΥМВЪ** о. ἐπιγνούς с. 27, 31. к. 278. **СЛЫШАВЪ** о. с. к. etc. ἀκούσας.

Participium—perfectum pass.

Эти формы входятъ въ составъ другихъ формъ страдат. залога, сложныхъ (примѣры см. ниже). Видовое значеніе у нихъ одно и то-же, будутъ ли онѣ въ качествѣ опредѣленія (adjectivi) или въ качествѣ сказуемаго (praedicati). Потому здѣсь ограничимся только по одному примѣру на каждый разрядъ.

I. НЕСЕНЪ о. latus, ablatus ἀπενεχθεῖς, ἀπενηγμένος.

III. П(Ь)САНЪ, ПНСАНЪ о. с. γεγραμμένος, γραφεῖς scriptus.

V. ЦЪНИЕНЪ о. τετιμημένος, τιμηθεῖς aestimatus.

VIII. ВИДВЪ θεαθεῖς visus, spectatus.

Imperfectum.

I. БИНАХЪ, БИНАХЪ о. с. 107, 111 ἔτυπτον caedebam.
БѢХЪ, БѢАХЪ о. к. с. ἦν eram. **ЖИВѢХЪ, — ВАХЪ** о. с. 38 διέτριβον commorabar. **ЗНАХЪ** о. к. 252 ἐγίγνωσκον sciebam.

ΗΔΕΧΗ, — ΒΑΧΗ ο. ἠρχόμεν, ἐπορευόμεν abibam, iebam с. 25, 40, 41, 87, 104, 138. ΜΟΧΑΧΗ, — ΑΑΧΗ ο. с. 30, 82, 36. κ. 252, 292, 252. ἠδυνάμεν poteram. ΜΥΜΑΧΗΣΑ ο. ἐλουόμεν luebar. ΠΟΕΧΗ κ. 286 ἔψαλλον canebam. ΡΑΣΤΕ-
 ΑΧΗ ο. ἠϋξανον с. 137, 140. СΤΡΕЖΑΧΗ, — ΑΑΧΗ ο. ἐτήρουν
 custodiebam. с. 112. СΥΜΒΑΧΗ ο. ἐτόλμων audebam.
 ΤΕΥΑΑΧΗ ο. ἔτρεχον currebam. ΞΔΕΑΧΗ ο. ἠσθιον edebam.—

III. БЕСѢДОВАХЪ ο. ὠμίλουν colloquebar. БЫВАХЪ, — ΑΑΧΗ
 ο. с. 39. κ. 283, — 7. ἐγινόμεν, ἦν, eram. ВѢРОВАХЪ, —
 ΑΑΧΗ ο. с. 74. ἐπίστευον credebam. ВЪЗЛАХЪ ο. ἐδείσμων
 ligabam. ВЪЛААΧΗΣА ἐκινδύνευον periclitabar. ο. ΚΠΗΜΑΧΗ
 ἔκραζον clamabam ο. ΓΛΟΓΟΛΑΑΧΗ, — ΑΧΗ ο. с. 61, 63, 130.
 κ. 279 ἔλεγον dicebam, ἐλάλουν loquebar. ДВАΧΗΣА κ. 298
 ἐποιούμεν. ЖЕЛААХЪ ο. ἐπετόμουν volebam. ЗЪВАХЪ, — ΑΑΧΗ
 с. 73, 74, ο. ἔκραζον clamabam, vocabam. ИСКАХЪ, —
 ΑΑΧΗ ο. с. 69, 87, 82, 128 ἐζήτην quaerebam. ΜΑΖΑΑΧΗ
 ἠλειφον ungebam. ΜΕΤΑΧΗ ο. ἔβαλλον jaciebam. ЖАДАХЪ
 с. 54 ἐδίψων sitiebam. ПЛАКААΧΗΣА ο. с. 37 ἔκλαιον lugebam.
 ПЛАКААХЪ ἀπέπλυνον lavabam ο. ПЛЪВААХЪ ο. ἔπτυσον spue-
 bam. ПОКСААΧΗΣА ο. ἐζώννυσον cingebam. РАДОВААΧΗΣА, —
 ΑΧΗΣА ο. с. 44 ἔχαιρον laetabar. РЪНЪТАХЪ, — ΑΑΧΗ ο.
 ἐγόγγυζον murmurabam. РЫДАХЪ, — ΑΑΧΗ ο. с. 37 ἔκλαιον
 lugebam. РЪЗААХЪ, — ΑΧΗ ο. с. 72. ἔκοπτον secabam. РЪ-
 ГААΧΗΣА, — ΑΧΗΣА ο. с. 110, 112 κατεγέλων illudebam,
 ἀνέπαιζον. κ. 296. СЪВѢДѢТЕЛЬСТВОВААХЪ ο. ἐμαρτύρων
 testabar. СЪПААХЪ, — ΑΧΗ ο. с. 79 ἐκάθευδον dormiebam.
 СЪПАХЪ ο. с. 32 ἔσπειρον serebam. УЮЕХЪ κ. 279 κατενόουν
 intelligebam.

V. ГОТОВААХЪ κ. 284 ἠτοίμαζον parabam. ДАВЛААХЪ
 ο. ἔπνυγον suffocabam. ДИВЛААΧΗΣА, — ПАΧΗΣА ο. с. 40,
 64. ἐθαύμαζον, ἐξεπλησσομένην admirabar. КРЪПААΧΗΣА
 δυσχυριζόμεν roborabar ο. ЛЮБЛААХЪ ο. ἀγάπων amabam
 с. 69, 71, 152 ΜΟΛΑΑΧΗ, — ΑΧΗ ἠρώτων rogabam, προ-
 σηρχόμεν precabam ο. с. 25, 51, 55. КРЪЦПААХЪ, — ΑΧΗΣА
 ο. ἐβαπτιζόμεν с. 142. ΜΟΥЖДАХЪ ο. (ΜΟΥΔΕΧΗ с. 62)
 ἐχρόνιζον cunctabar. ΜΛЪВАААХЪ ο. (ΜΛЪΒΕΧΗ с. 120)

ἐθόρυβον tumultuabar. **ΠΡΟΨΑΧ̄** κ. 300 ἤτουν petebam. **ΠΡΕΨΑΧ̄**, — **ΑΧ̄** ο. ἐπετίμων increbaram. **ΣΛΑΒΑΨΑΧ̄**, — **ΨΑΧ̄** ο. ἐδοῦαζον celebrabam c. 64. **ΣΛΟΥΨΑΧ̄**, — **ΑΧ̄** ο. c. 73 διηκόνουν ministrabam. **ΤΑΨΑΧ̄**ΣΑ, — **ΨΑΧ̄**ΣΑ ο. περιέκριβον μέ occultabar. **ΤΨΟΨΑΧ̄**, — **ΨΑΧ̄** ο. c. 73 ἐποίουν faciebam. **ΤΨΗΤΑΨΑΧ̄**ΣΑ κ. 284 ἡσχολούμην labori vacabam. **ΟΥΨΑΧ̄**, — **ΑΑΧ̄** ο. c. 17. κ. 281, 283 ἐδίδασκον docebam. **ΧΡΑΨΑΧ̄** ο. συνετήρουν nutriebam. **ΧΟΥΨΑΧ̄** ο. c. 112, 114 ἐβλασφήμουν. **ΨΛΑΨΑΧ̄**ΣΑ ο. κ. 252, 285 ἐθεραπευόμην sanabar. **ΧΟΥΨΔΑΨΑΧ̄**ΣΑ ο. ἐθαύμαζον mirabar.

VIII. **ΒΟΛΨΑΧ̄**, — **ΨΑΧ̄** ἡσθένουν aegrotabam ο. c. 36. 69. **ΒΟΨΑΧ̄**ΣΑ, — **ΨΑΧ̄**ΣΑ ἐφοβούμην timebam ο. **ΒΑΛΨΑΧ̄**ΣΑ ο. ἐκυλιόμην volutabam. **ΒΗΨΑΧ̄**, — **ΨΑΧ̄** ο. ἐώρων videbam, spectabam. **ΒΕΨΑΧ̄**, — **ΨΑΧ̄** ο. c. 80, 100 κ. 274. ἡδεῖν poveram, sciebam. **ΖΨΡΨΑΧ̄**, — **ΨΑΧ̄** ἐθεώρουν spectabam ο. **ΗΨΑΧ̄**, — **ΨΑΧ̄** ο. c. 127. κ. 280, 284, — 5. εἶχον habebam. **ΛΕΨΑΧ̄** ἐκαίμην jacebam ο. **ΜΑΨΑΧ̄**, — **ΑΧ̄** ο. c. 61 ἐσιώπων tacebam. **ΜΗΨΑΧ̄** (-СА), — **ΨΑΧ̄**(СА) ο. c. 145 ἐδόκουν, ἐνόμιζον putabam, **ΠΨΡΨΑΧ̄**ΣΑ ἐμαχόμην certabam ο. **ΣΛΨΗΨΑΧ̄** ἤκουον audiebam ο. **ΣΤΟΨΑΧ̄**, — **ΨΑΧ̄** ο. εἰστήκειν stabam c. 7, 124. κ. 252. **ΣΤΨΔΨΑΧ̄**ΣΑ, — **ΨΑΧ̄**ΣΑ ο. c. 44. κ. 292 κατησχυνόμην erubesccebam. **ΣΕΨΑΧ̄**, — **ΨΑΧ̄** ἐκαθεζόμην, ἐκαθήμην sedebam ο. c. 25, 70, 80. **ΧΟΨΑΧ̄**, — **ΨΑΧ̄** ἡθέλον volebam ο. c. 7, 25, 51, 55.

Passivi: **ΓΟΝΗΜ̄** **ΒΥΒΑΛΗ** ἡλαύνετο pellebatur ο. **ΖΗΑΚΕΜ̄** **ΒΥ** ἦν γνωστός.

Aoristus.

I. **ΒΗΑΧ̄** ο. c. 51, 27 ἔδειρα, ἔτυφα percussi. **ΒΥΑΧ̄** ο. c. κ. etc. ἐγενόμην fui. **ΒΛΥΔΟΑΧ̄** συпр. 253 ἐτήρησα reservavi. **ΒΨΡΑΧ̄**ΣΑ (= русс. бороться) συпр. 184 ἐμαχεσάμην pugnavi. **ΒΕΔΟΑΧ̄** ἡγάγον duxi ο. c. 81, 89. **ΖΗΑΧ̄** ἔγνων poveram. **ΗΔ̄** c. 12, 14. κ. 282 или **ΗΔΟΑΧ̄** ο. συпр. 288 ἦλθον ivi. **ΜΟΓ̄** c. 23. κ. 285 или **ΜΟΓΟΑΧ̄** ο. ἦδυνήθην

potui c. 67. сyпр. 178. ΠΗΧΉ ἐπιον bibi o. CЪМѢХЪ κ. 286. o. ἐτόλμησα ausus sum. ΤΕΚΟΧΉ o. c. 116 ἔδραμον cucurri. ΥΨΟΧΉ c. 37. Ο (χοу—) ἔγνων audivi, sensi. ΥΨΟΧΉ o. c. 123 ἀνέγνων lexi. ΞΧΉ, ΚΧΉ o. c. 20, 46, 47. κ. 285 ἔφαγον edi.

II. ΔΡЪЗНЪХЪ ἐτόλμησα ausus sum, сyпр. 179. ΚΟC-
НЪХЪCЯ o. c. 12, 14, 16, 17 ἠψάμην tetigi. ΜΗΝЪХЪ
παρῆλθον praeterii. ΠΛΗΝЪХЪ o. ἔπτυσα spui.

III. ΚΡΟΒΑΧΉ ἐπίστευσα credidi o. c. 2, 7, 15. БЛАГОВѢСТВОΒΑΧΉ εὐηγγελισάμην bona praedicavi κ. 299. ΓΛΑΓΟΛΑΧΉ ἐλάλησα locutus sum o. c. κ. ΓЪНАΧΉ o. c. 62 κατέδιωξα persecutus sum. ΔЪИΧΉ (пакости) o. c. 88 ἐκολάφισα. ΜΗΛΟCРЪДОВАΧΉ o. c. 41 ἐσπλαγχνίσθην miseritus sum. НЕГОДОВАΧΉ ἠγανάκτησα indignatus sum, iratus sum o. c. 73, 82. ΠΙCΑΧΉ ἔγραψα scripsi o. c. 61. ΠΛΑΚΑΧЪCЯ ἔκλαυσα luxi o. c. 89. κ. 286. ΠΡΟΡΟΥ΢ΤΒΟΒΑΧΉ o. προεφή-
τευσα vaticinatus sum. ΡΑΒΟΤΑΧΉ ἐδούλευσα servivi o. c. 55. CЪВѢДЪΤΕΛЪCΤΒΟΒΑΧΉ ἐμαρτύρησα testatus sum o. ΤΡЪ-
ΒΟΒΑΧΉ χρείαν ἔσχον opus habui o. c. 61. ЦѢЛОВАΧΉ ἐσπασάμην osculatus sum o. c. 118.

V. БЛАГОВѢCΤНІХЪ εὐηγγέλισα benedixi κ. 299. БЛА-
ГОВОЛНІХЪ εὐδόκησα benevolui, probavi o. БΛΑΝΧЪCЯ ἐθερα-
πεύθην sanatus sum κ. 292. БЛАГОCЛΟΒНІХЪ εὐλόγησα benedixi o. κ. 275. ΒΛΗНЪХЪ προέφθασα anteverti o. сyпр.
178, 240. ΒΡЪДНІХЪ ἔβλαψα laesi κ. 292. ДИВНІХЪCЯ ἐθαύμασα miratus sum o. c. 15, 17, 27. ΚΑΖΗНЪХЪ ἀνέτρεψα everti
c. 24. ΚΡЪCΤНІХЪ ἐβάπτισα o. ΜΟΛНЪХЪ ἠρώτησα—CЯ ἐδεήθην
προσευξάμην precatus sum o. c. 16, 25, 39. ΜЖУНЪХЪ ἐβασάνισα torsi сyпр. 232. ΠΡΟCНЪХЪ ἤτησα petii κ. 300.
сyпр. 176. ΠΛЪННЪХЪ κ. 286 ἠχμαλώτισα captivum abduxi
κ. 286. CΚΟΒΟДНІХЪCЯ ἐλεύθερος ἐγενόμην liberatus sum
κ. 293. ΤΡЪДНІХЪCЯ o. κ. 292 ἐκοπίασα laboravi. ΟΥΨНІХЪ
o. ἐδίδαξα docui. ЦѢННІХЪ o. c. 10 ἐτιμησάμην aesti-
mavi. ЧΟΥДНІХЪCЯ o. ἐθαύμασα c. 18, 34.

VIII. ΒЪЖАΧΉ ἔφυγον fugi o. c. 16, 39, 87. сyпр. 176.
ВНДЪХЪ εἶδον vidi o. c. 6, 11, 14, 15. κ. 276, 280. сyпр.

179. БОЛЕХЪ ἠσθένησα aegrotavi o. c. 57, 58. ВЪДЕХЪ ο. ἦδειν povegam. ДОВЪЛЕХЪ ἤρκησα mihi suffecit в. 295. НМѢХЪ ἔσχον habui o. c. 99. МЫНѢХЪ ἔδοξα putavi o. c. 70. ПЕЧАТЬМЕХЪ ἐσφάγισα obsignavi сур. 176. СЕДЕХЪ ἐκαθήμην sedi сур. 183. СЛЫШАХЪ ἤκουσα audivi o. c. 3, 9. в. 283. ХОТЕХЪ ἠθέλησα volui o. в. 279, 282.

Passivi. ВЕДЕНЪ БЫХЪ с. 114 ἀπήχθην abductus sum. — ПИСАНЪ БЫХЪ ἐγράφην scriptus sum o. 11 в. с. 6. ГЛАГОЛАНЪ БЫХЪ 251 a. c. 140 ἐλαλήθην dictus sum. — ВНДЕНЪ БЫХЪ 205 a. ἐθεάθην spectatus sum. СЛЫШАНЪ БЫХЪ ἠκούσθην auditus sum 253 б. с. 139.

Perfectum — praesens (logicum).

I. НЕСМЬ БЫЛЪ ο. οὐ γέγονα non fui. УЛЪ ІЕСМЬ 74 a, 79 б, 127 б, 141 в, 93 в. с. 23, 28, 73 ἀνέγνωχα *) legi. ПИЛЪ ІЕСМЬ πέπωχα bibi сур. 239. НЕСМЬ СЕЛЪ с. 80 οὐκ ἔσπαρχα non sevi.

III. ГЛАГОЛАЛЪ ІЕСМЬ 350 a. в. 275 ἐλάληχα locutus sum. СЕАЛЪ ІЕСМЬ 85 a, 150 a, 241 a ἔσπαρχα**) sevi. ИГРАЛЪ ІЕСМЬ сур. 180 ἐσίρηχα lusi.

V. ВРНЛЪ ІЕСМЬ προείληφα 230 б. ПРОТНЕНАЛЪСА ІЕСМЬ в. 286 ἀντιτέταγμαи repugnavi в. 286. СЖДНЛЪ ІЕСМЬ 223 б. кѣрича judicavi. ОУНЛЪ ІЕСМЬ δεδίδαχα docui o. c. 46. ТВОРНЛЪ ІЕСМЬ в. 290 πεποίηχα creavi, feci. РОДНЛЪСА ІЕСМЬ γεγέννημαι 40 г.

VIII. НМЕЛЪ ІЕСМЬ ἔσχηχα habui 30 г. ЛЕЖАЛЪ ІЕСМЬ сур. 185 κεῖμαι jacui. ВНДЕЛЪ ІЕСМЬ в. 285 ἔωραχα vidi. ХОТЕЛЪ ІЕСМЬ в. 286 βεβούλημαι volui.

Passivi. ПИСАНЪ ІЕСМЬ 11 в. γέγραμμαι, γεγραμμένος εἰμί scriptus sum с. 115, 137, 147. РОЖДЕНЪ ІЕСМЬ ο. γεγέννημαι natus sum.

*) Хотя въ О. всегда=ἀνέγνω (въ греч. текстѣ).

**) Въ О.=ἔσπειρα.

Plusquamperfectum.

ВИДѢЛЪ БѢАХЪ ἐώραχεν *videram*. ЛЕЖАЛЪ БѢАХЪ ο.
ἐκειμεν *jacueram*. — Passivi зъванъ бѣхъ κελημένος ἦν
vocatus *eram*. писанъ бѣхъ 143 б. γεγραμμένος ἦν с. 74,
117, 147 scriptus *eram*.

В. Добровскій.

(Продолженіе будетъ).

КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ ДВУХЪ ИЗДАНІЙ ПРОФ. ГЕЙТЛЕРА:

Euchologium—U Zagrebu 1882., Psalterium—U Zagrebu 1883.

Занимаясь въ теченіе прошлаго и настоящаго академическаго года сравнительнымъ изученіемъ языка др.-слав. памятниковъ, въ томъ числѣ и „Синайскаго Требника“, мы желали-бы сказать нѣсколько словъ объ изданіи послѣдняго проф. Гейтлеромъ, присоединивъ сюда-же нѣкоторыя замѣчанія и о другомъ его изданіи—„Синайской Псалтыри“. Цѣль наша—указать мѣсто изданія г. Гейтлера среди другихъ изданій древне-славянскихъ памятниковъ; основанія, на которыя мы опираемся въ своей статьѣ,—фотографическіе снимки съ подлинниковъ Син. Требника и Псалтыри.

Благодаря любезности ученаго профессора Н. П. Кондакова, посѣтившаго Синай съ ученою цѣлью ¹⁾, мы могли пользоваться 16-ю снимками съ разныхъ листовъ Син. Псалтыри и Син. Требника. 14 Снимковъ съ листовъ изъ Син. Псалтыри, находящихся у г. Кондакова, и 3 снимка съ той-же Псалтыри, приложенныхъ къ сочиненію Гейтлера—*Die albanesischen und slavischen Schriften*. Wien. 1883,— т. е. всего 17 снимковъ съ одной Псалтыри могутъ служить достаточнымъ матеріаломъ для сравненія изданія г. Гейтлера съ подлинникомъ. Къ сожалѣнію, снимковъ съ Син. Требника мы имѣемъ гораздо менѣе—2 снимка г. Кондакова и 1 снимокъ въ приложеніи къ вышеназанному сочиненію проф. Гейтлера ²⁾,—но и по тремъ снимкамъ съ трехъ различныхъ листовъ можно судить объ отно-

¹⁾ Отчетъ о поѣздкѣ на Синай проф. Кондакова, см. въ Ж. М. Н. Пр. 1883 г. Апрѣль. Статья профессора В. Стасова.

²⁾ Этотъ снимокъ приложенъ и къ изданію Требника. Н. П. Кондакову принадлежатъ снимки съ листовъ 49 а и 90 в по изданію г. Гейтлера. О снимкахъ съ Псалтыри см. ниже.

шеніи издателя къ оригиналу и своему труду. Сравненіе этихъ снимковъ съ соотвѣтствующими листами въ изданіяхъ г. Гейтлера даетъ намъ право заключить о полной небрежности изданія; смѣемъ думать, что, еслибы мы имѣли подъ руками еще большее количество снимковъ, то перечень неточностей, пропусковъ и даже ошибокъ значительно увеличился бы въ объемѣ, такъ какъ въ каждомъ изъ данныхъ 20 листовъ изданій г. Гейтлера мы можемъ указать достаточное количество промаховъ. Прежде всего обратимся къ снимку, сдѣланному самимъ-же Гейтлеромъ и приложенному къ его сочиненіямъ.

Начнемъ съ Синайскаго Требника. Снимокъ представляетъ листъ — 17 b Синайскаго Требника. Для болѣе удобнаго сличенія этого листа въ транскрипціи г. Гейтлера съ тѣмъ-же листомъ, транскрибированнымъ нами по снимку, мы предлагаемъ параллельный обзоръ обѣихъ транскрипцій. Печатаемъ свою транскрипцію строка въ строку, буква въ букву, знакъ въ знакъ.

(См. приложеніе снимка въ концѣ этой статьи).

Уже по одному этому листу видно, что г. Гейтлеръ отнесся къ своему изданію не совсѣмъ старательно: здѣсь мы имѣемъ такіе промахи, которые не могутъ обвинять типографію, а обвиняютъ самого издателя.

Вообще, надо замѣтить, что изданіе драгоцѣннаго памятника слав. старины есть дѣло весьма важное; отношеніе къ изданію должно быть особенно изысканное, безукоризненное, если памятникъ издается въ первый разъ. Естественно, что вновь открытый или, по крайней мѣрѣ, изданный памятникъ глагольскаго письма XI вѣка ³⁾, отъ котораго у

³⁾ Проф. Гейтлеръ полагаетъ, что Син. Требникъ относится къ концу X вѣка. (См. его *Die alb. u. slav. Schriften*. p. 149. 151. 152. и въ предисловіи къ изданію Требника, стр. IX.). Съ этимъ мнѣніемъ мы рѣшительно согласиться не можемъ. Мы готовимъ трудъ, посвященный специально вопросу о времени написанія Син. Требника, рассмотрѣли всѣ его особенности и до сихъ поръ не нашли ни одного даннаго въ пользу старшинства

насъ сохранилось далеко не много памятниковъ, сразу возбуждаетъ къ себѣ громадный интересъ среди ученыхъ, и дѣло издателя—вполнѣ основательно и точно ознакомить интересующихся съ таковымъ памятникомъ. Конечно, точность въ изданіи памятника письменности есть всегда необходимое условіе и цѣнности изданія, и пониманія языка съ его особенностями, къ какому-бы времени памятникъ ни принадлежалъ, но мы предъявляемъ такія требованія отъ издателя, въ особенности при изданіи памятниковъ отдаленной старины. Неточное изданіе памятника письменности равносильно отсутствію всякаго изданія; это фактъ извѣстный. Возраженіе на все предъидущее въ томъ смыслѣ, что въ изданіи г. Гейтлера встрѣчаются неважные, мелочные промахи, было-бы вовсе не научно: для науки въ данномъ случаѣ существенна всякая мелочь, т. е. эта мелочная черта часто можетъ повести за собой рядъ серьезныхъ и полезныхъ соображеній; изъ мелочей создается цѣлая наука—палеографія, и трудно было бы придти къ какому-нибудь положительному результату въ области палеографическихъ особенностей даннаго памятника, еслибы мы имѣли изданія, внушающія собой недовѣріе, а подлинниками пользоваться не могли бы. Въ такомъ случаѣ всякое разсужденіе о палеографіи памятника должно быть оставлено въ сторонѣ или, въ противномъ случаѣ, изслѣдователь, не имѣющій подъ руками оригинала, рискуетъ придти къ совершенно ложнымъ выводамъ и потратить даромъ время. Таковы, именно, изданія г. Гейтлера. Докажемъ это.

На листахъ 17 в. Син. Требника, какъ видитъ читатель, мы имѣемъ слѣдующіе существенные промахи: 1) въ подлинникѣ изъ знаковъ препинанія употребителенъ только одинъ—знакъ, имѣющій видъ нѣсколькой расплывшейся точки;

Син. Требника передъ другими памятниками XI вѣка. Напротивъ, многія данныя говорятъ въ пользу сравнительной молодости этого памятника или, по самой большой мѣрѣ, въ пользу одновременности съ такими памятниками, каковы Клоціева Глаголита, Ассем. Ев., Григоровичево Ев. и др. Между тѣмъ г. Гейтлеръ особенно настаиваетъ на своемъ мнѣніи. (Geitler. o. c. l. c.).

знакъ этотъ всегда стоитъ выше линейки, въ серединѣ вертикальнаго протяженія конечной буквы слова. Гейтлеръ же разставилъ запятая, сохранивъ, однако, кое-гдѣ и точки. Если этотъ знакъ г. Гейтлеръ принималъ за запятую, то какой резонъ былъ ставить точку надъ линейкой при тождественности этихъ знаковъ въ подлинникѣ?... 2) У г. Гейтлера есть только два надстрочныхъ знака ⁴⁾, между тѣмъ какъ въ подлинникѣ ихъ три ⁵⁾: ‘, ~, ` . Послѣдній знакъ—*accentus gravis*—самымъ яснымъ образомъ замѣчается надъ ï (2 раза въ 4-й строкѣ—17 b.), оѣа (17-я строка *ib.*), тѣонхъ (24-я строка.). Сохраненіе надстрочныхъ знаковъ—важнѣйшее обстоятельство при опредѣленіи вѣка памятника ⁶⁾; мы въ своемъ трудѣ подробно разбираемъ всѣ древнѣйшіе памятники, аналогичные Син. Требнику со стороны знаковъ, и находимъ возможнымъ въ этомъ отношеніи подвести Син. Требникъ подъ извѣстный типъ памятниковъ. Что было-бъ, еслибы мы имѣли изданіе съ опущенными надстрочными знаками, не пользуясь снимками съ оригинала?!... 3) У г. Гейтлера напечатано: по ѡбѣдѣ (5-я строка), а въ подлинникѣ имѣемъ по ѡ бѣдѣ, т. е. ѡ отодвинуто отъ бѣдѣ, по крайней мѣрѣ, на 6 миллиметровъ, что очень рѣзко бросается въ глаза въ виду, вообще скатаго письма на нѣкоторыхъ страницахъ Син. Требника ⁷⁾. Разстояніе это почти такое-же какъ между

⁴⁾ Не считая титлѣ.

⁵⁾ За неимѣніемъ другихъ надстрочныхъ знаковъ въ типографіи мы позволимъ себѣ сдѣлать замѣну; острый уголъ съ вершиной на лѣвой сторонѣ мы замѣнили острымъ удареніемъ (*accentus acutus*), а острый уголъ съ вершиной вверху—облеченнымъ (*circumflexus*).

⁶⁾ По видимому, Гейтлеръ самъ не придаетъ особеннаго значенія этимъ знакамъ; по крайней мѣрѣ, въ его обширномъ палеографическомъ трудѣ имъ удѣлено очень мало мѣста. Это мы увидимъ и далѣе при разборѣ изданія.

⁷⁾ Въ переписи Син. Требника можно подмѣтить, по крайней мѣрѣ, два различныхъ почерка, двѣ руки. Это видно изъ находящихся у насъ снимковъ, которые такъ удачно сняты съ двухъ почерковъ.

по и ѿ. Быть можетъ, эта мелочь и не пригодилась-бы изслѣдователямъ, но для образцоваго изданія передача ея необходима: слѣдуетъ, чтобы печатное изданіе во всѣхъ отношеніяхъ могло замѣнить подлинникъ. 4) У г Гейтлера въ этомъ листѣ совершенно пропущено одинъ разъ титло надъ словомъ: СТЫИ (14-я строка). Въ подлинникѣ оно есть. 5) Листъ 176 въ подлинникѣ начинается большою буквою Г, хотя и не Заставною, но, во всякомъ случаѣ, выходящею изъ строки, а не строчною, какъ у Гейтлера. Кромѣ этихъ промаховъ мы имѣемъ и гораздо важнѣйшіе: 6) Въ строкѣ 14-й у г. Гейтлера напечатано МОЛТВАМИ, а въ подлинникѣ стоитъ МОТВАМИ. Этотъ промахъ очень значителенъ, т. е. въ Синайской Глаголицѣ, вообще, мы довольно часто находимъ соединеніе двухъ согласныхъ буквъ въ одномъ начертаніи—родъ вязи,—напр., тк въ Син. Псалтыри очень часто—(см. л. л. 8—множьст^ткомъ; по множьст^ткоу—л. 9. и мн. др.); гд—егда—Син. Пс. л. 130. лк—улкум—Син. Псал. л. 132 тц—отцъ—Син. Пс. л. 263. и др. Слѣд., можно было бы подумать, что и эти слова въ подлинникѣ написаны ввязю, между тѣмъ какъ они съ буквеннымъ титломъ, Въ виду всего этого промахъ г. Гейтлера непростителенъ. Кромѣ этого, промахъ г. Гейтлера служитъ препятствіемъ къ опредѣленію количества буквенныхъ титлъ. По количеству-же таковыхъ, какъ извѣстно, можно узнать, какія слова могли сокращаться безъ опасенія за ихъ удобопонятность въ сокращенномъ видѣ; тѣмъ болѣе, что въ Син. Требникѣ, вообще, немного такихъ сокращеній. 7) Самъ г. Гейтлеръ въ предисловіи къ своему изданію говоритъ:
U ostalom se moja transkripcija drži obiĉnih pravila: въ вопросѣ о передачѣ трехъ глагольскихъ, „обычныхъ“ начертаній для звука *i* ⁸⁾. И самъ-же издатель этихъ „обычныхъ“ правилъ не соблюдаетъ: въ 3-й строкѣ (того-же л. 17 b.) въ подлинникѣ читаемъ: *í помнлоуѣ*, въ изданіи-же Гейтлера печатается *и помнлоуѣ*. Это опять непростительно и въ виду предупрежденія, и въ виду того

⁸⁾ См. Предисловіе къ изданію Требника. Стр. VIII.

обстоятельства, что *і* въ Син. Требникѣ по преимуществу, по крайней мѣрѣ, въ этомъ листѣ, играетъ роль союза, соединяющаго предложенія или ихъ части. 8) У г. Гейтлера въ этомъ-же листѣ даже совсѣмъ пропущена буква ⁹⁾; въ изданіи читаемъ: **посыщтъ** (строка 18-я), а въ подлинникѣ—**посыщатъ** ¹⁰⁾. Это очень важно въ виду нерѣдко встрѣчающихся такихъ формъ въ Син. Требникѣ, какъ **присажни́мь**—л. 24 а. и мн. др.

Наконецъ 9). Едва-ли не самое важное, что г. Гейтлеръ очень непослѣдовательно передаетъ глагольскій знакъ для буквы „земля“—з. Если онъ передаетъ его кирилловскимъ з, то слѣдовало-бы вездѣ, гдѣ въ подлинникѣ стоитъ этотъ знакъ, сохранять однообразную его транскрипцію въ печатныхъ изданіяхъ. Между тѣмъ, мы видимъ у г. Гейтлера: **избытъкы** (1-я строка 17 в.), **земъными** (11-я строка), но **люкъзно** (21—22 строки). Въ подлинникѣ же во всѣхъ трехъ случаяхъ написано одно и то-же з. Послѣдовательность въ этомъ отношеніи весьма существенна въ виду того, что **з** есть собственно сибилантъ, образовавшійся изъ задне-небнаго, гортаннаго звука г. Возможна передача глаг. „земля“ и черезъ **з**, но тогда не къ чему этотъ знакъ **з** путать со знакомъ **с**, такъ какъ такая путаница можетъ ввести въ заблужденіе тѣмъ болѣе, что **с** особенно настойчиво проводится на письмѣ въ памятникахъ Македонской родины или приблизительно въ тѣхъ окрестностяхъ ¹⁰⁾.

⁹⁾ Въ Синайской-же Псалтыри встрѣтился намъ пропускъ цѣлой строки въ л. 133 пропущено: **и къ силъ ткои сжди ма.** 16-я строка.

¹⁰⁾ Въ трехъ словахъ **посыщтъ**, **посыщатъ** и ниже **присажни́мь** какъ здѣсь, такъ и въ приложенномъ снимкѣ, надъ **ш** и **ж** долженъ бы стоять большой *юсъ*, изъ мелкаго шрифта, но за неимѣніемъ въ типографіи такого надстрочнаго знака ничего не ставится.

¹¹⁾ Относительную правильность въ употребленіи знака «зѣло» мы видимъ въ хиландарскихъ листкахъ XI в. (Поуч. Кир. Іерусал.); Болонская Псалтырь—XII в.; Охридск. Апост.—

Такъ какъ ни Син. Требникъ, ни Син. Псалтырь не отличаются строгой правильностью въ употребленіи *z* и *s*, то весьма желательно было-бы знать доподлинно, какой процентъ въ количествѣ употребленія *z* и *s* въ Синайской Глаголицѣ выпадаетъ на долю каждой изъ этихъ буквъ. Но при изданіяхъ Гейтлера мы лишены возможности такого изысканія. Въ Син. Псалтыри Гейтлеромъ введенъ еще знакъ „*z* съ черточкой“ для передачи глаг. *s*, слѣд., въ Син. Псалт. мы имѣемъ три знака: *s*, *z* и „*z* съ черточкой“. Какой изъ нихъ соотвѣтствуетъ глагольскому *z* и *s*? Ясно другихъ употребленіе „зѣло“ изъ гортаннаго *g*. Такимъ образомъ если въ одной страницѣ одного листа мы нашли девять разнообразныхъ видовъ въ недосмотрахъ *g*. Гейтлера, то что остается думать объ изданіи памятника въ 106 листовъ, по двѣ страницы на каждый листъ, т. е. въ 212 страницъ? Сколько во всемъ изданіи недосмотровъ? Какое представленіе получится объ этомъ памятникѣ у изслѣдователя?...

На всѣ эти вопросы предоставляемъ отвѣтить читателю, котораго просимъ не забыть, что мы разобрали только еще ту страницу, снимокъ съ которой приложенъ къ самому изданію *g*. Гейтлера, какъ-будто нарочно для сравненія. Въ нашемъ распоряженіи еще 2 страницы изъ Требника. Не желая утомлять читателя подробнымъ перечисленіемъ недосмотровъ и ошибокъ ученаго издателя, да и не имѣя возможности прослѣдить всѣ недостатки изданія, мы скажемъ только о количествѣ такихъ погрѣшностей въ имѣющихся у насъ подъ руками еще двухъ страницахъ подлинника ¹²⁾.

Въ листѣ 49 а *g*. Гейтлеръ особенно безцеремонно

ХІІ в. хилауд. 4—Евангеліе—ХІІІ в. (м. б. и ХІІ вѣка) и мн. др. Въ глаг. памятникахъ, вообще, замѣчается меньшая послѣдовательность въ употребленіи *s*.

¹²⁾ Мы могли-бы и для прочихъ страницъ, кромѣ 17 в. дать параллельный обзоръ ихъ въ подлинникѣ и въ изданіи, но владѣлецъ этихъ снимковъ съ Требника и Псалтыри, уважаемый профессоръ Н. П. Кондаковъ, просилъ насъ не печатать цѣликомъ принадлежащихъ ему глаголическихъ снимковъ.

поступилъ съ надстрочными знаками: онъ просто-на-просто ихъ всё опустилъ, между тѣмъ какъ въ Син. Требникѣ едвали не послѣдовательнѣе всѣхъ другихъ памятниковъ употреблены надстрочные знаки. Такое изданіе, безъ надстрочныхъ знаковъ, уже совершенно лишаетъ возможности имѣть вѣрное представленіе о памятникѣ. Далѣе, въ этомъ-же листѣ невѣрно передано глагольское *і* (см. выше); *изгонитъ* вм. *изгонитъ*; три раза напечатанъ ѣ вм. ѣ въ словахъ: *ютрынѣъ*, *зюотрыннѣмъ*, *кѣннѣннѣкы*—(строки: 6-я, 15-я, 24-я). Въ подлинникѣ въ этихъ случаяхъ—ъ. Далѣе, на этомъ-же листѣ надъ словомъ *архнерѣи*, кромѣ прочихъ знаковъ, пропущенъ и очень важный знакъ *̄* надъ *рх*, знакъ, который, очевидно, имѣетъ реальное значеніе: онъ означаетъ здѣсь пропускъ глухого звука, присутствіе котораго вполнѣ объясняется въ данномъ случаѣ нелюбовью др.-сл. языка къ стеченію нѣсколькихъ согласныхъ звуковъ, которые онъ обыкновенно раздѣлялъ однимъ изъ глугихъ ѣ или ѣ. Особенно развита эта вставка глухого звука при стеченіи носоваго согласнаго съ другимъ какимъ-нибудь согласнымъ¹³⁾. Ср. такое-же правописаніе, какъ въ Син. Требникѣ, въ Остр. Евангеліи—*архнерен*—Вост. 163 г., 199 в., 290 г., 291 б. *архнерева*—161 б. Не смотря на все это, г. Гейтлеръ напечаталъ въ своемъ изданіи *архнерѣи* безъ всякаго надстрочнаго знака—противъ подлинника.

Послѣдній листъ, который мы имѣемъ изъ Син. Требника, есть—90 в. Здѣсь встрѣчается еще болѣе грубый недосмотръ: г. Гейтлеръ, кромѣ обычнаго опущенія всѣхъ надстрочныхъ знаковъ и невѣрной передачи глагольскаго *і*, допустилъ еще слѣдующую ошибку: вмѣсто *кышннѣхъ*, какъ читаемъ въ подлинникѣ, напечатано *кышннѣхъ*—(строка 12-я)—этимологическая ошибка. Все это внушаетъ осторожность и недовѣріе при пользованіи изданіемъ г. Гейтлера—Синайскимъ Требникомъ.¹⁴⁾

Въ Синайской Псалтыри еще болѣе промаховъ и не-

¹³⁾ См. Miklosich. Lautlehre. Wien. 1850. p. 17. § 27. Подробно объ этомъ въ нашемъ трудѣ.

¹⁴⁾ Полное заглавіе изданія см. въ приложеніи снимка.

досмотровъ. Впрочемъ, быть можетъ, этихъ промаховъ солидное количество въ обоихъ изданіяхъ, но мы имѣемъ подъ руками большее количество снимковъ съ Псалтыри, чѣмъ съ Требника, и потому болѣе недостатковъ можетъ быть открыто. У насъ подъ руками слѣд. снимки: л. л. 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 31-й, 128-й, 129, 130-й, 131-й, 132-й, 133-й, 197-й, 216-й, 262-й и 263. Итого, — 17 листовъ¹⁵⁾. Скажемъ въ самыхъ общихъ чертахъ о нихъ.

На л. 6-мъ видимъ: вѣскжж в.м. вѣскжж; лѣжж в.м. лѣжж; вѣзовжж в.м. вѣзовжж. Въ Син. Псалтыри г. Гейтлеръ болѣею частью передаетъ глагольское „земля“ черезъ *z*, а „звѣло“ черезъ *z* съ черточкой.

Въ этомъ же мѣстѣ лица в.м. лица. Въ листѣ 7-мъ пшеница, тѣк, единого, вѣоуши, ты, еси напечатаны невѣрно, т.е. такъ: пшеница (1—2); тѣк (5); единого (ibidem); вѣоуши (9); ты (17); еси (18); даже: твоима в.м. моима—стр. 21-я. Въ листѣ 8 нѣсколько разъ у г. Гейтлера напечатано и в.м. и и ъ в.м. ѡ. Въ 9-мъ листѣ перепутаны ъ и ѡ. Въ 10-мъ тоже перепутаны ъ, ѡ, и и ѡ.

Въ 11-мъ—тоже и в.м. мо ю стоитъ моюю. Не перечисляя далѣе всѣхъ ошибокъ, скажемъ, что ихъ достаточное количество имѣется и въ остальныхъ листахъ. Есть даже такой существенный недосмотръ: во *zълокж* вмѣсто во *zълоко* — л. 130. Этотъ недосмотръ издателя, если онъ повторится нѣсколько разъ, можетъ вліять даже на построение фонетики Синайской Псалтыри. Извѣстно, что замѣна ж звукомъ о очень часто характеризуетъ даже весь памятникъ въ цѣломъ его составѣ, а тѣмъ болѣе это относится къ глаголическимъ памятникамъ, гдѣ ж и о очень легко путаются; стоитъ только съ теченіемъ времени или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ стереться второй половинѣ у глаголитск. начерта-

¹⁵⁾ Три изъ перечисленныхъ листовъ находятся въ приложеніяхъ къ труду Гейтлера—Die alb. u. sl. Schriften и къ изданію Псалтыри Эти листы суть: 197-й, 216-й и 31-й. Полное заглавіе изданія Псалтыри: Psalterium, Glagolski spomenik Monastira Sinai brda. Izdao D-r Lavoslav Geitler. U Zagrebu. 1883.

нія для ж; часто сами переписчики дѣлали при всей своей точности подобныя описки, но издатель въ XIX вѣкѣ не есть переписчикъ, да еще переписчикъ какого-нибудь X, XI и др. вѣковъ. Если-же мы имѣемъ такіе промахи въ изданіи памятника, то мы невольно отнесемъ ихъ на счетъ переписчика и будемъ введены въ заблужденіе, не допуская неаккуратности въ изданіяхъ такого ученаго, какъ г. Гейтлеръ. Въ данномъ-же случаѣ г. Гейтлеръ своимъ ж-мъ вм. о ступешвалъ даже особенность памятника. Впрочемъ, за неимѣніемъ бѣльшаго количества снимковъ, мы не можемъ рѣшить вопроса объ этой особенности Син. Псалтыри. Выше мы уже замѣтили, что въ листѣ 133-мъ пропущена цѣлая строка. Итакъ, въ своей замѣткѣ мы еще далеко не исчерпали всего, имѣющагося у насъ подъ руками, матерьяла, мы не говорили также о многихъ неточностяхъ и недосмотрахъ, которые встрѣчаются, напр., въ предисловіи издателя къ Син. Псалтыри, а между тѣмъ простое перечисленіе однихъ ошибокъ и недосмотровъ г. Гейтлера въ его изданіяхъ Требника и Псалтыри заняло уже довольно много мѣста. Но не касаясь другихъ недостатковъ, можно и изъ предъидущаго видѣть, что на изданіи профессора Гейтлера полагаться нельзя.

Изъ предъидущаго-же мы видимъ, что изданія г. Гейтлера не только не могутъ соперничать съ изданіями древне-славянскихъ памятниковъ г.г. И. И. Срезневскаго и И. В. Ягича, но даже не могутъ быть и сравниваемы съ изданіями послѣднихъ, а потому не можемъ не выразить своего желанія, чтобы такіе важныя памятники славянской старины и по правописанію, и по языку, каковы Синайскій Требникъ и Синайская Псалтырь, были переизданы вновь и могли-бы служить вмѣсто подлинниковъ подобно изданіямъ Срезневскаго и Ягича.

Евгеній Будде.

Одесса. 1884 года.

У Гейтлера:

Слѣдуетъ быть:

ГІ́ НСХЕ. БЛГВН. І́ НСПЛННН І́ЗБЫ
ТЪКЫ, НЕДОСТОИ́ННЫХЪ РАБЪ
ТВОИ́ХЪ, И́ ПОМНЛОУ́И, Ё́КО СТЬ Ё́СИ
БСЕГДА́ НЫ́НЬ И́ ПРНСНО́ И́

ГІ́ НСХЕ. БЛГВН. І́ НСПЛННН І́ЗБЫ
ТЪКЫ. НЕДОСТОИ́ННЫХЪ РАБЪ
ТВОИ́ХЪ. І́ ПОМНЛОУ́И. Ё́КО СТЬ Ё́СИ
БСЕГДА́ НЫ́НЬ И́ ПРНСНО́ И́

МО́ ПО О́БЕДЪ

МО́ ПО О́ БЕДЪ

ТЕБѢ́ И́СТИННЬНОУ́МОУ́ У́КЛЮБЪ
ЦЮ́ БОУ́ МЫ́ ГРѢШНННІ́ І́ НЕДО
СТОИ́НННІ́ РАБНІ́ ТВОИ́, НАСЫЩЬ
ШЕ́ СЯ, БОГАТЫ́ХЪ БЛАГЪ́ ТВО
И́ХЪ, ХВАЛЖ́ ТЕБѢ́ ПРННОСИ́МЪ.
І́ МОЛИ́МЪ ТИ́ СЯ́ ВЛКО́, СЪ́ ЗЕМЬ
НЫ́МН БЛАГЫ́, І́ НѢ́СЪНЫ
МЪ́ ТВОИ́МЪ ДАРО́МЪ. ПРНУАСТЬ
НИ́КЫ НЫ́ А́ВНІ́. МОЛТВА́МН СТЫ́
И́ БРЦА́. І́ ВЪ́СЪХЪ СТЫ́ХЪ ТВОИ́
ХЪ. Ё́КО ПОДОБА́ЕТЪ ТИ́ ВЪ́СА СЛАВА
О́ЦА́ И́ СНА́ И́ СТА́АГО ДХА́. НЫ́НЬ

ТЕБѢ́ И́СТИННЬНОУ́МОУ́ У́КЛЮБЪ
ЦЮ́ БОУ́ МЫ́ ГРѢШНННІ́. І́ НЕДО
СТОИ́НННІ́ РАБНІ́ ТВОИ́. НАСЫЩЬ
ШЕ́СА. БОГАТЫ́ХЪ БЛАГЪ́ ТВО
И́ХЪ. ХВАЛЖ́ ТЕБѢ́ ПРННОСИ́МЪ.
І́ МОЛИ́МЪ ТИ́ СЯ́ ВЛКО́. СЪ́ ЗЕМЬ
НЫ́МН БЛАГЫ́. І́ НѢ́СЪНЫ
МЪ́ ТВОИ́МЪ ДАРО́МЪ. ПРНУАСТЬ
НИ́КЫ НЫ́ А́ВНІ́. МОЛТВА́МН СТЫ́
И́ БРЦА́. І́ ВЪ́СЪХЪ СТЫ́ХЪ ТВОИ́
ХЪ. Ё́КО ПОДОБА́ЕТЪ ТИ́ ВЪ́СА СЛАВА
О́ЦА́ И́ СНА́ И́ СТА́АГО ДХА́. НЫ́НЬ

МО́ Ё́ГДА́ БРАТНІ́ ПОСЪЩАТЬ
СЕБѢ́

МО́ Ё́ГДА́ БРАТНІ́ ПОСЪЩАТЬ
СЕБѢ́

БЖЕ́ ПОСЪЩЕ́И А́ВРАМА́. ПРѢДЪ
ДА́ НАШЕГО́, ПОЛОУ́ДЬНЕ, І́ ЛЮ
БЪЗНО́ БЛГВН І́. СЪ́ ВЪ́СЪМЪ ДО
МОМЪ́ СВОИ́МЪ. БЛГВН І́ НЫ́.
ПРНШЕСТВНІ́Е́ РАБЪ́ ТВОИ́ХЪ, І́

БЖЕ́ ПОСЪЩЕ́И А́ВРАМА́. ПРѢДЪ
ДА́ НАШЕГО́. ПОЛОУ́ДЬНЕ. І́ ЛЮ
БЪЗНО́ БЛГВН І́. СЪ́ ВЪ́СЪМЪ ДО
МОМЪ́ СВОИ́МЪ. БЛГВН І́ НЫ́.
ПРНШЕСТВНІ́Е́ РАБЪ́ ТВОИ́ХЪ. І́

(Euchologium Glagolski spomenik Mo-
nastira Sinai Brda izdao Dr. Lavoslav
Geitler. U Zagrebu. 1882. Листъ
17. в.).

(Наша транскрипція съ глагольскаго
снимка, приложеннаго къ вышеука-
занному сочиненію проф. Гейтлера.
Этотъ снимокъ приложенъ и къ из-
данію Синайскаго Требника).

Какъ въ правомъ, такъ и въ лѣвомъ столбцѣ мы сдѣлали только одно отступленіе: выкинули четверочіе и знакъ—наклонную линію съ точками по бокамъ; первое стоитъ при началѣ заглавія, второй при концѣ молитвы или заглавія. Въ этихъ знакахъ нѣтъ разногласія между подлинникомъ и изданіемъ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ГОВОРА СЕЛА СЕРГЬЕВКИ

[Бобровскаго уѣзда Воронежской губерніи] ¹⁾.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію очерка говора села Сергѣевки, миѣ кажется, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ I) о важности изученія говоровъ въ селахъ Ворон. губерніи, о матеріалѣ, которымъ я пользовался при составленіи очерка; II) объ особенностяхъ самаго говора; III) — о пѣсняхъ со стороны содержанія и IV) въ заключеніе укажу на трудности, которыя представляетъ русская азбука 1) при передачѣ народной рѣчи письменно и 2) при обученіи грамотѣ.

I.

Воронежская губернія, какъ и нѣкоторыя другія, образовавшіяся изъ переселенцевъ съ разныхъ концовъ земли русской, представляетъ широкое поле для изученія народныхъ говоровъ, строго хранимыхъ каждымъ селомъ. Для наблюдателя, не имѣющаго возможности объѣхать всю необъятную Матушку — Русь, чтобъ изучить говоры, села названной губерніи могутъ дать богатая данная, на основаніи которыхъ онъ съ вѣроятностью можетъ судить о говорахъ цѣлыхъ уѣздовъ, губерній, откуда выселились крестьяне того, или другого села. Названія селъ (въ Воронежскомъ уѣздѣ), какъ: Московское, Коломенское, Мосальское, Можайское, Данковъ и др., далѣе рѣзко бросающіяся въ глаза особенности говоровъ, напр.: каго, яго, каво, чаво, цово; што, що; берѣшъ, берешъ; идѣ, идетъ, идя, наконецъ, самыя клички жителей одного села, данная жителямъ другого, какъ: кагуны, ягуны,

¹⁾ Очеркъ этотъ читанъ въ собраніи С.-Петербургскаго Филологическаго Общества 28 января 1883 года.

цуканы и др.,—все это говоритъ за то, что здѣсь припелыцы съ разныхъ концовъ Россіи, что здѣсь каждое село съ своимъ говоромъ въ маломъ видѣ увздъ Московскій, Коломенскій, Можайскій и др. съ ихъ говорами.

Матерьяломъ, который легъ въ основу моего очерка, послужили для меня 24 №№ пѣсенъ, записанныхъ мною. Способъ записыванія былъ принять слѣдующій: каждая пѣсня записана мною со словъ, провѣрена съ голоса и въ третій разъ опять со словъ. Когда мнѣ стали диктовать пѣсни, я замѣтилъ, что пѣсня та же, да не та: и стихи переставлены, и звуки нѣкоторыя измѣнены, напр.: вм. глухого *a*, слышимаго при пѣніи, является чистое *a*. Это обстоятельство заставило меня просить записанную со словъ пѣсню пропѣть. Послѣ этого у меня возникъ вопросъ: сходенъ ли языкъ пѣсенъ съ разговорнымъ? Сличивъ одинъ съ другимъ, я убѣдился, что, кромѣ двухъ-трехъ непонятныхъ словъ, встрѣтившихся въ записанныхъ пѣсняхъ, языкъ пѣсенный отъ разговорнаго ничѣмъ не отличается, а появленіе глухихъ звуковъ при пѣніи объясняется скоростью самаго пѣнія, особенно при пѣніи плясовыхъ пѣсенъ, и стремленіемъ сократить звукъ, чтобъ получить рѣзкованный стихъ. Непонятныхъ словъ, какъ: дубродушка, ма-лаханъ (названіе мѣстности), не могли объяснить и сами поющіе. Я обратилъ на это вниманіе, и оказалось, что пѣсни съ непонятными словами заимствованы отъ крестьянъ сосѣднихъ селъ, а нѣкоторыя пѣсни заимствованы не такъ давно. По языку эти пѣсни нисколько не отличаются отъ пѣсенъ, которые издавна поются Сергѣевцами. Такъ, напр., пѣсня: «Куды шъ, милай, и тья жжаи шъ» стала пѣться въ Сергѣевкѣ всего года съ два. Она заимствована Сергѣевцами у жителей села Покровской Хавы, въ рабочую пору, прѣзжающихъ цѣлыми семействами на заработки въ степь, прилегающую къ Сергѣевкѣ. Говоры рѣзко отличаются другъ отъ друга, но въ заимствованной Сергѣевцами пѣснѣ уже нельзя найти особенностей говора Хавскаго.

II.

ФОНЕТИЧЕСКІЯ ОСОБЕННОСТИ.

а) ГЛАСНЫЕ ЗВУКИ.

1. Звукъ е безъ ударенія.

Звукъ е въ началѣ слова, послѣ гласныхъ, послѣ з, в, и послѣ согласныхъ безъ ударенія ²⁾ произносится,

І какъ я:

1.) въ корняхъ словъ:

Ни съ моёй ли са старонушки

Сокаль яснай приляталъ? I, 4. ³⁾

Хвостъ пичальна распустилъ (соколь) ib. 6.

Патанули (подушки) съ горя ва слязахъ II, 11.

Заливалась горькею слязой. II, 9.

Назави мне (дѣвушку) радной сястрой! III, 8.

Пойдём-тя, рябяты, къ маму дяди,

Папросим-тя, рябяты, въ займы деньгахъ. VI, 1, 2.

За сталомъ сидитъ Фяклѹшка. V, 13; (но

Што шъ ты, Фѣклушка, ня пѣшь? ib. 15.)

На—сярцахъ (милай) сволачъ горячь, X, 9.

Какъ рявнивая жана

Всею ночьюю ни спала XX, 21, 22.

Привязли маркву вазами XX, 30.

Бяритья, рябяты, па палѣну,

Шшаплайтя вы лучину па-мяльчя VI, 5, 6.

Салавей—саловьюшикъ,

Што ня весяль ты сидишь,

Галовку павѣсилъ,

Зярно, права, не клюёшь? VIII, 1—4.

Па плячамъ кудри ляжа, (=лежать)

Па плячамъ русий ляжа (у молодца) XIV, 13, 14.

²⁾ О передачѣ двухъ различныхъ звуковъ, передаваемыхъ въ письмѣ одною буквою е см. IV отд.

³⁾ Цифры обозначаютъ—первая № пѣсни по сборнику, вторая—стихъ. Цѣликомъ пѣсни эти мы не приводимъ здѣсь.

Толька дала (судьба) ядну горькюю пичаль:
 День настаня—я въ пичали прахажу;
 Ночька приде—ва слязахъ я спать лажусь
 XVI, 4—6.

Яво (мужа) кости ва гропъ сабярёмъ... ib, 15.

Почасти вясуть (капитану). XIX, 43.

Какъ за ней (Катенкай) стирдь дяржали. ib. 13.

Няльзя въ полъ рабатать XVШ, 2.

Паляржи мине гадокъ. XX, 2.

Каво я (дѣвушка) любила, яво здѣсь тутъ нѣтъ
 XXI, 4.

Яму троичка гатова XXII, 11.

2.) въ окончаніи

а) именительнаго и винительнаго падежей един. ч. существ. ср. р. мягкаго склоненія:

Пайду съ горя въ чиста поля VП, 9.

Найдѣ на тебе (сударушку) таска-горя. ib. 19.

Кабы зналъ я тваѣ счастья... П, 27.

б.) въ окончаніи творительнаго падежа именъ существительныхъ, оканчивающихся на я:

Кладитя, рябятя, тетку съ дядяй. VI, 8.

в.) въ именит. и винит. падежѣ ср. р. отъ прилагательныхъ мѣстоименныхъ:

И шалковая мая адыяла

Не сгрѣла яна груть маю. П, 12, 13.

г.) въ окончаніи сравнительной степени:

Шшаплайтя вы лучину памяльчея,

Разводитя ягонь пажарчея VI, 6, 7.

д) тематическое *e* въ 3-мъ л. ед. ч. глаг. 1-го, 2-го, части 3-го, 5-го и 6-го разрядовъ:

День настаня—я въ пичали прахажу XVI, 5.

(Воздушекъ) дуя-падувая, гдѣ мой миленькей
 живѣ,

Живѣ—пживая ва багатенькамъ даму... XXI, 6, 7.

Если неударяемому *e* предшествуетъ шипящій звукъ, тогда *e* произносится, какъ *a*:

1) въ корняхъ:

Да хто у насъ виновать

Хорошаю жану брать?

Хорошая жана—мать... IV, 1—3.

Почасти нясутъ (капитану) XIX, 43.

Шшапляйтя вы (рябаты) лучину помяльчея VI, 6

2) въ 3 л. ед. ч. наст. вр. въ глаголахъ:

Намъ дядинка скажа: «деняхъ нѣту»,

А тетинка скажа: «ни капейки». VI, 3, 4.

II. Звукъ *e* произносится, какъ *и*:

1) въ корняхъ:

Штошъ ты, милай, мене покидаишь? VII, 1.

Кабы зналъ я тваё счастья,

Не поѣхалъ бы я бисъ тебе (милой) II, 27, 28.

Часаль милай кудри

Ни грябёнкой—грибашкомъ XIV, 15, 17.

Ни пахожа (милая) стала на мене. II, 26.

Пасадиле (малчончя въ астрохъ) на видѣлю.

XXII, 5;

впрочемъ случаи такой замѣны звукомъ *и* звука *e* рѣдки.

2) тематическое *e* наст. вр. глаг. прикрытое личнымъ окончаніемъ, произносится, какъ *и*:

Штошъ ты, милай, мене пакидайшъ,

Ай ты чаво за мной знаишь? VII, 1, 2.

Бяритя, рябаты, па касушкѣ,

Запьемъ, загуляимъ, заплышимъ. VI, 11, 12.

2. *e* съ удареніемъ.

E съ удареніемъ произносится, какъ *ё*:

1) въ корняхъ:

Штошъ ты, Фёклушка ня пьешъ? V, 15.

Развадитя (рябаты) ягонь пажарчея,

Кладитя, рябаты, тётку съ дядяй. VI, 7, 8.

Пріютешъ-ка (милай) горькихъ слёсъ!

Въ нѣбѣ видна, въ нѣбѣ ясна,

Въ нѣбѣ звѣздушки гаря, I, 15—17.

2) въ окончаніи

а) именит. и винит. падежей ед. чис. ср. р. мѣстоименій и прилагательныхъ:

Прастудилъ ёнъ (мѣладецъ) сваё бѣлаё лицо.
IX, 15.

Ты пастой-ка—не умирай-ка,
Маё милоё дитё! XIV, 3, 4.

б) —творит. падежа жен. р. мѣст. прилаг.:

Ёнъ сваёю красотою—
Сваёй рыжай барадою
Пугая (=пугаетъ) mine. XIX, 25—27.

в) тематическое е въ глаголахъ наст. вр. подъ удареніемъ произносится, какъ ё:

Што шь ты, Фёклушка, ня пьёшь,
Стаканъ въ руки ни бярёшь? V, 15, 16.

Патхажу я къ таму дому,
Гдѣ мой миленькей живё. I, 9, 10.

Ёнъ (товарищъ) берё, берё касушку... V, 7.

Найдё на тебе таска—горя. . VII, 19.

Жалка, жалка мнѣ таво,

Хто съ кѣмъ расстаётца. XII, 9, 10.

3. Звукъ е, передаваемый на письмѣ чрезъ ѣ.

Этотъ звукъ въ большинствѣ случаевъ слѣдуетъ въ произношеніи звуку е, т. е. произносится,

I какъ я:

1) въ корняхъ:

И шалковая мая одяяла,

Не согрѣла яна груть маю. II, 12, 13.

Глупая, красная дявица!

У насъ въ палку такихъ ни бывала. III, 9, 10.

Ва Сяргѣевскамъ лясочкю

Двѣ дявчонки думали. V, 1, 2.

Ва етамъ ва лясочкю—

Тамъ дарожанька ляжить,

Какъ на етай па дарошки—

Тамъ мой миленькей бяжить. X, 17—19.

Паказалси миѣ (молодой) лясокъ ни высокъ.

XIII, 10.

Люди бають и гутарють, гаваря:

«Твоимъ дятѣмъ сиратами вякавать». XVI,

10, 12.

На тибѣ (молодца) вяицьи надѣнуть. XXIII, 14

2) въ окончаніи мѣстнаго падежа именъ
сущ. м. р. тверд. склон. и ж. р. такого же скл.:

Счастливай табѣ, милѣй, путь-дарошка...

Я и ядна въ дома ястаюся...

Пайду съ горя я въ чиста поля,

Пайду въ лѣси я разгуляюсь. VII, 5, 7, 9 и 10.

Теперь я, саловьюшикъ,

Въ астрогя сижу. VIII, 19, 20.

На машина свистокъ тонакъ,

Итъязжая мой милѣнакъ... XXIV 5, 6.

П) — какъ *и* въ окончаніи дател. и мѣстн.
пад. существ. ж. р. тверд. склон.:

Какъ на етай па дарошки—

Тамъ мой миленькей бяжить. X, 18, 19.

Расчасамши милой кудри

Вдоль па юлицы прашоль,

Ка сударушки зашоль. XIV, 18—20;

но случаевъ, гдѣ *ь* въ названныхъ падежахъ
равно въ произношеніи звуку *е*, кажется, го-
раздо больше, чѣмъ выше указанныхъ.

4. Звукъ *и*.

Звукъ *и* иногда замѣняется звукомъ

1.) *е*, передаваемымъ на письмѣ чрезъ *ь*.
Эта замѣна встрѣчается въ мѣстномъ паде-
жѣ существительныхъ жен. рода, оканчива-
ющихся въ именит. пад. на *ь*:

Ты бали, бали, сердечья,

Юилова на грудѣ. I, 20, 21.

Урадилси нашъ Ванюша:

Ёнъ ва ржѣ на мяжѣ. IV, 15, 16.

2) всегда замѣняется звукомъ я въ 3 л. ед. чис. наст. врем. глаголовъ съ темою на и, если утрачено личное окончаніе:

Харошая жана мать—

Ана любя пагулять. IV, 3, 4.

Онъ (миленькей) ходя, гуляя па зелѣнькамъ саду XXI, 8;

если же личное окончаніе удержано, то и звукъ и сохраняется:

На сталѣ стайтъ касушка

Палугарнава вина,

За сталомъ сидитъ Фяклушка—

Яна до смерти пьяна. V, 11—14.

Залатая клѣтчка

Иссушить-крушить мине (саловьюшка),

Зялёная вѣтчыкя

Всялять съ горя мине. VIII, 13—16.

3) звукомъ о въ окончаніи прилагательныхъ на *ій*; это о, если на нёмъ нѣтъ ударенія, произносится, какъ а (см. § 5):

Выди, миленькей, ка мнѣ,

Выдь, харошай, на часокъ! I, 13, 14.

Юшъ ты, батюшка—папокъ,

Падяржи мине гадокъ,....

Купи аленкай платокъ! XX, 1, 2, 6,

5. Звукъ о.

1) Какъ звукъ е безъ ударенія произносится=я, такъ и звукъ о безъ ударенія произносится=а (е: я=о: а):

Ты гари, гари, калечкя

Юилова на рукѣ;

Ты бали, бали, сердечкя,

Юилова ва грудѣ! I, 17—21.

Съ касушкой жить ня можна,

Вазьми, милай, палуштохъ.... X, 1, 2.

2) звукъ *o* замѣняется звукомъ *и* въ предлогахъ *об* и *от*:

пастучу я *ибъ* акошка:

«Выди, миленькей, ка мнѣ!.. I, 12, 13.

Куды шъ, милай, *итъязжайшъ*,

Итъязжайшъ, милай, оставляишъ

Сваи ласкавай слава? II, 1—3.

Вотъ милаи дѣтушки

Тужуть, плачуть *иба* мнѣ. VIII, 23, 24.

Ядинъ моладецъ дявчѣнку *иблястиль*. IX, ч.

Иибмануль её *ибманшикъ* маладецъ. *ib*. 12.

Полна, Катя, не вадись,

Атъ прахвоста *итвяжись!* XIX, 17, 18.

Тибѣ женять, мой милѣнакъ,

Мине за-мушъ *иддадутъ*. XXIII, 8, 9.

Всѣ тутъ Шашы, всѣ и Машы, —

Всѣ гуляють здѣсь са мной:

Ядной Дуни маей нѣтъ:

Итправилась на тогъ свѣтъ. *ib*. 20—23.

Но рядомъ съ *ибъ*, *итъ* можно встрѣтить *абъ*, *атъ*.

Село Сергѣевка составилась изъ переселенцевъ: изъ Анны и Верхо-Тойды. Первое лежитъ отъ Сергѣевки на разстояніи верстъ 19-ти, второе — 15-ти. Переселенцы изъ Верхо-Тойды составили часть Сергѣевки меньшую, подъ названіемъ «Вагань». Этимъ именемъ, какъ мнѣ передавали, въ Верхо-Тойдѣ называется логъ и та часть села, которая расположена надъ этимъ логомъ. На Вагани говорятъ *абъ*, *атъ*; большая же часть Сергѣевки, выселившаяся изъ Анны, говоритъ *ибъ*, *итъ*. Употребленіе же въ пѣсенномъ языкѣ *абъ*, *атъ* рядомъ съ *ибъ*, *итъ*, какъ напр., въ выше приведенномъ двустишіи:

Полна, Катя, не вадись,

Атъ прахвоста *итвяжись!*

объясняется, мнѣ кажется, тѣмъ, что та и другая часть села поють пѣсни вмѣстѣ — въ хоровахъ, на свать-

бахъ, около кабаковъ, или, какъ выражаются Сергѣевцы: «на юлицѣ». Что же касается языка разговорнаго, то тутъ замѣчается вотъ что: если, напр. Ваганская дѣвушка выходитъ за-мужъ въ другую часть села, то она волей-не-волей пріучается говорить ибъ, итъ, иначе надъ ней семья будетъ смѣяться, и наоборотъ. Этотъ фактъ подтверждаетъ мое мнѣніе, высказанное въ началѣ очерка, о томъ, что говоры селами строго хранятся, а здѣсь даже частями села.

Кромѣ этой особенности въ говорахъ той и другой части села мною не замѣчено.

6. Звукъ у.

Звукъ *у* безъ ударенія замѣняется звукомъ *а* въ окончаніи винит. пад. ед. ч. прилагат. жен. рода:

Да хто шъ у насъ виновать

Харошаю жану брать? IV, 1, 2.

Срублю-сламлю червѣннаю калинку

Пать самый каряшочикъ

Пасажу-та я червѣннаю калинку

Ю милѡва въ саду проть акошка. VII, 11—14.

Мнѣ кажется, что замѣна звука *у* звукомъ *а* явилась здѣсь подъ вліяніемъ окончанія другихъ падежей: въ именит. — *ая*, род., дат., твор. и мѣстн. *ай*; окончанія эти являются, когда надъ ними нѣтъ ударенія:

Съ любимай са сторонюшки

Лехкай воздушекъ несё. XXI, 5, 6.

Какъ па етай па дарошки (въ лѣсочку)—

Тамъ мой миленькей бжжить. X, 18, 19.

Какъ ва нашай вы Рязани

Привязли марквѹ вазами. XX, 29—30.

Енъ сваёю красатою,

Сваёй рыжай барадю

Пугая мене. XIX, 25—27.

Тибѣ стануть праздравлять

Съ нарячоннаю жаной,

А мнѣ горькей сирать

Скажутъ вѣчнай упакой. XXIII, 16—18.

Такое преобладающее употребленіе *a* въ прочихъ падежахъ не могло не повліять и на винительный падежь. Приведу еще примѣръ:

Сварила пахлѣбачкю

Не саленаю,

Любилъ парень дѣвшку

Чернаброваю.

Гдѣ удареніе падаетъ на оконч. — *ую*, тамъ *у* сохраняется:

Чѣресъ кавò шъ я прападаю?

Чѣресъ рòднава атца,

Чѣресъ теста падляца,

Чѣресъ мачиху лихúя,

Чѣресъ жану маладúя. XXII, 24—28.

7. Звукъ *ы*.

1) этотъ звукъ въ окончаніи именит. и вин. пад. ед. числа прилагат. муж. р., если на немъ нѣтъ ударенія, произносится, какъ *о*:

На прошеньице милòй аставилъ

Съ руки перстень залатòй. II, 4, 5.

На встрѣчу милòй не далече

Разговаривалъ са мной. *ibid.* 20, 21.

Часалъ милòй кудри,

Часалъ милòй русьи

Ни грябѣнкай—грибшкомъ;

Расчамши милòй кудри,

Вдоль на юлицы прашолъ. XIV, 15—20.

Халастòй Ванюша жанилса,

Не въ любви жану бралъ. XV, 1—2.

2) Если же нѣтъ ударенія надъ *ы*, то оно произносится, какъ *а*:

Ни съ маёй ли са старонушки

Сокаль я снай приляталъ? I, 3, 4.

Каковъ былъ я саловьюшкь —

Сильнай, храбрай багатырь,

Я теперь Саловьюшкь

Въ астрога сижу. VIII, 17—20.

3) это *a* удерживается и во множеств. числѣ въ окончаніи именит. и винит. пад. для всѣхъ родовъ:

И пухъ ваи маи падушки
Патанули съ горя ва слязахъ. П, 19, 11.

Куды шъ, милай, итъяжжайшь,
Итъяжжайшь, милай, аставляишь
Сваи ласка ваи слава? П, 1—3.

Всѣ забыли пра мине (саловьюшка),
Вотъ мила и дѣтушки
Тужуть, плачуть иба мнѣ. VIII, 22—24.

8. Звукъ *я*.

1) Звукъ *я* произносится, какъ *и*, въ мѣстоименіи *ся*, прибавляемому къ глаголамъ:

Урадил*си* нашъ Ванюша... IV, 15.

Ни жанись-ка, друхъ Ванюша, никагда,—

Если жениш*си*, друхъ, перемѣниш*си*. XIII, 5, 6.

Халастой Ванюша жанил*си*... XV, 1.

Паказал*си* мнѣ лясокъ ни высокъ... XIII, 10.

Живи, живи, моя сударушка,

Живи, ни япъ чемъ не пчалъ*си*! VII, 16, 17.

2) *я* употребляется вмѣсто *e*. См. 1. I, 1—2. 3) вмѣсто *ь*. См. 3. I, 1—2. 4) вмѣсто *ю*. См. 9; 5) вмѣсто *и*. См. 4, 2.

9. Звукъ *ю*.

Звукъ *ю* произносится, какъ *я*, въ окончаніи винит. падежа един. ч. прилагат. ж. р., если удареніе находится на—*у*—первой части окончанія:

Салавей—саловьюшикъ,

Хатя тибѣ йизлавить,

Въ залатѹя клѣтчакю

Хатя тибѣ пасадить. VIII, 9—12.

Чѣрѣсь каво шъ я прападаю?

Чересь мачиху лихѹя,

Чѣрѣсь жанѹ маладѹя. XXII, 24, 27, 28.

С. Прядкинъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскій синтаксисъ на основаніи изслѣдованій г.г. Потебни, Миллошича и Гейзе. Составилъ Н. Баталинъ. М. 1883. *)

Въ предисловіи къ книгѣ, заглавіе которой нами выписано, авторъ говоритъ, что онъ счелъ бы себя вполне вознагражденнымъ, если бы излагаемая имъ теорія русскаго синтаксиса внесла нѣкоторое оживленіе въ дѣло школьнаго преподаванія этого предмета.

Что практика современнаго школьнаго преподаванія русскаго языка во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительна и что стремленіе внести въ нее сколько-нибудь дѣйствительное оживленіе можетъ считаться въ настоящее время какъ нельзя болѣе умѣстнымъ, въ этомъ едва-ли можетъ сомнѣваться тотъ, кто близко поставленъ къ школьному дѣлу. Мы не впадемъ въ большую ошибку, если скажемъ, что весьма многіе преподаватели русскаго языка, не долго вдумываясь въ дѣло, передаютъ, обыкновенно, своимъ питомцамъ ученіе о русскомъ синтаксисѣ по одному изъ тѣхъ шаблоновъ, какіе приняты въ массѣ учебныхъ руководствъ по русскому языку. Если же внимательно разсмотрѣть даже лучшія изъ этихъ руководствъ, то нельзя не придти къ тому печальному заключенію, что эти руководства пробаваются, обыкновенно, такими объясненіями, которыя почти ничего не объясняютъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что нѣкоторыя изъ нихъ (руководствъ), считающіяся при томъ лучшими въ педагогической прак-

*) По множеству сѣшсныхъ другихъ работъ мы запоздали дать отзывъ объ этомъ вполне научномъ и обстоятельномъ трудѣ почтеннаго автора, но лучше поздно, чѣмъ никогда.

тикѣ, не представляютъ часто даже нивакихъ объясненій—ни въ смыслѣ логическаго обоснованія существующихъ въ языкѣ синтаксическихъ явленій, ни въ смыслѣ установленія какой-либо вообще точки зрѣнія на эти явленія; въ этихъ руководствахъ на первомъ планѣ стоитъ, по обыкновенію, простое описаніе или сортировка синтаксическихъ фактовъ языка по многимъ традиціоннымъ разрядамъ и рубрикамъ. Иногда же случается и такъ, что авторы русскихъ грамматикъ, стараясь, не усвоивъ предварительно научныхъ положеній, существующихъ относительно занимающаго ихъ предмета, изъ стараго грамматическаго матеріала создать нѣчто новое, сочиняютъ или придумываютъ свою собственную, совершенно ненаучную, систему расположенія и даже объясненія этого матеріала. О такихъ грамматикахъ можно только сказать, что онѣ—безполезный плодъ жалкаго стремленія къ авторству.

Вообще мы должны сказать, что научное худосочіе существующихъ учебныхъ руководствъ по русскому языку и связанная съ этимъ ихъ малая пригодность для школьнаго употребленія сдѣлались на-столько извѣстнымъ фактомъ въ сознаніи лучшихъ преподавателей русскаго языка, что едва-ли было бы уместно въ настоящее время останавливаться на доказательствахъ этого.

Сказанное объ учебникахъ по русскому языку не можетъ относиться къ *Русскому синтаксису*, недавно изданному г. Баталинымъ. Въ виду этого, намъ въ высшей степени пріятно указать какъ на тѣ особенности книги г. Баталина, которыя характеризуютъ ее въ смыслѣ общаго взгляда на задачу синтаксической теоріи, такъ и на тѣ частныя, новые взгляды на многіе синтаксическіе факты въ области этого языка, которые внесены изъ разныхъ ученыхъ пособій въ его учебникъ и, благодаря этому, теперь легко могутъ сдѣлаться достояніемъ средней русской школы.

Несомнѣнно, новый трудъ г. Баталина далеко превосходитъ всѣ обращающіяся теперь въ нашихъ сред-

нихъ учебныхъ заведеніяхъ учебныя руководства и пособия по русскому языку. Прежде всего, въ отношеніи пониманія основной задачи синтаксическаго ученія его трудъ далеко не раздѣляетъ недостатковъ, присущихъ прежнимъ руководствамъ и пособиямъ по русскому языку. Тогда какъ въ послѣднихъ центръ тяжести синтаксической теоріи полагается, обыкновенно, въ ученіи о способахъ сочиненія и подчиненія предложеній и въ опредѣленіи тѣхъ логическихъ функцій, которыя приуси различнымъ сочиненнымъ или подчиненнымъ предложеніямъ, — въ книгѣ г. Баталина мы встрѣчаемся съ совершенно обратнымъ явленіемъ: въ ней, прежде всего, отведено самое широкое мѣсто ученію о составныхъ — главныхъ и второстепенныхъ — членахъ предложенія. Изъ 93 §§, изъ которыхъ состоитъ книга г. Баталина и въ которыхъ излагается вся теорія русскаго синтаксиса, болѣе 60 §§ посвящены исключительно синтаксису простаго предложенія. Объяснимся: правъ ли былъ г. Баталинъ, удѣливъ цѣлыя двѣ трети своей книги синтаксическому ученію о простомъ предложеніи? Намъ кажется, что отвѣтъ можетъ быть только въ утвердительномъ смыслѣ. Сводитъ почти все синтаксическое ученіе, по примѣру прежнихъ грамматикъ, къ объясненію способовъ сочиненія и подчиненія предложеній по меньшей мѣрѣ не рачіонально: задача синтаксиса должна имѣть первоначально болѣе простой видъ — установленіе правильныхъ синтаксическихъ понятій о составныхъ частяхъ предложенія, какъ болѣе элементарныхъ членахъ рѣчи. Вотъ эта-то сторона, т. е. разъясненіе разносторонняго функціональнаго значенія въ синтаксическомъ смыслѣ каждаго синтаксическаго элемента, или отдѣльнаго члена предложенія, по праву, и получила прежде всего самое полное развитіе въ книгѣ г. Баталина. Такимъ образомъ, въ своей синтаксической теоріи г. Баталинъ слѣдовалъ, такъ сказать, самой природѣ состава рѣчи. Въ связи съ этимъ стоитъ, конечно, и тотъ фактъ, что синтаксической теоріи сложнаго предложенія отведено въ книгѣ г. Баталина срав-

нительно незначительное мѣсто, такъ какъ, съ одной стороны, предварительное основательное изложеніе синтаксиса простаго предложенія, съ другой также, строго-грамматическая точка зрѣнія, положенная имъ въ основу взгляда на явленія языка, и не требовали обширныхъ теоретическихъ объясненій при изложеніи этого отдѣла грамматики. Объ этой сторонѣ дѣла скажемъ также нѣсколько словъ. Сложный синтаксисъ въ сущности имѣетъ дѣло съ простыми предложеніями, только въ новой для нихъ комбинаціи: предложенія въ сложномъ синтаксисѣ не разсматриваются уже независимо, а въ соединеніи съ другими предложеніями. Тутъ предметъ анализа, — помимо опредѣленія составныхъ элементовъ каждаго предложенія, — что входитъ въ задачу простаго синтаксиса, — составляютъ, собственно говоря, слѣдующихъ три элемента: это, во-первыхъ, тѣ члены, явные или подразумеваемые, главныхъ предложеній, съ которыми соединяются придаточныя предложенія; во-вторыхъ, тѣ формальные элементы придаточныхъ предложеній, посредствомъ которыхъ послѣднія соединяются съ главными предложеніями и посредствомъ которыхъ выражаются различныя отношенія рѣчи; въ-третьихъ, наконецъ, взаимная логическая связь предложеній, входящихъ въ составъ сложнаго предложенія. Само собой понятно, что усвоеніе первыхъ двухъ элементовъ съ цѣлію отчетливаго пониманія состава сложныхъ предложеній не можетъ представлять какихъ-либо трудностей послѣ предварительнаго основательнаго знакомства съ теоріей простаго предложенія; присущій же составнымъ предложеніямъ логическій элементъ, въ свою очередь, легко понимается изучающими синтаксисъ этихъ предложеній. Развитіе способности въ учащихся къ представленію взаимной логической связи предложеній, коренится, обыкновенно, на ихъ общемъ развитіи. Приобрѣтенная общимъ развитіемъ въ такомъ родѣ способность служить уже готовымъ и прочнымъ базисомъ, на которомъ возможно съ успѣхомъ совершать различныя логико-грамматическія упражненія отвлеченнаго характера.

Такимъ образомъ мы не можемъ не согласиться съ тѣмъ, что авторъ *Русскаго синтаксиса* былъ совершенно правъ, отвѣдя широкое, насколько возможно, конечно, въ учебномъ руководствѣ, мѣсто синтаксической теоріи простаго предложенія.

Независимо отъ сказаннаго, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что г. Баталинымъ положены въ основаніе его труда такія ученые пособія, которыя поставили послѣдній на высоту современной научной теоріи русскаго синтаксиса. Такими пособіями были: 1. Проф. Поттебни: *Изъ записокъ по Русской грамматикѣ* 2 части, 1874; 2. Fr. Miklosich, *Vergleichende Syntax d. slavischen Sprachen*. Wien. 1868—74 и 3. Heuse, *Deutsche Schulgrammatik*, Hannover. 1864. Въ критическую оцѣнку научнаго значенія этихъ пособій, хотя изъ нихъ первыя два намъ близко знакомы, мы не намѣрены входить, — такъ какъ это не входить прямымъ образомъ въ планъ нашей рецензіи. При всемъ томъ, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи отмѣтить хотя нѣкоторыя, частныя, особенности синтаксической теоріи, проводимой въ разбираемомъ нами трудѣ. Прежде указанія, впрочемъ, такихъ особенностей, замѣтимъ, что названный трудъ проф. Поттебни послужилъ главнымъ пособіемъ автору при изложеніи синтаксиса какъ простаго предложенія, такъ и сложнаго (собственно подчиненія предложеній); трудомъ же Миклошича авторъ воспользовался по преимуществу въ ученіи о дополненіи. Обращаемся теперь къ самымъ фактамъ теоріи.

Ученіе о *второстепенномъ сказуемомъ* въ первый разъ внесено въ учебникъ по русскому языку въ такой формѣ, какую оно приняло въ книгѣ г. Баталина. Сущность этого ученія заключается въ слѣдующемъ: въ рѣчи можетъ быть *глагольное сказуемое второстепенное* безъ личныхъ окончаній; такимъ сказуемымъ является *неопредѣленное наклоненіе*. Существенное назначеніе его — выражать дѣятельность *несамостоятельную*, а *второстепенную*, возникающую вслѣдствіе дѣятельности

главнаго сказуемаго: Онъ старается *работать* (*работаеть*—второстепенная дѣятельность—зависитъ отъ *старается*—главной дѣятельности). Съ точки зрѣнія грамматической такая служебная роль *неопр. наклоненія* объясняется тѣмъ, что оно не имѣетъ личныхъ окончаній и, слѣдовательно, можетъ только чрезъ посредство главнаго сказуемаго относиться къ дѣйствующему предмету. *Второстепенное сказуемое* можетъ быть: 1) *субъективнымъ*, 2) *объективнымъ* и 3) *независимымъ*. *Субъективнымъ* оно бываетъ, когда относится къ дѣятельности подлежащаго (субъекта): Онъ старается *работать*; *объективнымъ*, когда означаетъ дѣятельность другаго предмета (объекта), обозначеннаго косвеннымъ падежомъ: Прошу васъ *работать*; *независимымъ*, когда употреблено съ тѣмъ, чтобы усилить дѣйствіе главнаго сказуемаго: Знать не знаю. (Другія подробности см. въ §§ 24, 25 и 26 Русск. Синт. Н. Б.—на).

Несомнѣнное достоинство такого ученія о *второстепенномъ сказуемомъ* заключается, между прочимъ, въ томъ, что оно легко объясняетъ составъ безличныхъ предложеній, гдѣ находится *неопр. накл.* съ дат. пад. имени. Напр. Гдѣ было *взять ему*, лѣнвицу, плуту? Не худо бы намъ это *перенять*. Въ этихъ и всѣхъ подобныхъ имъ безличныхъ предложеніяхъ *неопр. наклоненіе* выражаетъ дѣятельность (второстепенную) лица, выраженнаго косвеннымъ падежомъ. Если, при этомъ обращается особенное вниманіе на *сказуемое второстепенное*,—главное сказуемое безличнаго предложенія можетъ быть опускаемо. Напр. Тебѣ бы *уйти* (второст. сказ.) (подразумѣвается *слѣдовало*—главн. сказ.).

Въ объясненіи частныхъ значеній *неопред. накл.*, какъ глагольной формы вообще, достойно замѣчанія, по нашему мнѣнію, слѣдующее:

1. *Неопр. накл.* разсматривается съ точки зрѣнія видовой функціи, отправляемой имъ; въ этомъ смыслѣ, оно, въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ означать дѣйствіе, слѣдующее за дѣйствіемъ главнаго сказуемаго, а также

и одновременное съ нимъ. Напр. Сосѣдъ сосѣда *звалъ откушать* (*откушать*—вида совершеннаго и посему означаетъ дѣйствіе, слѣдующее за дѣйствіемъ главнаго глагола *звалъ*). Соловей *являютъ* свое искусство *сталъ* (*являютъ*—вида несовершеннаго и потому означаетъ—при глаголъ прошедшаго времени—дѣйствіе одновременное съ дѣйствіемъ *сталъ*). (См. § 33. 4. 5. Р. С.).

2. *Неопр. накл.* съ дательнымъ падежомъ, не зависимо отъ того, что можетъ быть второстепеннымъ сказуемымъ (охота тебѣ лгать), бываетъ также второстепенной связкой одного дательнаго съ другимъ. Напр. *Прошу позволить мнѣ остаться неизвѣстну*. Такой взглядъ въ данномъ случаѣ на синтаксическое значеніе неопр. наклоненія, заимствованный г. Баталинымъ изъ книги пр. Потемни, давно уже долженъ былъ вытѣснить изъ учебныхъ руководствъ по русскому языку господствующій въ нихъ доселѣ ненаучный взглядъ на это наклоненіе, находящееся въ подобныхъ упомянутому выраженіяхъ, какъ на дополненіе къ главному глаголу. (См. §. 33. 6. Р. С.). При этомъ, однако, мы должны замѣтить лишь то, что употребленіе *неопр. накл.* въ качествѣ *связки* одного *дательнаго* съ *другимъ* ограничивается исключительно *стариннымъ языкомъ*; въ *современномъ языкѣ* второй *дательный* замѣняется, обыкновенно, *творительнымъ падежомъ*.

3. Наконецъ *это наклоненіе* можетъ выражать отѣнки цѣли, желанія, требованія и проч. не само по себѣ, а въ зависимости отъ смысла главнаго сказуемаго (явнаго или подразумѣваемаго), а также отъ тѣхъ формальныхъ словъ, какія находятся въ предложеніи. Напр. *Молчать!* (*есть, слѣдуетъ*—оттѣнокъ приказанія). Не перепрыгнешь, мнѣ тебя ѣсть (*придется*—оттѣнокъ необходимости). Сколь ни плакать (оттѣнокъ уступленія), а быть перестать. *Чѣмъ* любоваться тутъ? Тебѣ-ль съ словомъ возиться? (См. § 33. 7. Р. С.). Въ этой теоріи неопр. накл. важно (въ разсматриваемомъ случаѣ) то, что при ней ясно опредѣляется синтаксическое значеніе какъ главнаго сказуемаго, такъ и формальныхъ словъ,

употребляемыхъ въ рѣчи въ связи съ этимъ наклоненіемъ.

Переходимъ теперь къ объяснительнымъ словамъ—опредѣленіямъ и дополненіямъ.

Въ ученіи объ опредѣленіяхъ, какъ оно изложено г. Баталинымъ, есть много новаго и поучительнаго сравнительно съ тѣмъ, что говорится, обыкновенно, объ нихъ въ учебникахъ по русскому языку. При всемъ томъ, мы намѣрены отмѣтить лишь тѣ особенности изложенія этой важной статьи синтаксиса, которыя имѣютъ, по нашему мнѣнію, особый интересъ. Это 1) *причастія* въ дѣйств. и страд. зал. одни, а также съ своими объяснительными словами, съ синтаксической точки зрѣнія, суть *приложенія*. Напр. Впередъ поѣхала пушка, *окруженная* пѣхотными солдатами. Блестала рѣчка, льдомъ *одыта*. (См. § 44). 2) *Дѣепричастіе*, въ свою очередь, какъ опредѣленіе, имѣя свои объяснительныя слова, становится *несогласуемымъ приложеніемъ* сказуемаго. При этомъ, отношенія, опредѣленіемъ которыхъ оно служитъ, суть слѣдующія: *время*, *образъ дѣйствія*, *причина* и *уступленіе*. Напр. Лягушка, на лугу *увидѣвши* вола, затѣяла въ дородствѣ съ нимъ сравняться. Несчастнѣй тосковалъ, *бродя* по берегу Дуная. (См. § 49. I. P. C.). Такимъ образомъ, такъ называемыя сокращенныя придаточныя предложенія (при посредствѣ причастій и дѣепричастій), по синтаксической теоріи, принятой г. Баталинымъ, попали въ рядъ не предложеній, а лишь составныхъ ихъ членовъ. Въ такомъ расширеніи понятія о приложеніи *) нельзя не видѣть значительнаго шага впередъ синтаксической теоріи русскаго языка и тѣсно связаннаго съ этимъ шагомъ серьезнаго упрощенія преподаванія синтаксиса

*) Мы полагаемъ, однако, что правильнѣе было бы, съ синтаксической точки зрѣнія, называть *причастія* и *дѣепричастія*, когда они соединяются съ другими объяснительными словами, не *приложеніями*, а *составными* или *сложными опредѣленіями* въ собственномъ смыслѣ (согласуемыми, конечно, и несогласуемыми).

сложныхъ предложеній; существующія въ учебникахъ по русскому языку искусственныя правила сокращенія этихъ предложеній не мало, какъ извѣстно, по-напрасну отнимали класснаго времени при прохожденіи ихъ.

Синтаксисъ дополненій сводится авторомъ исключительно къ раскрытію всѣхъ частныхъ значеній каждаго косвеннаго падежа имени. Въ разсмотрѣніе этихъ значеній косвенныхъ падежей, а также и вообще принятой авторомъ системы дѣленія падежей по выражаемымъ ими значеніямъ мы не намѣрены входить; желающихъ познакомиться съ этимъ важнымъ предметомъ мы отсылаемъ къ самой книгѣ г. Баталіна (См. §§ 52 — 62). При всемъ томъ, мы не можемъ обойти молчаніемъ слѣдующія особенности синтаксической теоріи дополненій. Это 1) *творит. пад.* при *сказуемомъ* и его *приложеніи*, съ синтаксической точки зрѣнія, разсматривается, какъ *дополненіе*. Такой *твор.*, подобно именительному, обыкновенно, выражаетъ признакъ, относящійся къ подлежащему. Когда онъ соединенъ съ глаголомъ (исключительно вещественнаго значенія), то называется *твор. сказуемаго* (предикативнымъ); когда же соединяется съ *приложеніемъ*, выражаемымъ *дѣпричастіемъ*, то называется *твор. несогласуемаго приложенія** (апозитивнымъ), такъ какъ дѣпричастія вмѣстѣ съ *твор. падежомъ* становятся самостоятельными несогласуемыми приложеніями (ср. сказанное выше о приложеніи). Напр. Нашъ мужикъ *богатымъ* *легъ*. *Сдѣлавшись царемъ*, онъ заботился о благополучіи подданныхъ (этотъ примѣръ приведенъ нами). Разница въ значеніи употребленія имен. и *твор.* съ одними и тѣми же глаголами объясняется авторомъ такъ: «имен. при *сказуемомъ* означаетъ признакъ, принадлежащій подлежащему безъ отношенія къ другимъ признакамъ, который оно имѣетъ, безъ всякаго намека на нихъ: онъ былъ *писатель* — здѣсь нѣтъ намека на то, кѣмъ или чѣмъ онъ былъ еще; тогда какъ *твор.* означаетъ признакъ, находя-

*) Съ нашей точки зрѣнія — несогласуемаго *опредѣленія*.

щійся въ соединеніи съ другими признаками подлежащаго, которые могутъ его вытѣснить: онъ былъ *писателемъ* — значить, что онъ былъ и кѣмъ-то другимъ, напр. сановникомъ, помѣщикомъ и т. д.» (См. § 55 стр. 54, 4). Если русской грамматической наукой, быть можетъ, современемъ подвергнута будетъ сомнѣнію правильность изложеннаго взгляда на твор. при сказуемомъ, во всякомъ случаѣ въ настоящее время за такимъ взглядомъ нельзя не признать въ теоретическомъ смыслѣ той выгоды, что онъ вноситъ строгое единство въ общее опредѣленіе, данное авторомъ Русскаго Синтаксиса грамматической категоріи, извѣстной подъ именемъ дополненія.

2. *Косвенные надежи именъ* въ связи съ *предлогами*, какія бы ни выражали значенія, съ точки зрѣнія синтаксиса суть также *дополненія* (См. §§ 51 и 56 Р. С.). Напр. Захворать *отъ заботъ* (род. дополненія съ значеніемъ причины). Дѣдъ слѣзъ *съ воза* (род. дополн. съ знач. мѣста). Со всего *плеча* (род. дополн. съ знач. образа) (См. § 58 Р. С.). Бѣжать *за море* (вин. дополн. съ знач. предмета, за который простирается движеніе). Кумъ не *въ силу* (вин. дополн. съ значеніемъ образа). Слона водили *на показъ* (вин. дополн. съ значеніемъ цѣли) (См. § 60 Р. С.). Змѣй *о трехъ головахъ* (предл. дополн. съ значеніемъ образа). (См. § 62 Р. С.). Въ такомъ родѣ разсмотрѣны въ книгѣ г. Баталина всѣ случаи употребленія имени въ зависимости отъ предлоговъ (См. §§ 58—63 Р. С.). *Косвенные надежи имени непосредственной зависимости*, въ свою очередь, отнесены въ ней всѣ безъ исключенія къ категоріи *дополненій* (См. §§ 51—55 Р. С.). Напр. Чуждался *людей* (род. дополн. съ значеніемъ лишенія). Чудесъ не меньше *солнца* строю (род. дополн. съ значеніемъ сравненія). Улей *пчелы* (род. дополн. съ значеніемъ принадлежности). Всѣхъ *мальчиковъ* было пять (род. дополн. съ значеніемъ количества) (См. § 52 Р. С.). Птица радуется *веснѣ* (дат. дополн. съ значеніемъ причины) (См. § 53 Р. С.). Зарядить еще успѣю я *сто* разъ

(вин. дополн. съ значеніемъ количества) (См. § 54 Р. С.). Черкесь широкою *стенью* леталь (твор. дополн. съ значеніемъ мѣста). Чужимъ *умомъ* не далеко уѣдешь (твор. дополн. съ значеніемъ орудія). Скворецъ *пѣть щеленкомъ* научился (твор. дополн. съ значеніемъ образа дѣйствія) См. § 55 Р. С.) и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе о дополненіи въ томъ видѣ, какой оно приняло въ книгѣ г. Баталина, независимо отъ того значенія, какое можно признать за нимъ въ научномъ смыслѣ, имѣетъ также весьма важныя достоинства практическаго свойства,—такъ какъ оно (ученіе), измѣняя въ значительной степени возрѣнія прежнихъ грамматикъ на опредѣлительныя и обстоятельственныя слова тѣмъ, что многія изъ послѣднихъ переносятъ въ разрядъ дополнительныхъ словъ, существенно упрощаетъ практической разборъ простыхъ предложений со стороны ихъ состава.

Синтаксисъ сложнаго предложенія—въ особенности ученіе о подчиненіи предложений—отличается также весьма существенными особенностями изложенія. Въ основу синтаксической теоріи этого отдѣла грамматики положена строго грамматическая точка зрѣнія, выразившаяся особенно ярко въ томъ, что подчиненныя придаточныя предложения характеризуются однимъ изъ слѣдующихъ двухъ свойствъ—или они *согласуются* съ главнымъ предложеніемъ или же *не согласуются*. Сообразно съ этимъ, придаточныя предложения *дѣлятся вообще на согласуемыя и несогласуемыя*. Согласованіе, собственно говоря, простирается только на тѣ формальные элементы, которымъ подчиняются придаточныя предложения главнымъ, а также тѣ члены главныхъ предложений, развитіемъ или объясненіемъ которыхъ эти элементы служатъ. Частныя за-тѣмъ подраздѣленія придаточныхъ предложений, основанныя исключительно на грамматическомъ принципѣ отношенія ихъ къ какому-либо члену главнаго предложенія, отличаются такими особенностями *sui generis*, что мы рѣшаемся посвятить разсмотрѣнію ихъ нѣсколько строкъ. Разсмотримъ сначала *подчиненіе согласуемое*.

Придаточныя предложенія согласуемая выражают свои отношенія къ главному посредствомъ относительныхъ мѣстоименій: *кто, что, который, чей, какой*. Этими мѣстоименіямъ въ главномъ предложеніи соотвѣтствуютъ явныя или подразумѣваемые мѣстоименія: *тотъ, такой, весь, всякій*. Такъ какъ *согласуемая предложенія* могутъ опредѣлять или *подлежащее*, или *дополненіе*, или *именное сказуемое*, то они и *раздѣляются* на *опредѣляющія подлежащее*, *опредѣляющія дополненіе* и *опредѣляющія именное сказуемое*. (См. § 75 стр. 77). Примѣры. Былъ человекъ, *который* никогда не зналъ ни промысла, ни ремесла. *Кто* ѣсть скоро, *тотъ* и работаетъ споро. *Тотъ* и славился, *чья* чаще гнула шея. Вотъ весь на лицо герой нашъ, *каковъ* онъ есть. (Согласуемая предложенія опредѣляютъ подлежащія). (См. § 76 Р. С.). Какъ много у людей *затѣй, которыя* еще опаснѣй и глупѣй. *Чего* не видишь, *тѣмъ* и не бредишь. На *чей* землѣ, *того* и сѣно. Не знаю даже я (того), *каковъ* тяжелъ челнокъ. (Согласуемая предл. опредѣляютъ дополненія). См. § 77 Р. С.). Мирская молва (есть то же), *что* морская волна. *Какое* дерево, *таковъ* клинъ. Орѣхи *славные* (сказ.), *какихъ* не видѣлъ свѣтъ. (Согласуемая предл. опредѣляютъ именное сказуемое). (См. § 78 Р. С.).

Несогласуемая придаточныя предложенія подчиняются главнымъ чрезъ посредство *союзовъ и нарѣчій*, которые въ этомъ случаѣ называются *связками придаточнаго предложенія*. Въ главномъ предложеніи имъ всегда соотвѣтствуетъ явный или подразумѣваемый членъ предложенія, котораго объясненіемъ служитъ придаточное предложеніе. Задача *связокъ несогласуемыхъ придаточныхъ предложеній* состоитъ въ объясненіи какихъ-либо отношеній рѣчи. Въ частности союзы служатъ объясненіемъ: 1) *признаковъ подлежащаго и дополненія*, 2) *признаковъ сказуемаго*, 3) *признаковъ опредѣленія*, 4) *вопроса*, 5) *причины* и 6) *цѣли*. Нарѣчія, въ свою очередь, служатъ объясненіемъ обстоятельствъ: 1) *мѣста*, 2) *времени* и 3) *образа и способа*. (См. § 80 Р. С.).

Такъ какъ несогласуемая предложенія могутъ относиться къ подлежащему, дополненію и сказуемому, а также и къ ихъ опредѣленіямъ, то они раздѣляются на несогласуемая придаточныя предложенія для объясненія подлежащаго и его опредѣленія, несогласуемая придаточныя предложенія для объясненія дополненія и его опредѣленія и несогласуемая придаточныя предложенія для объясненія сказуемаго и его опредѣленія. (См. §§ 81, 82 и 83 Р. С.). Примѣры. Извѣстно (то), что слоны въ диковинку у насъ. Ужъ подлинно (то), что тамъ чудесь палата. Неизвѣстно (то), будетъ ли онъ здоровъ. (Несогласуемая прид. предложенія объясняютъ подлежащее). (См. § 81 Р. С.). Есть ли въ немъ та страсть, то чувство, пылкость та, чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый казался прахъ и суета. (Несогл. прид. предл. объясняетъ опредѣленіе подлежащаго). (См. § 81 Р. С.). Ужъ сколько разъ твердили міру (о томъ), что лесъ гнусна, вредна. Синица хвасталась (тѣмъ), что хочетъ море сжечь. Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ. Не знаешь (того), гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь. (Несогл. прид. предл. объясняютъ дополненіе). (См. § 82 Р. С.). Такую дичь несетъ, что уши вянутъ. Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ, какъ подъ каждымъ ей листкомъ былъ готовъ и столъ, и домъ. (Несогл. прид. предл. объясняютъ опредѣленіе дополненія). (См. § 82 Р. С.). Стадо таково (сказуемое), что трудно перечестъ. Мостъ—отъ нашъ каковъ (сказ.), что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ, какъ тотчасъ въ воду упадетъ. (Несогл. прид. предл. объясняютъ сказуемое). (См. § 83 Р. С.). Не будемъ же впередъ такія дуры, чтобъ почитать орловъ знатнѣе насъ. Иной засыпалъ тамъ, гдѣ сморила его жара. Чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду. Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врознь раздался. (Несогл. прид. предл. объясняютъ опредѣленіе сказуемаго). (См. § 83 Р. С.). Если къ сказанному прибавить, съ одной стороны, то, что причастія и дѣепричастія, какъ формы отглагольныя, могутъ также имѣть при себѣ тѣ же несогласуемая

придаточныя предложенія, какія имѣеть сказуемое; съ другой, — что несогласуемыя придаточныя предложенія, относясь къ различнымъ членамъ главнаго предложенія, въ то же время выражаютъ всѣ тѣ отношенія, какія необходимы для точнаго объясненія ихъ (т. е. могутъ означать: *мѣсто, время, цѣль, причину, образъ дѣйствія* и пр.), то этимъ мы исчерпаемъ всю существенную сторону синтаксической теоріи сложнаго предложенія, какую мы находимъ въ книгѣ г. Баталина. Достоинство этой теоріи заключается въ томъ, что она построена на строго-грамматической основѣ. Это обстоятельство дало возможность автору Русскаго Синтаксиса избѣгать существеннаго недостатка всѣхъ учебныхъ руководствъ по русскому языку, состоящаго въ томъ, что въ нихъ синтаксическія понятія подчинялись, обыкновенно, логическимъ категоріямъ; смѣшеніе же этихъ различныхъ продуктовъ теоретическаго мышленія, какъ извѣстно, въ высшей степени дурно отзывалось доселѣ на практическихъ результатахъ школьнаго усвоенія синтаксическаго строя русской рѣчи. Теперь книга г. Баталина, можно ожидать, будетъ немало способствовать тому, чтобы дать школьнымъ занятіямъ по русскому синтаксису разумное направленіе и характеръ.

Относительно полноты и обстоятельности изложенія книга г. Баталина, вообще говоря, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Всѣ важныя синтаксическія факты русскаго языка подробно разсмотрѣны въ ней со всѣхъ тѣхъ сторонъ, знакомство съ которыми необходимо для основательнаго пониманія синтаксическаго строя русской рѣчи. Къ достоинствамъ книги нельзя не отнести также того, что она изложена правильнымъ литературнымъ языкомъ, *)—что не всегда можно встрѣ-

*) Мы съ своей стороны желали бы при этомъ одного, что бы почтенный авторъ при будущемъ 2-мъ изд. рус. Синтаксиса упростилъ изложеніе синтаксическаго ученія настолько, чтобы оно вполнѣ было доступно понятіямъ учащихся

тить въ русскихъ учебныхъ книгахъ, — и что въ ней собрано значительное количество весьма удачныхъ примѣровъ на грамматическія правила, заимствованныхъ изъ образцовыхъ русскихъ писателей.

При всѣхъ своихъ неоспоримыхъ — научныхъ и педагогическихъ — достоинствахъ, книга г. Баталина не чужда, однако, нѣкоторыхъ, несущественныхъ впрочемъ, недостатковъ. Раздѣляя вполнѣ взглядъ, высказанный уже критикой по этому предмету, (см. Русскій Филол. Вѣстникъ 1884 г. № I стр. 36 — 42, статья г. Иванова), мы, съ своей стороны, ограничимся лишь немногими критическими замѣчаніями.

1) Въ ученіи о второстепенномъ сказуемомъ слѣдовало, какъ намъ кажется, сказать, что это сказуемое можетъ быть *составнымъ*; это тѣмъ болѣе необходимо было сдѣлать, что въ числѣ примѣровъ, приводимыхъ г. Баталинымъ на употребленіе второстепеннаго сказуемаго, оказывается и такой, гдѣ это сказуемое несомненно *составное*: Царь долженъ *быть судья, министръ и воинъ*. (См. 24, 3 Р. С.).

2) Правило о выраженіи дѣятельности лица второстепеннымъ сказуемымъ въ безличномъ предложеніи. (См. § 25, 2 Р. С.) требуетъ болѣе правильной формулировки въ томъ смыслѣ, что неопред. наклоненіе, какъ второстепенное сказуемое въ безличномъ предложеніи, можетъ выражать дѣятельность лица или предмета неопредѣленнаго, выраженнаго личнымъ окончаніемъ главнаго глагола. Напр. Стало *подмораживать*. Въ этомъ примѣрѣ второстепенное сказуемое *подмораживать* едва ли можетъ, какъ бы слѣдовало по теоріи автора Русскаго Синтаксиса, означать дѣятельность лица или предмета, который можетъ быть выраженъ косвеннымъ падежомъ. По нашему мнѣнію, это сказуемое выражаетъ дѣятельность предмета неопредѣленнаго, скрытаго въ главномъ сказуемомъ (собственно въ его личномъ окончаніи).

3) Способность неопред. наклоненія соединяться съ прилагательными и существительными объясняется авторомъ изъ сложнаго предложенія (радъ, *чтобы стараться* = радъ *стараться*), — что совершенно вѣрно; но мы не можемъ согласиться съ нимъ насчетъ того, что во всѣхъ случаяхъ такого соединенія *неопред. наклоненіе* выражаетъ отгѣнокъ *цѣли*. Намъ кажется, что это наклоненіе, соединяясь съ помянутыми частями рѣчи, можетъ означать, помимо *цѣли*, также *ближайшее отношеніе* или *дополненіе* неполнаго понятія имени. Въ этомъ случаѣ оно соотвѣтствуетъ лат. и греч. *infin. respectivo* или *relationis*. Сравни: Δεινὸς λέγειν — способный *говорить*; ἰχθυὸς ὠφελεῖν — способный *помогать*. У латинскихъ поэтовъ: *cantare peritus*, *avidus committere pugnam* — мастеръ *пѣть* и проч. Такое значеніе неопред. наклоненія легко доказать тѣмъ, что оно по смыслу равняется *косвеннымъ падежамъ имени съ значеніемъ отношенія*. Напр. Чудо *посмотрѣть* = *на видѣ*.

4) Въ числѣ примѣровъ, какими приложеніе отличается отъ опредѣленія, авторомъ приводится, между прочимъ, и тотъ, что приложеніе можетъ имѣть свои объяснительныя слова, а опредѣленіе не можетъ. Напр. Левъ, *гроза* (прил.) *львовъ* (дополненіе). (См. § 44, 3. Р. С.). Правило выражено не точно: опредѣленіе можетъ имѣть свои объяснительныя слова въ видѣ на примѣръ *нарѣчія* (несогласуемое опредѣленіе). Напр. Вскрикнулъ *внезапно ужаленный* князь. *Беззаботно живущіе* люди губятъ себя. (См. § 47, 5 в. Р. С.). Автору слѣдовало бы сказать, что опредѣленія не могутъ имѣть при себѣ *согласуемыхъ объяснительныхъ словъ*.

5) Нѣкоторыя частныя значенія косвенныхъ падежей именъ въ зависимости отъ предлоговъ не всегда опредѣлены авторомъ вполне правильно и точно. Напр. въ выраженіи: «*съ дуру*», по мнѣнію автора, «*съ дуру*» есть родит. дополненія съ значеніемъ *образа* (См. § 58

Р. С.), тогда какъ этотъ родит. имѣеть значеніе *причины*. Въ предложеніи: «Голубь прижался *подъ плетнемъ*» — выраженіе «*подъ плетнемъ*» опредѣляется авторомъ, какъ творит. дополненія съ значеніемъ *предмета*, *внизу котораго* что-нибудь находится (См. § 61 Р. С.); правильнѣе было-бы, какъ намъ кажется, разсматривать это выраженіе, какъ творит. дополненія съ значеніемъ *предмета*, *у (близъ) нижней части* котораго что-нибудь находится. (*Подъ плетнемъ* — не то, что *подъ столомъ*). Встрѣчаются также неправильныя выраженія въ примѣрахъ на употребленіе непосредственныхъ дополненій. Напр. *Чего ты пришелъ?* (См. § 52 Р. С.). Вѣрнѣе было бы сказать: *что (зачѣмъ и почему) ты пришелъ?* и проч.

И 6) въ системѣ согласуемыхъ придаточныхъ предложеній слѣдовало-бы признать, какъ намъ кажется, *видъ придаточныхъ предложеній*, объясняющихъ *опредѣленія* подлежащаго, сказуемаго и дополненія. Этотъ видъ должны составить тѣ *согласуемая предложенія*, которыя служатъ развитіемъ *не самаго имени*, а *его опредѣленія*, выраженнаго мѣстоименіемъ прилагательнымъ

Указанные недостатки книги г. Баталина искупаются однако многими ея достоинствами; побудительнымъ мотивомъ отмѣтить такіе недостатки — было искреннее желаніе съ нашей стороны содѣйствовать улучшенію книги при слѣдующихъ ея изданіяхъ, которыхъ она, конечно, дождется.

Послѣ сказаннаго мы позволяемъ себѣ думать, что книга г. Баталина далеко превосходитъ всѣ существующія руководства по русскому синтаксису, какъ по научнымъ достоинствамъ своего содержанія, такъ и по приемамъ изложенія.

Въ заключеніе; мы не можемъ не выразить съ своей стороны двухъ пожеланій: во-первыхъ, — чтобы книга г. Баталина получила самое широкое распространеніе въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и во-вторыхъ,

чтобы г. Баталинъ взялъ на себя новый, сравнительно уже легкій, трудъ — составить въ духѣ изданнаго имъ Русскаго Синтаксиса, элементарное руководство по русскому синтаксису, приспособленное для визскихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній; такой книгой г. Баталинъ, смѣемъ думать, не мало обогатилъ-бы элементарную учебно-грамматическую литературу русскаго языка.

Владиміръ Костылевъ.

Вознесенскъ, Херс. губ.
1885. 17 Января.

ПРОГРАММА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. ИСЛѢДОВАНІЯ. 1) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл., Поэзіи, Исторіи литературы;—будутъ помѣщаться также цѣлые курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ;—разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія;—разныя методы и программы;—указанія на различія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствахъ и проч. и проч.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Исслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛОГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библиографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, мѣткостей, силы выраженія и красотъ языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библиографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи, касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго,—(народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ и 4) исслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографіи, сравнительной міѳологіи и народной психологіи.